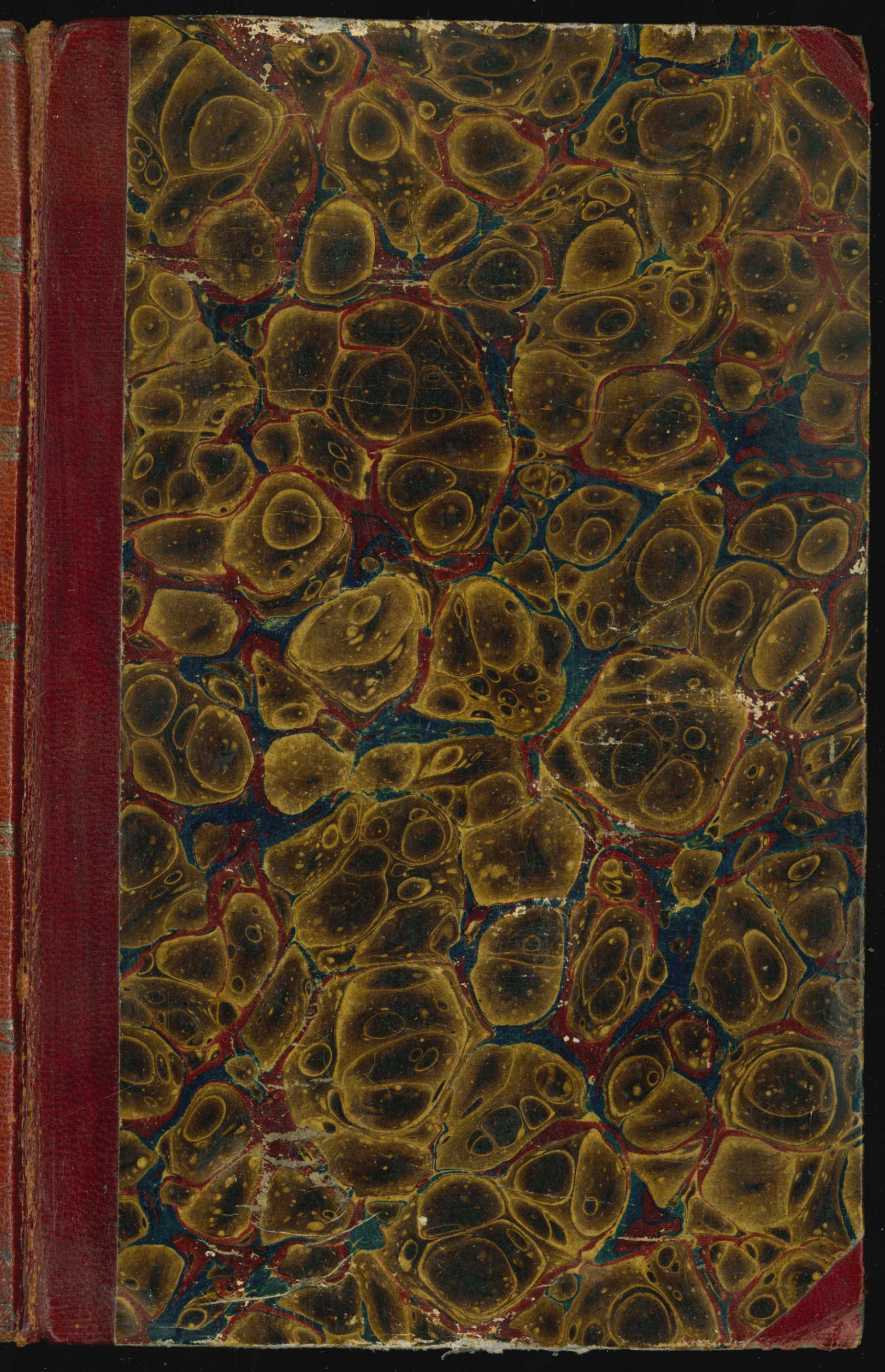
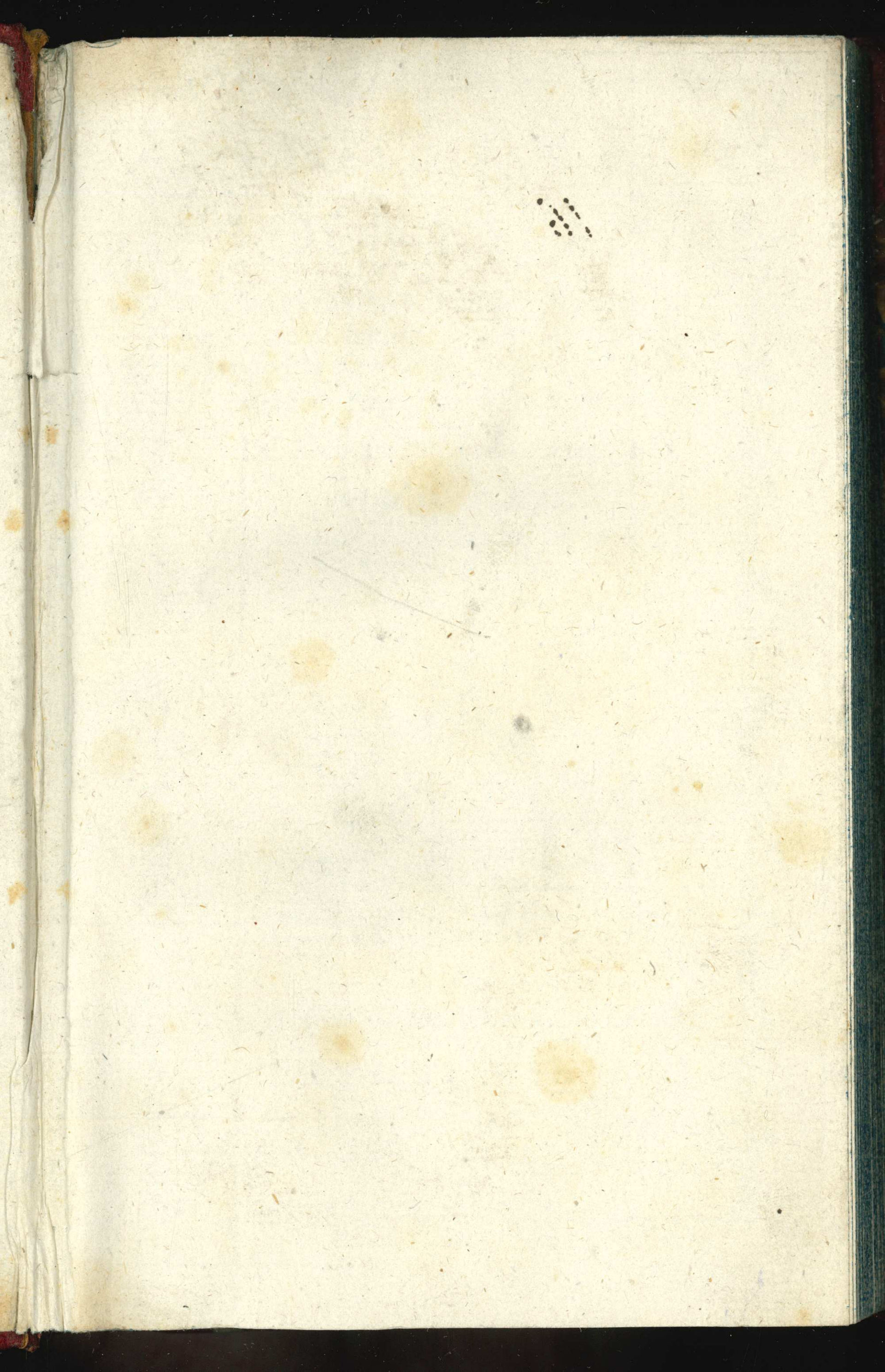




ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ,

По образу житія Марка Аврелія Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа, отъ Антонія Гвевара составленныя.

Съ Латинскаго языка перевелъ

АНДРЕЙ ЛЬВОВЪ.

ЧАСТЬ VI.

ВЪ МОСКВѢ
въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Золотые Часы Государей, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

шестой части

Главы страниц.

31. АвторЪ продолжая намѣреніе, совѣтуетЪ, чтобЪ тѣ, кои благородными считаться желаютЪ, ни для какой прибыли и корысти, кЪ подлымЪ промысламЪ и художествамЪ не снисходили. - 1

32. Письмо М. Аврелія Императора, кЪ Меркурію Самнитскому купцу, претерпѣвшему утрату нѣкоторыхЪ товаровЪ вЪ морѣ. Раздѣлено отЪ Автора на двѣ главы. - - - - 10

33. М. Аврелій оканчивая и заключая письмо, жестоко порицаетЪ Меркурія за печаль обЪ утратѣ товаровЪ; притомЪ показываетЪ, что есть фортуна, и изЪясняетЪ на концѣ нѣкоторыя состоянія сребролюбивыхЪ. - - 18

34 Письмо М. Аврелія Императора кЪ Пирамону, особливому другу, вЪ жестокой печали находящемуся. - - 24

35. Великіе Монархи и Князи должны разсуждать, сколь бѣдна и недостаточна есть человѣческая природа, и сколь многими безсловесныя животныя снабдѣны и украшены дарованіями, коихЪ разумомЪ одаренные человѣки не имѣютЪ. - - - - 38

36. АвторЪ продолжая намѣреніе, не безЪ особливаго остроумія и искусства сравниваетЪ человѣческое бѣдствіе сЪ преимуществами животныхЪ. - - 44

Главы страк.

37 Утѣшительное письмо М. Аврелія Римскаго Императора къ Домитію, Капуанскому гражданину, въ ссылкѣ находившемуся, которой за учиненную съ другимъ гражданиномъ, на коннористательномъ бою, ссору, въ заточеніе былъ посланъ. - - - 57

38. Великіе Монархи и Князи съ особливымъ прилѣжаніемъ стараться должны, чтобъ были защитниками и покровителями вдовъ, и отцами сиротъ. 70

39. Безконечно тягостнѣе суть вдовицъ, нежели вдовыхъ мущинъ бѣдствія; и для того паче объ оныхъ, нежели о сихъ сожалѣть и милосердствовать должно Государямъ. - - - 79

40. Письмо Марка Аврелія Императора къ Римлянкѣ Лавиніи, утѣшительное въ смерти ея мужа, весьма способствующее ко утѣшенію вдовъ, и наипаче знаменитыхъ; раздѣлено отъ Автора на двѣ главы. - - - 87

41. Маркъ Аврелій продолжая письмо, совѣтуетъ вдовамъ подражать и покаряться волѣ Божіей, и при томъ увѣщаваетъ ихъ, быть цѣломудренными. 97

42. Великіе Монархи и Князи должны быть презрителями мірскихъ вещей; понеже все, что ни имѣется въ свѣтѣ, есть пресущественной обманъ. - - 106

43. Авторъ продолжая намѣреніе, жесточайше устремляется на коварства и прелести свѣта. - - - 113

44.

44. Письмо М. Аврелія Императора къ другу Торквату, коего въ ссылкѣ утѣшаетъ, хотя о причинѣ ссылки и не говоритъ. Сіе письмо есть достопамятное, и служащее къ познанію суетъ свѣтскихъ. - - - 121

45. Маркъ Аврелій продолжая намѣреніе, всѣмъ живущимъ въ свѣтѣ достопамятными доказательствами совѣтуетъ остерегаться свѣта. - - - 130

46. Великимъ Монархамъ и Князьямъ не прилично имѣть дружбу и обращеніе съ комедіантами и шутами; такожъ законы отъ Римлянъ о томъ предписанные. - - - 139

47. О нѣкоторыхъ шутахъ въ древнія времена наказанныхъ; такожъ о комедіянтахъ и шутахъ нашего вѣка - - 147

48. Письмо Марка Аврелія Императора къ Еллеспонтскому Намѣстнику Ламберту, которымъ увѣдомляетъ его, что онъ комедіянтовъ изъ города выгналъ, и на томъ островѣ отвезть повелѣлъ. Раздѣлено отъ Автора на три главы. Сіе письмо прилѣжнаго вниманія достойно для тѣхъ, кои за честь и славу вмѣняютъ, ежели имѣютъ при себѣ шута. 157

49. Маркъ Аврелій продолжая письмо, говоритъ, что онъ въ Еллеспонтѣ, куда по повелѣнію его отвезены шуты, нашелъ

шелъ многихъ погребенныхъ Философовъ; и между тѣмъ изъясняетъ причины, побудившія его къ ссылкѣ шутовъ и комедіянтовъ. - - 163

50. Маркъ Аврелій заключая письмо, упоминаетъ причину и время, въ которое сперьва шуты и комедіанты въ Римѣ приняты; и между тѣмъ показываетъ, что многіе изъ нихъ были весьма богатые. - - 170

51. Великіе Государи и Князи должны то, что они суть смертные, памятовать; нижѐ для многихъ роскошей и утѣхъ, коими въ жизни сей наслаждаются, помышленія, чемъ они по смерти будутъ, во̀все отлагать. Включаетъ же Авторъ достопамятныя мнѣнія, внушающія не бояться смерти. - 176

52. О смерти М. Аврелія Императора, и сколь мало друговъ, которые правду больнымъ говорить смѣютъ, гдѣ между прочимъ изъясняетъ Авторъ, сколь достойны порицанія тѣ, кои еще будучи здоровы, ко смерти себя не пріуготовляютъ. - - - 189

53. Рѣчь Секретаря Пануція, къ М. Аврелію Императору, ужѐ умереть имѣвшему, говоренная, которая по истинѣ достойна запечатлѣнія въ памяти. 201

54. Пануцій Секретарь продолжая начатую рѣчь, совѣтуетъ умирающимъ ни

о какой вещи, которую они въ сей жизни оставляютъ, не крушиться въ смерти. - - - - 209

55. Отвѣтъ М. Аврелія Императора къ Секретарю Пануцію, которымъ показываетъ, что не по причинѣ оставленія сего свѣта смерть ему прискорбна и тягостна; но для того, что злонравнаго сына будетъ имѣть наслѣдникомъ. - - - - 218

56. М. Аврелій заключая рѣчь, приводитъ достопамятные примѣры младолѣтныхъ Государей, кои чрезъ пороки, и себя и царства погубили. - - 227

57. Достопамятная рѣчь М. Аврелія Императора, которую онъ въ часъ смерти, призвавъ къ себѣ сына Коммода, говорилъ, заключающая въ себѣ многія наставленія и примѣры, кои дѣтямъ своимъ отцы предлагать должны. - 237

58. М. Аврелій продолжая начатую рѣчь, совѣтуетъ сыну, для трудныхъ и важныхъ дѣлъ имѣть при себѣ мудрыхъ мужей, дабы могъ получать отъ нихъ здравые и полезные совѣты; при томъ увѣщаваетъ, что ему для увеселенія дѣлать, и какъ въ тайномъ совѣтѣ поступать должно. - - - 249

59. М. Аврелій продолжая начатую рѣчь, въ особливое наблюденіе поручаетъ сыну

нѣкоторыя вещи, говоря къ нему толь полезныя слова, что всякому оныя на сердцѣ своемъ написать, кажется, должно. - - - - - 261

60. Какимъ образомъ М. Аврелій рѣчь и жизнь окончилъ, и какія были его послѣднія слова; такожъ о доскѣ съ написаніемъ совѣтовъ, сыну Коммоду данной. - - - - 270

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ.

ГЛАВА 31.

Авторъ продолжая намѣреніе, совѣтуетъ, чтобъ тѣ, кои благородными считаться желаютъ, ни для какой прибыли и корысти, къ подлымъ промысламъ и художествамъ не снизходили.

Плутархъ въ Апофѳегматахъ повѣствуетъ, что пятый Птоломей толь благосклоненъ и приступенъ къ свиданію, и толь ласковъ и пріятенъ въ разговорахъ былъ, что часто къ любимымъ другамъ на обѣденный и вечерній столъ приходилъ, и съ ними ночевалъ, показывая тѣмъ, что они его усерднѣйше и наигорячнѣйше любили. Ибо, правду сказать, Государю, отъ коего жизни всего общества благоденствіе и спасеніе зависитъ, рѣдкимъ себя въ столѣ, а еще рѣдчайшимъ въ чертогахъ и спальнѣ ввѣрять должно.

О томъ же Птоломеѣ и сіе повѣствуется, что онъ друговъ или чужестранцовъ къ обѣду или ужину намѣревая звать, у одного

стульевъ, у другаго скатертей, у инаго стакановъ, у инаго столовъ, и прочихъ вещей равнымъ же образомъ для употребленія прашивалъ: поелику былъ толь расточительной и щедрой Государь, что купленное отъ слугъ къ утрешнему дню, все въ вечеру безъ остатка раздавалъ. Когда же Египетскіе Вельможи нѣкоторымъ днемъ во многомъ числѣ къ нему собрались, и просили его, чтобъ онъ въ дяяніи былъ скромнѣе и умѣреннѣе, и что въ противномъ случаѣ убожества и безславія его, и негодованія всего царства опасаться должно; то сказалъ онъ имъ во отвѣтъ слѣдующимъ образомъ: „Жестоко погрѣшаете, Египтяне, думая, „что убогой и скудной Государь опасности „и поношенію подверженъ. А я въ семъ слу„чаѣ смѣло говорю, что убогаго и недоста„точнаго Государя щастливымъ почитать „должно. Понеже добрымъ Государямъ над„лежитъ больше веселиться о томъ, что „другихъ обогащаютъ; нежели о томъ, что „сами величайшія богатства имѣютъ„. О щастливое общество, которое такого удостоилось имѣть Государя! о блаженной языкъ, который такое могъ произнесть благоразумное мнѣніе! По истиннѣ наипремудрѣйше совѣтовалъ оный добродѣтельнѣйшій Государь всѣмъ прочимъ Государямъ, что честнѣе и полезнѣе имъ, ежели другихъ богатыми дѣлаютъ, нежели когда сами богаты бываютъ. Ибо ежели они много имѣютъ, никогда не переведутся тѣ, кои у нихъ про-

вить станутЪ; естьли же мало имѣютЪ, то никогда не переведутся и тѣ, кои имЪ служить будутЪ.

Светоній ТранквиллЪ вЪ книгѣ о ЦесаряхЪ повѣствуетЪ, что ТитЪ ИмператорЪ нѣкогда за вечернимЪ столомЪ, изЪ внутренностей сердечныхЪ тяжело вздохнулЪ, и другамЪ о причинѣ воздыханія вопрошающимЪ, достопамятный оный произнесЪ голосЪ: „Други мои, я потерялЪ нынѣшній „день„! Коими словами показывалЪ добродѣтельнѣйшій ИмператорЪ, что онЪ тотЪ день между днями своея жизни совсѣмЪ не считаетЪ; поелику во весь оный день никакого благодѣянія никому не сдѣлалЪ. ТакимЪ образомЪ сей щедролюбивый, храбрый, мужественный и великодушный Государь, не о многихЪ награжденіяхЪ, кои роздалЪ во многіе дни; но о единомЪ днѣ, что оной прошелЪ безЪ всякаго кому либо даянія, воздыхалЪ и соболѣзновалЪ.

ПелопидЪ ѲиванинЪ, мужЪ вЪ свое время знаменитый и пребогатый, поелику во владѣніи щастливЪ, и вЪ даяніи не скупЪ былЪ; нѣкоторому вопрошающему: „Для „чего онЪ столь вЪ даяніи щедрЪ и неумѣ„ренЪ„? Отвѣтствовал: „Тебѣ кажется, „что я много даю; а мнѣ мнится, что „еще больше давать долженствую: понеже „деньги мнѣ служить, а не отЪ меня, какЪ „будто обожаемы быть должны. Ибо я „лучше богатствЪ моихЪ раздавателемЪ,

 „не-

„ нежели дому моего попечителемъ называть„ся желаю„.

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что Дарій желая Александра укорить убожествомъ, чрезъ отправленныхъ посланниковъ спрашивалъ: „Гдѣ деньги для набра„нія противъ его войска„? На которой вопросъ отвѣтствовано Александромъ: „Возвѣ„стите Дарію, что онъ сокровища свои въ „мѣдныхъ сундукахъ заключилъ; а я ни„какихъ сокровищъ не имѣю, кромѣ друже„скихъ сердецъ. Возвѣстите такожъ и сіе, „что всѣ сокровища его одинъ человѣкъ похи„тить можетъ; а моихъ сокровищъ, то есть „друговъ, ни онъ, ниже всѣ смертные у „меня отнять не могутъ„. Я въ подобномъ же содержаніи съ Александромъ смѣло говорю, что не можно того назвать убогимъ, который другами богатъ; ни того богатымъ, который другами скуденъ. Ибо конецъ подтверждалъ отвѣтъ, когда Александръ съ другами Дарія сокровищъ лишилъ; а Дарій съ сокровищами своими Александра друговъ лишить не могъ.

Отъ природы стыдливымъ, и на высокомъ мѣстѣ посажденнымъ особамъ, съ крайнимъ стараніемъ безславія гнусныхъ скупцовъ уклоняться должно: потому что безконечно большей стоитъ цѣны честь, которая погибаетъ, нежели богатство, которое пріобрѣтается. Ежели державные Монархи, Князи и знаменитые Вельможи руководствомъ природы къ великодушію стремятся;

мятся; то пусть и слѣдуютъ природѣ: естьли же природнымъ вдохновеніемъ къ скупости клонятся, то пусть сами себя насильно отъ того отвлекаютъ; чего ежели дѣлать отрекутся, нынѣ же предвозвѣщаю, что будетъ нѣкогда время, въ которое они раскаяваться и соболѣзновать станутъ. Ибо главное есть правило, что неумѣренныя содержанія и прихотѣнія всегда бываютъ побужденіемъ и поощреніемъ ядовитыхъ языковъ.

Подумай самъ съ собою, любезный братъ, что коликое ты стараніе прилагаешь о лишеніи другаго имѣнія; толикоежъ или и вящшее употребитъ другой о лишеніи тебя твоей чести. Естьли же ты честь опасности подвергаешь; то по моему мнѣнію, едва ли спокойную жизнь имѣешь. Ибо никакой законъ не повелѣваетъ, и никакое терпѣніе снесть не можетъ, чтобъ изъ моего поту ближній пріобрѣталъ себѣ жизнь роскошную и сласполюбную. Убогой человѣкъ во столько же изношенную и ветхую епанчу, во сколько богатый роскошную и сласполюбную жизнь ставитъ; откуда легко заключается, что ежели богатый съ убогаго сдираетъ епанчу, убогой исторгнетъ у него жизнь.

Между Греками былъ Фокіонъ, мужъ не посредственно славный и почтенный, не столько за мудрость, сколько за презрѣніе тлѣнныхъ сего міра богатствъ. Сему когда Александръ сто талантовъ послалъ въ пода-

рокъ; то онъ привезшихъ тѣ таланты спросилъ: „Для чего такой подарокъ Але-„ксандръ паче ему, нежели другому кому „либо изъ Греческихъ Философовъ посы-„лаетъ„? Отвѣтствующимъ же имъ: „Але-„ксандръ посылаетъ тебѣ для того, понеже „слышалъ, что ты отъ сребролюбія весьма „чуждъ, и къ добродѣтели крайне стара-„теленъ и усерденъ„, сказалъ Фокіонъ: „Возвѣстите Александру, ежели онъ, что „есть быть Государемъ, не знаетъ; то я „совершенно, что есть быть Философомъ, „знаю. Ибо Философу свойственно, прези-„рать деньги Государей; а Государю просить „совѣта отъ Философовъ. Возвѣстите та-„кожъ и сіе Александру, продолжалъ онъ, что „посланное отъ него мнѣ сребро и злато, „есть знакъ неблагосклоннаго и доброхот-„наго друга, но свирѣпаго и лютаго непрі-„ятеля. Ибо ежели онъ меня почиталъ „добродѣтельнымъ; надлежало ему старать-„ся, чтобъ какимъ меня почиталъ, такимъ „я навсегда непремѣнно и оставался„. Достойная по истиннѣ рѣчь толикаго мужа.

Сожалительно, по истиннѣ, что мужъ отъ высокаго колѣна рожденный, такъ погруженъ бываетъ въ сребролюбіи и корыстожадствѣ, что для собранія хотя малаго богатства, принимается за упражненіе въ ремеслахъ и художествахъ, кои паче до подлыхъ людей, нежели до знаменитыхъ и благородныхъ мужей принадлежатъ; чемъ не токмо себѣ стыдъ и безславіе, но и всѣмъ

другамъ и пріятелямъ поношеніе и укоризну наноситъ. Короче сказать; мнѣ кажется духу вовсе отличившемуся отъ предковъ свойственно, что знаменитый мужъ пренебрегши званіе Кавалерскаго достоинства, снизходитъ въ исправленіе подлой должности земледѣльца, сирѣчь лошади въ быковъ, копья въ шилья, щиты въ сошники, щитоносцевъ въ пастуховъ, и Кавалерскія перевязи въ крестьянскія повязки перемѣняя; словомъ онъ въ деревнѣ работу отправлять за удовольствіе считаетъ, а на границахъ подвиговъ военнаго ополченія убѣгаетъ.

Ахъ, колико нѣкоторые Кавалеры сего вѣка отличилися отъ предковъ, въ древнія времена бывшихъ! Ибо предки хвалилися, что Мавровъ истребили; а нынѣ потомки ихъ тѣмъ точію хвастаютъ, сколько возовъ хлѣба въ кучу свозили. Древніе Кавалеры никогда не обыкли воздыхать, кромѣ въ настоящей бѣдѣ и опасности; а нынѣ потомки ихъ, ежели не идетъ въ Маіѣ мѣсяцѣ дождь, сѣтуютъ и плачутъ. Предки спорили между собою, кто множайшихъ содержалъ на своемъ пропитаніи солдатъ; а потомки спорятъ, кто искуснѣйшій и прилѣжнѣйшій изъ нихъ къ собранію денегъ. Между древними были сіи разговоры: Домъ Тиціевъ двухъ сотъ, домъ Сеіевъ трехъ сотъ человѣкъ солдатства питаетъ; а нынѣшнихъ разговоры суть: Акціевъ доходъ состоитъ въ шести, а Тиціевъ въ десяти миліонахъ. И для того я безъ опасенія говорю: Когда послѣдніе хвастаютъ

ютЪ многими милiонами доходовЪ, равно какЪ первые хвалились множествомЪ, коихЪ питали, солдатЪ; то вещь сiя не иное значитЪ, какЪ только сiе, что предки мечь за ефесЪ брали, а потомки ихЪ за острiе его взимаютЪ.

Когда всѣ добрыя науки погибли; то паче всѣхЪ Кавалерскаго званiя наука лежитЪ испровержена. Да и не безЪ причины наукою называю: ибо не мало времени древнiе Философы иждили вЪ предписыванiи законовЪ и правилЪ кЪ наблюденiю КавалерамЪ. КакЪ нынѣ строжайшiй кажется орденЪ Картузiанцов: такЪ нѣкогда строжайшiй былЪ древнихЪ РимскихЪ КавалеровЪ, коимЪ я клятвенно подтверждаю, что ежели бы они вЪ наблюденiи законовЪ Кавалерскаго званiя, отправляли должность добрыхЪ и знаменитыхЪ КавалеровЪ; конечно ни вЪ жизни не оставалосябЪ имЪ времени быть порочными, ни вЪ смерти не имѣлосябЪ причины считать ихЪ худыми Христiянами. Истинный и нелицемѣрный КавалерЪ не долженЪ быть гордымЪ, злобнымЪ, неистовымЪ, свирѣпымЪ, обжорливымЪ, робкимЪ, боязливымЪ, нечистымЪ, похотливымЪ, скупымЪ, лживымЪ, клеветливымЪ, злорѣчивымЪ и лѣнивымЪ; словомЪ, не золотыми шпорами, но непорочнымЪ житiемЪ хвалиться долженЪ.

О когда бы толикое нынѣ Государи прилагали старанiе вЪ испытыванiи тѣхЪ, коимЪ препоручаютЪ паству душЪ; коликое прилагаемо было древними Римлянами вЪ испытанiи

таніи тѣхъ, коимъ ввѣряли оружіе! Ибо въ древнія времена никто не получалъ достоинства Кавалерскаго пояса, ежели не былъ природою знатенъ, красотою и осанкою статенъ, дородствомъ виденъ, въ рѣчахъ скроменъ, въ военной наукѣ искусенъ, сердцемъ небоязненъ, оружіемъ щастливъ, и житіемъ добродѣтеленъ словомъ, надобно было, чтобъ онъ у всѣхъ любовь снискалъ, и никому къ жалобѣ причины не подалъ. Сими добродѣтелями блиставшіе Кавалеры, въ награду за оныя и многими преимуществами пользовались въ Римѣ: ибо однимъ только имъ вольно было надѣвать на персты золотыя кольца, ѣздить по улицамъ на лошадяхъ, носить верхнія одежды, употреблять родовые клейноды и гербы, обѣдать заперши двери, пить изъ серебреныхъ покаловъ, говорить свои мнѣнія въ Сенатѣ, вызывать на поединочной бой, требовать военныхъ знаменъ, имѣть оружія, отправлять посольства, и командовать надъ стражею городскихъ воротъ. Сіе повѣствуетъ Блондъ въ книгѣ о просвѣщенной Италіи.

Ежели мы Плинія въ нѣкоторомъ письмѣ, Плутарха въ политическихъ или гражданскихъ книгахъ, Сенеку въ трагедіи, и Цицерона въ чрезвычайныхъ приключеніяхъ послушаемъ: то древніе ни о чемъ старательнѣе не были, какъ въ испытаніи тѣхъ, коихъ Кавалерского достоинства чести украшали; чего въ нынѣшнее время не токмо не наблюдается, но еще тотъ, которой доволь-

но собралъ денегъ на покупку какого нибудь чина, всегда Кавалеромъ себя считаетъ; и всего хуже, старается о полученіи сего достоинства не для того, чтобъ противу непріятелей ополчаться, но чтобъ тѣмъ свободнѣе въ порокахъ и беззаконіяхъ упражняться могъ. Чтобъ былъ ктолибо добрымъ Христіяниномъ, пусть взираетъ на распятаго Христа; равнымъ образомъ, чтобъ былъ добрымъ Кавалеромъ, пускай смотритъ всегда на клейноды своего щита, кои дѣдъ или прадѣдъ его заслужили. Ибо тамъ ясно ему откроется, что они то не въ домѣ беззаконное житіе провождая; но на границахъ государства кровь проливая, пріобрѣли.

ГЛАВА 32.

Письмо М. Аврелія Императора, къ Меркурію Самнитскому купцу, претерпѣвшему утрату нѣкоторыхъ товаровъ въ морѣ. Раздѣлено отъ Автора на двѣ главы,

„Маркъ Аврелій Императоръ Римскій, „рожденный на Целійской горѣ, Меркурію „особливому другу здравія, и утѣшенія отъ „боговъ утѣшителей желаетъ.

„Дружбы нашей знаки суть приходящія „между нами дѣла доброжелательства: ибо „я какъ только о нещастіи твоемъ увѣдомился, тотъ часъ послалъ для утѣшенія тебя куріера; а ты взаимно, услышавъ тамо о моей здѣсь болѣзни, прислалъ ко мнѣ

„по-

„посѣщенія ради друга; откуда явственно „есть, что и ты меня въ памяти содержишь, и я тебя изъ оной не выпускаю.

„Я получилъ извѣстіе, что и мой „куріеръ, ѣхавшій туда, и твой вѣстникъ путешествовавшій сюда, въ „Капуѣ между собою встрѣтились; изъ „которыхъ тотъ мои къ тебѣ желанія, „а сей твои ко мнѣ письма везли, и естьли бы ты столь же внимательно мое прочелъ, сколь я прилѣжно твое выслушалъ: „яснобъ оттуду усмотрѣлъ, что сердце „мое равно попеченіями наполнено, какъ и „твое печалями сокрушено.

„Что прислалъ ты друга для утѣшенія меня въ тридневной лихорадкѣ; за „наиприятнѣйшую вещь почитаю, и величайшее благодареніе тебѣ приношу: ибо по „щастію и утѣшеніе и посѣщеніе твое въ „самой тотъ часъ ко мнѣ пришло, въ которой лихорадка оканчивала свое свирѣпство. „И естьли бы богамъ такъ въ моей власти „все дѣло представить, какъ въ члены мои „лихорадку всѣять было благоугодно; то ни „твоимъ утѣшеніямъ отлучиться, ни моей „лихорадкѣ вспять возвратиться не далъ бы „мѣста и воли. О сколь велика гордость „наша! о бѣдное состояніе человѣческое!

„Я многія у другихъ царства отнять „стараюсь, а изъ собственныхъ своихъ „членовъ и единой лихорадки изгнать не „могу. Скажи пожалуй, Меркурій, какая „намъ польза много желать, искать, прі-

„обрѣ-

,, обрѣтать, превозноситься и высокоумство-
,, вать; когда и дни толь краткіе, и силы
,, толь малыя и слабыя имѣемъ?

,, Много уже тому времени, какъ мы
,, между собою продолжаемъ взаимную любовь,
,, и много уже тому лѣтъ, какъ мы между
,, собою имѣемъ знакомство; и въ самой
,, тотъ день, когда твоя дружба препоручи-
,, ла себя моей вѣрности, немедлѣнно и моя
,, вѣрность обязала себя твоей дружбѣ, чтобъ
,, и твои нещастія были моими, и мое благо-
,, получіе было твоимъ: ибо, по словамъ
,, божественнаго Платона, та только дружба
,, есть истинная, гдѣ тѣла различныя, а
,, воля единая. Весьма подозрительна кажет-
,, ся мнѣ та дружба, гдѣ и сердца между
,, собою отстоятъ, и воли не согласуютъ. Ибо
,, многихъ сыщешь въ Римѣ, кои словами
,, только иным други; и когда храмины
,, ихъ и друговъ едва чрезъ десять жилищъ
,, разстояніемъ отдѣлены: то сердца больше
,, десяти тысячь миль удалены. Ты вѣдаешь,
,, какой мы договоръ сдѣлали во время тво-
,, его изъ Рима отъѣзду, и моего изъ Самнитъ
,, возвращенія, отъ котораго я не токмо не
,, отступлю, но еще усерднѣйше желаю,
,, чтобъ я здѣсь былъ другимъ тобою, толь-
,, ко бы ты тамо былъ другимъ мною
,, такъ, чтобъ и я тебѣ всегда былъ присут-
,, ственъ, и тебя находящагося въ отсут-
,, ствіи имѣлъ всегда какъ присутствующа-
,, го.

Изъ

Изъ рѣчей твоего куріера я узналъ претерпѣнной тобою великой уронъ богатства; а изъ самаго письма усмотрѣлъ, гораздо вящшую о томъ печаль твоего сердца. Къ намъ пришло извѣстіе, что ты корабль нагруженной товарами послалъ въ Грецію, на которомъ бывшіе корабельщики и прикащики лучше пожелали въ пользу употребить разсудокъ собственной мудрости, нежели удовлетворить твоей жадности; и для того они брося въ море товары, свое только спасли здравіе, да и самимъ дѣломъ въ толь бѣдственномъ и опасномъ случаѣ, какъ тебѣ ихъ винить не справедливо, такъ и имъ тебѣ удовольствіе дѣлать не нужно: ибо ничто глупѣе быть не можетъ, какъ ежели кто для чужихъ богатствъ собственную жизнь опасности подвергаетъ.

„Какъ въ семъ, что я сказалъ, такъ „и въ томъ, что сказать имѣю, извини меня, „любезный Меркурій; сирѣчь, понеже кора„бельщики и прикащики, ни сыны, ни род„ственники, ни други твои не были, то „толькобъ лишь товары твои цѣлы въ „пристань дошли; мало тебѣ было бы „нужды, естьлибы всѣ они пучиною морскою „пожерты были. Но я не умолчу и сего, „хотя и я оное принужденно говорю, и „ты съ гораздо вящшимъ неудовольствіемъ „слушаешь; сирѣчь, поелику вы будучи сре„бролюбивы, ни во что ставите чужихъ „дѣтей, служителей, и безмѣрно любите „собственныя богатства: то хотя ты изо-

„биль-

„ бильными тучами утрату своихъ богат-
„ ствъ оплакиваешь, ни единой бы капли
„ слезъ не пролилъ, хотя бы всѣхъ ихъ
„ утопшими видѣлъ. Ибо Римскіе купцы
„ горестнѣе плачутъ о десяти червонныхъ,
„ коихъ пріобрѣсть не могутъ; нежели о
„ погибели десяти человѣкъ, коихъ стараніемъ и трудомъ оныя пріобрѣтаютъ.

„ Мнѣ кажутся ни съ справедливостью,
„ ни съ честностью несогласны твои дѣла,
„ о которыхъ намъ возвѣщаютъ; сирѣчь,
„ что ты жалуешся на слугъ, и обвиняешь
„ корабельщиковъ, взыскивая то отъ бѣд-
„ ныхъ людей на землѣ, что во власти своей
„ имѣютъ рыбы въ морѣ. Ибо, какъ и самъ
„ ты вѣдаешь, здравіе, жизнь, и честь
„ промѣнивать на богатство, никто не обя-
„ занъ. И для того я о тебѣ весьма сожалѣю,
„ что облегченіе получившій себѣ корабль
„ тебѣ тягостенъ; и всего хуже, что кора-
„ бельщики, какъ я думаю, и ты знаешь,
„ не толикое множество кипъ товаровъ въ
„ море бросили, коликія тьмы печалей въ
„ твое сердце вошли.

„ Никогда я толь смѣлаго, или лучше
„ сказать, страстнаго, какъ ты, человѣка
„ не видалъ; поелику зря, что корабль,
„ ежели бы не бросили съ него для облегче-
„ нія въ море драгоцѣнныхъ товаровъ, не
„ могъ плыть безопасно; самаго себя, имѣя
„ путешествовать во гробъ, богатствами
„ обременяешь. О прокляты я, и печалей
„ наполненныя богатства, съ которыми чело-

„ вѣки

„вѣки толь многимъ бѣдствіямъ, толь „многимъ опасностямъ, и толь многимъ „злоключеніямъ на землѣ и на морѣ подвер- „жены! Ежели я нравъ твой обстоятельно „знаю; то лучше бы желалъ положить „трудъ мой въ изслѣдываніи утопшаго „свинцу и олова, нежели печалями объята- „го твоего сердца. Ибо олово твое въ единомъ „мѣстѣ глубины морской погрязло; а сре- „бролюбіе твое во всей земной окружности „свѣта распространилось.

„Ежели бы ты нынѣ умеръ, и врачи „внутренности твои бритвою открыли; то „прежде, клянусь милостію матери Верекин- „ѳіи великой, всѣхъ Римскихъ боговъ роди- „тельницы! прежде, говорю, сердце твое съ „оловомъ погрязшее въ морѣ, нежели живу- „щее въ тѣлѣ нашли бы. Не можешь ты „уже такъ, какъ я, единственною тридневною „лихорадкою болѣзновать; но жаркія волнова- „нія тѣла, и сильныя печали духа сугубую „тебѣ родятъ четверодневную лихорадку, „которой недугъ не на кровати, но на „кораблѣ; не на землѣ, но на морѣ; и не „Физиковъ, но корабельщиковъ помощію исцѣ- „лишь возможешь: по тому что Физики „отнялибъ у тебя деньги; а корабельщики, „гдѣ олово твое потонуло, указалибъ мѣсто. „Но не сокрушай себя, любезный Меркурій. „Понеже естьли ты олово не имѣешь съ „собою на землѣ, оно имѣетъ тебя съ со- „бою въ морѣ. Ты симъ себя утѣшай,

„что

„что прежде ты имѣлъ въ сундукахъ, то
„нынѣ ужѐ имѣешь во утробѣ: ибо тамъ
„жизнь твоя погрязла, гдѣ погрязло твое
„олово.

Разумѣешь ли, по крайней мѣрѣ хотя
„теперь, Меркурій, что, когда ты имѣнія
„свои подозрительнымъ морскимъ отмѣлямъ
„и камнямъ, желанія твои высокимъ волнамъ,
„неистовое сребролюбіе бурнымъ вѣтрамъ,
„и олово твое чужимъ водамъ ввѣрилъ, съ
„коль усерднымъ желаніемъ твоей корысти
„ѣхали твои прикащики: съ толь несомнѣн-
„нымъ и извѣстнымъ представленіемъ въ
„мысляхъ ты себѣ воображать долженство-
„валъ могущую послѣдовать утрату оныхъ?
„Ежели бы сіе приходило на мысль, или
„сіе прилѣжное наблюденіе ты употреблялъ;
„то потоплобъ токмо единое твое желаніе,
„и спаслась бы твоя надежда: ибо тѣ, кои
„богатства свои ввѣряютъ толь опасному и
„непостоянному морю, не о томъ, что
„утопаетъ, печалиться; но о томъ, что въ
„цѣлости пребываетъ, веселиться должны.

„Кратесъ древнѣйшій и величайшій изъ
„Философовъ, не словомъ, но дѣломъ насъ
„научить хотѣлъ, сколь должно презирать
„богатства сея жизни: ибо онъ бросилъ въ
„море не олово, но золото, не малаго, но
„великаго вѣсу, не чужое, но свое; не
„чрезъ бурную погоду, но чрезъ отмѣнную
„мудрость; и симъ Геройскимъ дѣйствомъ
„показалъ толь высокой и благородной духъ,
„что ни одинъ сребролюбецъ толико не

„ве-

„веселился, нашедши оное въ землѣ, коли-
„ко радовался Философъ потопившій его въ
„морѣ. Естьли же достопамятной есть
„Кратесовъ поступокъ; то гораздо важнѣй-
„шія суть слова, кои онъ во время того
„потопленія примолвилъ: Идите въ бездну
„злыя прихотѣнія: я васъ утоплю, чтобъ
„самъ отъ васъ утопленъ не былъ.

„Когда же Кратесъ собственныхъ денегъ
„такъ страшился и боялся; то для чего
„сребролюбцы чужими, кои похищаютъ,
„владѣть не страшатся? Мудрецъ оный
„не хотѣлъ положиться на чистое золото;
„а ты полагаешся на твердое олово.
„Метнитежъ оба жребій, онъ Ѳивянинъ и
„ты Самнитъ, и испытайте, кто изъ
„васъ благоразумно или глупо сдѣлалъ; онъ
„ли, золото изъ земли метая въ море, или
„ты золото чрезъ моря привозя на землю.
„Хотя я не сомнѣваюсь, что древніе Римляне
„ему, а нынѣшніе сребролюбцы тебѣ пре-
„имущество присудили бы; однако мнѣніе
„мое есть такое, что ты оное за велико
„почитая, презрѣніе; а Кратесъ его прези-
„рая, славу отъ всѣхъ получить долженъ.

ГЛАВА 33.

М. Аврелій оканчивая и заключая письмо, жестоко порицаетъ Меркурія за печаль объ утратѣ товаровъ; притомъ показываетъ, что есть фортуна, и изъясняетъ на концѣ нѣкоторыя состоянія сребролюбивыхъ.

„Такъ же самой куріеръ мнѣ объявлялъ, „что ты въ печали погружаешся, ночью во„пишь, на боговъ ропщешь, сосѣдей безпоко„ишь, и паче всего ежедневными жалобами „фортуну, которая такъ съ тобою поступи„ла, обвиняешь. Я соболѣзную о твоей пе„чали: ибо печаль есть пріятельница уеди„ненія, ненавистница товарищества, лю„бительница скрытныхъ и мрачныхъ мѣстъ, „убѣгательница обращенія, и наслѣдница „отчаянія. Соболѣзную о твоемъ ночномъ „воплѣ; потому что оной есть доказатель„ство глупости, знакъ малаго терпѣнія, „примѣта умаляющагося въ комъ либо разума, „и ясной опытъ безумія. Ибо въ тотъ часъ, „въ которой весь свѣтъ тьмою покрывает„ся, единое сердце твое къ безпутному „вытью отверзается.

„Сожалительно мнѣ, что ты на боговъ „ропщешь, называя ихъ свирѣпыми и неми„лосердыми, кои ежели что у тебя отняли „за гордость, оное возвратили бы за сми„реніе: ибо мы сколько боговъ беззаконіемъ „прогнѣвляемъ, столько терпѣніемъ ихъ

„уми-

„ умилостивляемъ. Или ты невѣдаешь,
„ другъ Меркурій, что вящшее есть долго-
„ терпѣніе боговъ, которое они въ умалчи-
„ ваніи нашихъ злодѣяній, нежели то, кото-
„ рое человѣки въ сношеніи ихъ наказаній
„ являютъ? Ибо мы ихъ неправедно оскор-
„ бляемъ; а они насъ весьма праведно нака-
„ зуютъ.

„ Прискорбно мнѣ, что ты воплями и
„ стенаніями своими досаждаешь сосѣдамъ:
„ ибо, какъ и самъ ты извѣстенъ, сосѣдъ
„ сосѣду, а наипаче убогой богатому зави-
„ дуетъ. Чего ради я совѣтую, скрывъ
„ печаль, оказывать во всемъ радостной и
„ веселой видъ, чтобъ ежели паче чаянія бо-
„ гатство тебѣ снискало ненависть, по край-
„ ней мѣрѣ терпѣливость возбудила о неща-
„ стіи твоемъ сожалѣніе. Соболѣзную, что
„ ты жалуешся на фортуну: понеже форту-
„ на будучи толь многимъ извѣстна, и у
„ толь многихъ почтенна, не попускаетъ се-
„ бя обезчестить единому человѣку; слѣдо-
„ вательно лучше ее ласкою укрощать, не-
„ жели упорствомъ обвинять. Ибо многихъ
„ найдешь, кои въ разсказываніи и изъясненіи
„ своихъ бѣдъ и печалей тщаливы; но въ
„ изыскиваніи ко уврачеванію средствъ вовсе
„ нерадѣтельны.

„ Неискусный Меркурій, ты толь не-
„ прозорливъ и забывчивъ, что вновь нынѣ
„ съ фортуною вчинаешь ссору. Фортуну ли,
„ съ которою всѣ дѣлаютъ примиреніе, ты
„ на брань вызывать дерзаешь? Еще не вѣ-

 „ даешь,

„даешь, что есть брань, и ужѐ побѣдою
„наслаждаться желаешь никто отъ ловит-
„вы и обмана ея не спасся; и ты ли безо-
„пасно ходить думаешь? Что далѣе гово-
„рить стану, видя твое съ фортуною сра-
„женіе? Или ты не знаешь, что она-то
„есть та воительница, которая высокія
„стѣны испровергаетъ, и ветхія развалины
„защищаетъ, которая необитаемыя пусты-
„ни населяетъ, и многолюдныя селенія опу-
„стошаетъ, которая изъ непріятелей дру-
„гами, и изъ друговъ врагами; которая по-
„бѣдителей побѣжденными, и побѣжденныхъ
„побѣдителями; и которая изъ измѣнниковъ
„вѣрными, и изъ вѣрныхъ подозрительны-
„ми дѣлаетъ? Наконецъ вѣдай, что она-то
„есть та обладательница, которая царство
„въ верьхъ и въ низъ преобращаетъ, воин-
„ства истребляетъ, Царей съ престоловъ
„низвергаетъ, тиранновъ на державы возво-
„дитъ, мертвыхъ жизнію даруетъ, и жи-
„выхъ погребаетъ.

„Ты не памятуешь надписанія, которое
„вторый Спартанскій Король на воротахъ
„своихъ начерталъ слѣдующими словами:
„Сей домъ есть, гдѣ человѣкъ дѣлаетъ,
„что можетъ; а фортуна, что хочетъ.
„Слова̀ по истиннѣ преславныя, и толь вы-
„сокому разуму приличныя! И ежели я вѣ-
„роятія достойная, всѣмъ мудрымъ лю-
„дямъ къ примѣчанію весьма нужныя: ибо
„оныя не на воротахъ, но на самыхъ серд-
„цахъ написать должно. Лучше оный Царь,

„не-

„ нежели ты, зналЪ фортуну, который себя временнымЪ надзирателемЪ, а не подлиннымЪ владѣтелемЪ поставлялЪ; и коликократно случалось ему равнымЪ образомЪ, какЪ нынѣ тебѣ, чего нибудь лишаться, разсуждалЪ, что не собственное у него отъемлется, но препорученное вЪ сохраненіе обратно взимается. Никакая вещь жизни сей горестнѣйшею человѣкамЪ не дѣлаетЪ, какЪ сія, что они умышляютЪ и воображаютЪ вЪ своемЪ сердцѣ, аки бы тлѣнными и непостоянными богатствами, кои фортуна на срочное время у нихЪ вЪ сохраненіе полагаетЪ, надлежало чрезЪ всю жизнь владѣть, и пользоваться непрерывно. ПопущеніемЪ ли милосердныхЪ боговЪ, или дѣйствіемЪ свирѣпыхЪ судьбинЪ сіе происходитЪ, неизвѣстно; сирѣчь, я вижу, что чѣмЪ кто вЪ жизни сей почтеннѣе и богатѣе бываетЪ, тѣмЪ жесточайшіе удары фортуны претерпѣваетЪ; и мы смѣло можемЪ сказать правду, что одинЪ только тотЪ отЪ нападенія фортуны свободенЪ и безопасенЪ, который вЪ непреодолимую крѣпость гроба заключается.

„ КуріерЪ твой мнѣ сказывалЪ, что ты будущаго лѣта намѣревалЪ ѣхать вЪ РимЪ; а нынѣ зимой хочешь плыть на корабляхЪ вЪ Александрію. О безщастный Меркурій, скажи пожалуй мнѣ, когда ты весь разумЪ и смыслЪ потерялЪ, что жизнь твоя ужè кончается, а сребролюбіе вновь начинается. Ты два города нашелЪ славнѣйшіе купеческимЪ

„ промысломъ, сирѣчь, Римъ мучителя доб-
„ родѣтельныхъ, и Александрію главу и на-
„ чальницу пороковъ, коихъ ежели ты сер-
„ дечно любишь: то послушай, какіе въ
„ нихъ товары продаются. Въ Римѣ тѣло
„ пороками обременишь; а въ Александріи
„ сердце попеченіями наполнишь. И ежели
„ сверьхъ чаянія скупишь нѣсколько товаровъ,
„ кои тамо имѣются, или распродашь нѣсколь-
„ ко вещей, кои отсюда везешь: то по истин-
„ нѣ паче алчное пріобрящешь желаніе того,
„ что оставишь, нежели довольное сердце
„ тѣмъ, что съ собой привезешь.

„ Ты не помнишь, что ужѐ нынѣ зима,
„ и надобно проходить море, на которомъ,
„ ежели не обманываютъ меня кораблеплавате-
„ ли, самыя тишайшія погоды суть пред-
„ начинаніемъ величайшей бури. Естьли же
„ скажешь, что корабли твои пойдутъ порож-
„ ніе, и для того безопаснѣе плыть будутъ:
„ отвѣтствую, что они больше сребролюбіемъ
„ обременены отъ тебя отпустятся, неже-
„ ли шелкомъ нагружены къ тебѣ возвратят-
„ ся. Сколь щастливой и прибыточной былъ
„ бы вымѣнъ: ежелибъ Италіанцы свое сре-
„ бролюбіе промѣняли на Александрійской
„ шелкъ; конечно естьли бы сіе сдѣлалось,
„ клятвой подтверждаю, что шелкомъ ее
„ чуть и одинъ корабль нагрузить, а сре-
„ бролюбіемъ нашимъ и цѣлой флотъ вооору-
„ жить былобъ можно. Великая есть жад-
„ ность корыстолюбія, которую ни стыдъ
„ человѣческій не обуздываетъ, ни страхъ
„ смерт-

„смертный не истребляетъ. Говорю я сіе
„для тебя, вѣдая, что, поелику ты от-
„важиваешся въ такое время ѣхать моремъ;
„необходимо должно, чтобъ ты или изо-
„биловалъ сребролюбіемъ, или неодаренъ
„былъ духа разумомъ.

„Къ моему удовольствію, и твоему из-
„виненію, я не знаю, что о тебѣ вопрошаю-
„щимъ отвѣтствовать, кромѣ, что ты не-
„знакомъ богамъ, а знакомъ морю; и что
„неспокойный духъ твой безпокойнымъ
„водамъ, твердое сердце кроющимся въ
„моряхъ твердымъ камнямъ, и наконецъ
„вѣтреность вѣтру суть знакомы. Скажи
„мнѣ, чего ты искать отъѣзжаешь, въ та-
„кое время дому своего покой оставляя, и
„въ Александрію моремъ путешествуя? Или
„ты идешь въ Арпинской заливъ, гдѣ кора-
„бельщики бросили твое олово? Ну! такъ
„разсмотрижъ прилѣжно, что ты дѣлаешь;
„сирѣчь, чтобы помышляя твердое олово
„у рыбъ отнять, собственныя плоты мяг-
„каго мяса имъ въ добычу не оставилъ:
„ибо я многихъ видѣлъ въ Римѣ, кои
„стараясь что нибудь потерянное возра-
„тить, и остальное все утратили.

Послѣднее сіе слово, Меркурій, во вну-
„тренностяхъ сердечныхъ запечатлѣй, изъ
„котораго уразумѣешь, чего вы сребролюб-
„цы въ сей жизни ищете. Ты себѣ ищешь
„печали и безпокойства, ближнимъ и сосѣ-
„дамъ зависти, чужимъ и незнаемымъ до-
„сады, ворамъ поощренія, тѣлу своему

 „из-

„изнуренія, славѣ ущербу, жизни пагубы, „другамъ утружденія, врагамъ случая, наконецъ, ты наслѣдникамъ проклинанія, и „дѣтямъ своимъ жестокихъ ссоръ и распрей „ищешь.

„Болѣе ничего, по причинѣ приступле-„нія лихорадки, писать не могу. И для „того прошу, моли за меня Самнитскихъ „боговъ: ибо ежели немилостивы къ намъ „боги; мало пользуютъ болѣзнямъ нашимъ „врачи. Кланяется тебѣ Фавстина, сказы-„вая, что объ утратѣ твоей много сожалѣ-„етъ, и посылаетъ дочери твоей Фавіолѣ „драгоцѣнное ожерелье. Я такъ же съ моей „стороны посылаю указъ, чтобъ въ награду „олова данъ былъ тебѣ корабль, на кото-„ромъ опасайся ѣхать въ Родосъ: по тому „что мы оной отняли у Родосскихъ раз-„бойниковъ. Да сохранятъ тебя боги, и „даруютъ тебѣ, мнѣ и супругѣ моей Фав-„стинѣ добродѣтельную между своими жизнь, „и непорочную между иноземными славу. „Не пишу собственною рукою за препятстві-„емъ болѣзни.

ГЛАВА 34.

Письмо М. Аврелія Императора къ Пирамону, особливому другу, въ жестокой печали находящемуся.

„Маркъ Императоръ Римскій, рожден-„ный на Целійской горѣ, Пирамону Ліонско-„му, особливому другу здравія, и противъ

„злой

„злой фортуны великодушнаго сердца желa-
„етъ.

„Въ письмѣ твоемъ врученномъ мнѣ 3
„дня Генваря, которое показываетъ, что
„прежнее мое къ тебѣ дошло, я не весьма
„взираю на слова, а токмо нѣсколько уважаю
„ихъ содержаніе. Когда же я и безъ толкова-
„теля мысли твои постигаю, и изъ знаковъ
„разумѣю: то справедливо было и тебѣ
„мое мнѣніе разумѣть, изъ толь простран-
„наго моего писанія. Однако ты столь
„глупъ, что ни голоса не слышишь, ни
„толканія не чувствуешь.

„Но да приступлю къ самому дѣлу;
„ты вѣдаешь, коликою близостію крови,
„сколь древнею дружбою, сколь твердою
„любовію мы сопряжены, сколь нѣжно и
„горячо между собою любились, и коликіе
„съ обоихъ сторонъ опыты истинной друж-
„бы показали: понеже безъ сомнѣнія помнишь,
„что во время нашего пребыванія въ Родосѣ,
„мы сотоварищами и сожителями были; гдѣ
„ежели ты что намѣреніемъ въ сердцѣ
„предпринималъ, я то самимъ дѣломъ и-
„сполнялъ; и ежели я что говорилъ, ты
„мнѣ въ томъ никогда не противорѣчилъ. Ибо
„ты въ моемъ сердцѣ, а я въ твоемъ водру-
„женъ былъ такъ, что я былъ другимъ
„тобою, а ты другимъ мною; по чему хотя
„казалось намъ, что мы двое, единая токмо
„обоихъ была воля.

„Какая тому причина, Пирамонъ, что
„ты о печали своей пишешь, а для чего

„ печалишся, не изображаешь? Что смерть
„ тебѣ угрожаетъ, говоришь; а кто жизнь
„ отъемлетъ, умалчиваешь? Ежели ты мнѣ
„ по дружбѣ части твоихъ бѣдствій удѣлить
„ отрекаешся; то вѣдай, что я по закону ее
„ истребовать имѣю. Разсуждай же, Пирамонъ,
„ что такъ отъ безсмертныхъ боговъ положено,
„ чтобъ всѣ веселія и выгодности въ мой
„ домъ не входили, и всѣ бѣдствія и печали
„ меня обременяли, со времени моего бытія
„ тѣмъ, коего всѣ докуками отягощаютъ.
„ Ты хотя и желаешь, власти моей избѣг-
„ нуть не можешь: ибо ежели ты въ щастіи
„ жалуешся, что нещастливъ; я напротивъ
„ того въ нещастіяхъ хвалюсь, что щаст-
„ ливъ.

„ Скажи пожалуй мнѣ, когда ты голоденъ
„ былъ, то видѣлъ ли хотя однажды меня
„ въ то время сытаго? Когда ты бодрство-
„ валъ, то видѣлъ ли меня въ то время
„ спящаго? И когда ты трудился, то видѣлъ
„ ли меня въ то время почивающаго? Истин-
„ но, хотя тѣла и пожитки каждаго изъ
„ насъ были собственныя; однако бѣдствія и
„ нещастія всегда были общія. Единую вещь
„ тебѣ необходимо исполнить должно, есть-
„ ли только въ дружбѣ моей пребывать жела-
„ ешь; сирѣчь, благополучія мои твоими, и
„ нещастія твои моими почитай, когда ты
„ къ роскошамъ и утѣхамъ рожденъ, а я
„ для трудовъ и печалей въ свѣтѣ семъ жи-
„ ву. Ты самъ свидѣтель, что я все сіе не-
„ лицемѣрно говорю: ибо ты въ смерти

„ доб-

„ добродѣтельнѣйшей и прекраснѣйшей твоей „ сестры Іамаріи примѣтить могъ, что въ „ то время, какъ ее бездушную землѣ пре„ давали, я еще будучи живой купно спогре„ бался; хотя напротивъ того твои глаза̀ „ къ звону моихъ слезъ и рыданій плясали.

„ Естьли же ты никакой причины обо мнѣ „ сомнѣваться не имѣешь; то печаль твою „ мнѣ смѣло и безопасно открыть можешь. „ Но коликократно я тебя ни спрашивалъ, „ ты всегда представлялъ одни точію выдум„ ки. Чего ради наиприлѣжнѣйше тебя про„ шу, и именемъ безсмертныхъ боговъ „ заклинаю, въ моемъ нѣдрѣ положи чашу „ твоихъ бѣдствій! Ибо куда ты ни пой„ дешь, я отъ тебя не отступлю ни на ноготь, „ Ежели ты поѣдешь, поѣду и я: ежели, „ ты пріостановишся, пріостановлюсь и я: „ ежели ты будешь трудиться, стану тру„ диться и я: естьли ты станешь почивать, „ буду почивать и я. Словомъ: естьли ты „ смерти желаешь; то совершенно вѣдаешь, „ что и я жизни не желаю.

„ Избери, Пирамонъ, что угодно, и „ раздѣли, какъ за благо разсуждаешь: ибо „ твои и мои бѣдствія единое токмо сердце „ терзаютъ. Ежели ты желаешь печалить„ ся, всѣ утѣхи отъ себя удалю: ежели ты „ хочешь плакать, я заклинаю себя никогда „ не смѣяться: ежели ты бремя сѣтованія „ съ себя сложить желаешь, я оное не иначе „ какъ собственное свое на рамена воспріиму: „ ежели тебѣ уединеніе нравится, я отъ

„ всѣхъ

„ всѣхъ человѣческихъ сообщеній отрекусь;
„ и ежели тебѣ человѣческія собранія угод-
„ ны; я уединеніе оставлю. Чегожъ еще жела-
„ ешь, чтобъ я желалъ? Истинно, чего бы
„ ты ни восхотѣлъ, я со всякимъ усердіемъ
„ того желать буду.

„ Поелику ты жалуешся, что въ толикихъ
„ горестяхъ ни изъ родственниковъ помощи, ни
„ изъ друговъ утѣшенія тебѣ никто не по-
„ даетъ: то повѣрь мнѣ, Пирамонъ, что обоихъ
„ сихъ вещей толикой въ домѣ моемъ имѣет-
„ ся недостатокъ, коликое посреди твоихъ
„ стѣнъ находится изобиліе. Ты вѣдаешь,
„ что въ нещастіяхъ нашихъ помощи отъ
„ богатыхъ, утѣшенія отъ мудрыхъ людей
„ ожидать должно. Когда же по власти
„ прогнѣванной судьбины лѣность разумъ у
„ меня отняла, и фортуна ни чему остать-
„ ся не попустила; то безъ сомнѣнія будь у-
„ вѣренъ, что я и чрезвычайно великое твое
„ бѣдствіе, и крайне малую мою въ облег-
„ ченіи тебя помощь оплакиваю.

„ Что, пишешь, земляки и други твои
„ во обѣщаніи были щедры, а въ даяніи ску-
„ пы; я ни мало не удивляюсь: ибо мудрая
„ рука не все то дѣлать обязывается, что
„ глупой языкъ обѣщаетъ; по тому что еже-
„ ли бы къ звону (такъ сказать) языка и
„ ноги наши плясали, и руки все дѣлали;
„ въ не многое число дней жизнь, а еще въ
„ меньшее слава и честь погиблабъ. Древ-
„ нее и изъ давныхъ временъ отъ легкомы-
„ сленнѣйшихъ человѣковъ введенное во обы-

„ чай

„чай есть сіе зло, что языкЪ говоритЪ ско-
„ро, а руки дѣлаютЪ лѣниво. И дабы ко-
„роче сказать, не для чего тебѣ о томЪ
„печалиться, что мы вЪ рѣдкихЪ добро на-
„ходишь, которое вЪ тебѣ единомЪ многіе
„обрѣли: понеже обыкновенная есть вещь,
„скоро и охотно брать; но поздно и медли-
„тельно давать, изЪ коихЪ первое про-
„дерзской жадности, а другое гнусной лѣно-
„сти свойственно.

„Греки того нарицаютЪ добрымЪ дру-
„гомЪ, который скоро обѣщаетЪ, хотя и
„поздно исполняетЪ; а Римляне того наи-
„лучшимЪ другомЪ называютЪ, который
„скоро отказываетЪ, и просящаго отЪ на-
„прасныхЪ мыслей и тщетнаго упованія из-
„бавляетЪ. Я же сЪ моей стороны того,
„который могучи дать, не даетЪ, явнымЪ
„непріятелемЪ; а который скоро обѣщая,
„поздно даетЪ, подозрительнымЪ другомЪ
„считаю. Ибо какая нужда другамЪ вЪ нашихЪ
„вЪ словахЪ, когда мы имЪ можемЪ посо-
„бить самыми дѣлами? Несправедливо,
„чтобЪ мы тому, который намЪ сердце,
„всѣхЪ членовЪ и внутренностей наилучшее,
„отдаетЪ, языкЪ, коего нѣтЪ ничего
„вЪ жизни хуже, давали: понеже ни боги
„не благоволятЪ, ни законЪ дружбы не дозво-
„ляетЪ, чтобЪ когда я отЪ друга прошу
„скорой помощи; онЪ долго о томЪ размыш-
„ляя, поздно мнѣ подавалЪ совѣтЪ.

„Божественный ПлатонЪ вЪ законахЪ
„предписалЪ: Мы повелѣваемЪ вЪ обществѣ

„на-

„ нашемъ благополучно живущимъ подавать
„ совѣтъ, чтобы не потткнулись и не упали;
„ а бѣднымъ помощь, дабы не отчаявались
„ и не унывали: въ которыхъ словахъ мно-
„ гія и изрядныя заключаются мнѣнія. Ты
„ вѣдаешь, Пирамонъ, что прискорбному и
„ печальному сердцу одни кроткія и ласко-
„ выя слова̀ весьма мало пользуютъ; ежели
„ съ оными вмѣстѣ преславное дѣло помощи
„ не сопрягается. И я не смѣю воспротиво-
„ рѣчить, что, коимъ мы во время щастли-
„ выхъ нашихъ дней сердца̀ свои отдавали,
„ тѣ обязаны намъ въ заключеніяхъ нашихъ
„ свое имѣніе и помощь давать.

„ Но вопрошаю тебя, для чего ты себѣ
„ вольность дерзостно требовать чего нибудь
„ взимаешь, а въ другомъ свободу отказы-
„ вать порицаешь? Ибо какъ скромный и
„ стыдливый въ прошеніи человѣкъ насъ обя-
„ зываетъ, чтобъ мы ему ни въ чемъ не
„ отказали: такъ продерзкій и докучливый
„ достоинъ бываетъ, чтобъ мы никакого
„ благодѣянія ему не оказали. Научись же,
„ естьли не знаешь, Пирамонъ, что дости-
„ гать, чего ни пожелается, токмо богамъ;
„ давать, чего ни востребуется, рабству;
„ отказывать въ чемъ нибудь изъ требуе-
„ мыхъ вещей, вольности; плакать, ежели въ
„ чемъ отказывается, отрокамъ; неблаго-
„ дарнымъ быть за данное, варварамъ; и
„ отказъ въ услугахъ великодушно сносить,
„ Римлянамъ свойственно.

„ Изъ

„Изъ тѣхъ дѣлъ, коими К. Цесарь „благородство своего духа изъявилъ, было „и сіе, что ежели Сенатъ въ чемъ нибудь „ему отказывалъ, онъ тѣмъ больше веселил„ся, и часто говаривалъ, что нѣтъ ничего „въ Римѣ для него почтеннѣе и славнѣе, „какъ ежели онъ упорно чего нибудь отъ „Сената требуетъ, и Сенаторы отказывая „въ томъ упрямствуютъ: ибо въ достиже„ніи онаго крѣпость силъ его, и въ сопро„тивленіи слабость Сената ясно зритъ.

„Лучше и безопаснѣе кажется мнѣ (что „желаю, дабы равномѣрно и тебѣ такъ же „казалось) добродѣтельми милость и благо„воленіе боговъ заслуживать, нежели ропта„ніемъ еще больше правосудіе ихъ раздра„жать. Дабы могъ ты имѣть довольнѣй„шій и спокойнѣйшій духъ, ежели когда „нибудь предъ богами и предъ человѣками „въ бѣдствіяхъ страдать будешь; то спра„ведливымъ лактемъ смѣряй, и праведными „вѣсами свѣсь, сколь много они тебѣ даро„вали, и сколь мало не дали. Ахъ, сколь „мы неблагодарны къ богамъ, и непамятли„вы къ человѣкамъ, что полученное забве„ніемъ умаляемъ; а отказанное роптаніемъ у„величиваемъ! Петьдесять, ежели не обманы„ваюсь, лѣтъ ты, Пирамонъ, имѣешь отъ „рожденія, и чрезъ всѣ оныя лѣта всегда „занятъ былъ во взиманіи даровъ, за кото„рые, не видѣлъ я, чтобъ ты хотя одинъ „день иждилъ въ служеніи богамъ. Чтожъ „непристойнѣе, какъ на противную осми

„дней

„ дней фортуну жаловаться, которой ты
„ чрезъ цѣлые пятдесятъ лѣтъ за полученныя благодѣянія не оказалъ благодарности?

„Что, пишешь, граждан твоихъ зависть тебя крушитъ; истинно, я о твоей
„ печали много соболѣзную, и удивленію твоему удивляюсь. Ибо всякаго удивленія причиною есть изобиліе невѣжества, и недостатокъ искусства. Толь нынѣ проницателенъ
„ человѣческой разумъ, и толь даже до излишества искусствомъ снабдѣна смертныхъ
„ жизнь, что чуть только о наступающей бѣдѣ грезятъ; средство ко уврачеванію ея ужè въ
„ готовности имѣется. Проголодавшись ѣдятъ,
„ озябая грѣются, сномъ обременяясь спятъ,
„ утрудясь отдыхаютъ, болѣзнуя лѣчатся,
„ и печалясь увеселенія употребляютъ. Такъ
„ сирѣчь бѣдственная сія жизнь между
„ тѣмъ проходитъ, какъ одни составляютъ
„ туры, другіе дѣлаютъ валъ, одни машины, другіе починиваютъ шанцы; то есть,
„ ничего инаго свѣтъ и плоть не дѣлаютъ,
„ кромѣ того, чтобъ насъ побѣдить; и мы
„ ни единой минуты свободнаго времени не
„ имѣемъ, въ которое бы не нужно было
„ намъ помышлять о своемъ защищеніи.

„Сіи же врачеванія всѣ изобрѣтены
„ суть страстями плоти. Но поелику между
„ ими проклятая зависть не считается, то
„ что мы станемъ дѣлать? О нещастныя
„ богатства, которымъ всѣ завидуютъ! Истинно противъ зависти нѣтъ никакого

„ валу,

,, валу, которымъ бы себя кто либо защитилъ;
,, нѣтъ никакого уединеннаго мѣста, гдѣ
,, бы отъ нее скрылся; нѣтъ никакой высо
,, ты, куда бы отъ нее взошелъ; нѣтъ ника-
,, кихъ горъ, на которыя бы отъ нее спрятал-
,, ся; нѣтъ никакого дикаго лѣсу, гдѣ бы сы-
,, скалъ отъ нее потаенную пещеру; нѣтъ
,, никакого корабля, на которомъ бы отъ нее
,, уѣхалъ; нѣтъ ни единой лошади, котороюбъ
,, отъ нее убѣжалъ; и нѣтъ никакихъ денегъ,
,, которымибъ отъ нее откупился. Зависть
,, есть толь ядовитая змѣя, что не было и
,, не будетъ ни единаго изъ смертныхъ, ко-
,, егобъ она зубами своими не уязвила, когтями
,, не растерзала, ногами не попрала, и ядомъ
,, не заразила. Клянусь безсмертными богами,
,, что поколику вящшими кто отъ фортуны
,, одаренъ богатствами, потолику лютѣйши-
,, ми его сія смертоносная ехидна угрызаетъ
,, зубами. Да паки повторю, толь зла и сво-
,, рѣпа зависть, что кои отъ нее весьма дале-
,, ко уходятъ, тѣхъ жесточайшими поражаетъ
,, ударами. И для того по истиннѣ, нѣтъ ни
,, малѣйшаго мѣста лѣности и нерадѣнія, ког-
,, да проклятая зависть и тѣмъ, кои въ ве-
,, личайшихъ роскошахъ и веселостяхъ безо-
,, пасно живутъ, тайно и скрытно зубы свои
,, водружаетъ.

,, Я многія книги Еврейскія, Греческія,
,, Латинскія и Халдейскія прочелъ, и многихъ
,, преученыхъ мужей совѣтовался, любопыт-
,, ствуя, возможноль мнѣ отъ завистливаго че-
,, ловѣка какимъ либо способомъ себя защи-

„ тить. Но повѣрь мнѣ истинну открывающему,
„ я по прочтенiи, разсмотренiи и испытанiи
„ всего, что только читать, разсмотрѣть и
„ изслѣдовать было можно, никакого лѣкар-
„ ства противъ яду зависти не нашелъ, кро-
„ мѣ разлученiя съ щастiемъ, и обращенiя
„ съ нещастiемъ. О безщастные человѣки, кои
„ благоденствуютъ! о бѣдные, кои высоковла-
„ ствуютъ! Они не могутъ избѣгнуть пучи-
„ ны, чтобъ не пожерты были хлябьми без-
„ дны; ниже спастись отъ погибели, чтобъ
„ не претерпѣли утраты богатства: сирѣчь,
„ такая есть болѣзнь зависти, что смертiю
„ грозитъ; и такое лѣкарство, которое мы у-
„ потребляемъ, что безопасности жизни не
„ дѣлаетъ. Мнѣ не извѣстно, которая изъ
„ сихъ вещей лучше, или справедливѣе ска-
„ зать, которая меньше вредна, крайняя бѣд-
„ ность, никакимъ бурямъ фортуны неподвер-
„ женная, или верьхъ величайшаго щастiя,
„ который всегда паденiемъ угрожаетъ. Въ сей
„ толь обоюдной и сомнительной вещи я не
„ распространяюсь: поелику въ одномъ жизнь
„ находится въ опасности; а въ другомъ честь
„ и слава пребываютъ не безопасны.

„ Я тоже тебѣ скажу, любезный Пира-
„ монъ, что премудрый Цицеронъ, видя себя
„ въ Римѣ многихъ зависти подверженнымъ,
„ обыкновенно говаривалъ: Я ни васъ, государи
„ мои, столько добродѣтельными, ни себя
„ столько беззаконнымъ не почитаю, чтобъ
„ вы всегда правду говорили, а я всегда лгалъ.
„ Ибо я знаю, что вы не завидуете мнѣ въ
„ томъ,

„ томъ, что я не нахожусь тѣмъ, чемъ вы „ находитесь; но что вы тѣмъ, чемъ я нахо- „ жусь, быть не можете. Однако я лучше „ желаю, чтобъ враги мнѣ завидовали, нежели „ ли други обо мнѣ сожалѣли; въ угожденіе „ сирѣчь щастливыхъ говорилъ сіе Риторъ, „ ничего не думая о вспомоществованіи бѣд- „ нымъ. Но повѣрь мнѣ, Пирамонъ, что по- „ слѣ того, какъ увидѣлъ Цицеронъ Фарсаль- „ скія поля, всякой совѣтъ и помощь въ Римѣ „ съ охотою принялъ бы. Ибо Цесарь хотя „ имѣніе и жизнь ему даровалъ; однако до- „ стоинства и чести не отдалъ. Какуюжъ „ тебѣ противъ зависти дать оборону, истин- „ но не нахожу: поелику ты видишь, что все „ зависти наполнено. Мы сыны зависти, мы „ съ завистію раждаемся, живемъ, умираемъ; „ и чемъ множайше кто умирая богатства „ оставляетъ: тѣмъ вящшая ему зависть по- „ слѣдуетъ. Древніе Философы богатымъ со- „ вѣтовали, чтобъ они не имѣли подлѣ себя „ убогихъ; а убогихъ увѣщевали, чтобъ не „ жили подлѣ богатыхъ, и по истиннѣ раз- „ умно. Ибо въ богатствѣ богатаго сѣмена „ свои засѣваетъ зависть убогаго, и изъ ску- „ дости убогаго, и изобилія богатаго раждает- „ ся въ народахъ несогласіе. Безсмертными „ богами, Пирамонъ, клянусь, хотя бы безза- „ конные паче ложной отъ меня желали клят- „ вы, что сколько богатыхъ и сластолюбивыхъ „ родило сребролюбіе, столько злобныхъ и лю- „ тыхъ мучителей онаго родитъ зависть.

„Однако я тебѣ никогда бы не совѣто-
„валъ, для избѣжанія зависти, удаляться
„отъ противной ей добродѣтели. Омиръ
„повѣствуетъ, что во время его жили два
„Грека въ весьма различномъ родѣ; одинъ
„храбрыми дѣлами весьма славный, но край-
„не зависти подверженный, сирѣчь Ахиллесъ;
„а другой беззаконіями знаменитый, кото-
„рому никто никогда не завидовалъ, сирѣчь
„Ѳерситъ. Чтожъ касается до меня, я луч-
„ше желалъ бы быть Ахиллесомъ, зависти
„подверженнымъ, нежели Ѳерситомъ отъ
„оной свободнымъ. А поелику ты вѣдаешь,
„что Римляне кромѣ спокойствія въ жиз-
„ни, и славы по смерти, ничего не ищутъ;
„и статься не возможно, чтобъ тотъ, кото-
„рому всѣ завидуютъ, и крѣпостію чести
„не обладалъ, и спокойнѣйшей жизни не прово-
„ждалъ; и что мы други твои обѣ сіи вещи
„въ тебѣ быть признаемъ, то на разсѣва-
„емые о тебѣ отъ недоброхотовъ слухи не весь-
„ма взираемъ.

„Что, пишешь, въ Ліонѣ всѣ здравству-
„ютъ и веселятся, кромѣ единаго тебя, въ
„печали и болѣзни находящагося; то, естьли
„не видишь, что они твоею печалію утѣша-
„ются, остерегайся подавать знакъ, что ты
„о ихъ веселіи сокрушаешся. Ибо статься мо-
„жетъ, что нѣкогда во время ихъ печали, и
„ты веселиться будешь; и такимъ образомъ
„сдѣлаете между собою равновѣсіе. Никакое
„въ злонравномъ человѣкѣ вящшее беззаконіе,
„и никакой въ добродѣтельномъ мужѣ боль-

„шій

„ шій порокъ быть не можетъ, какъ сѣтованіе о чужей пользѣ, и веселіе о чужей „ вредѣ. Хотя же всѣ насъ завистію уязвляютъ; однако гораздо больше завистливый „ другъ, нежели врагъ повреждаетъ. Ибо отъ „ врага я могу уберечся, да и самъ онъ опасаясь отъ меня отходитъ; а другъ союзомъ „ дружбы меня обманываетъ, и я ничего худаго не подозрѣвая, безопасенъ бываю. Между смертельными врагами ни одинъ не бываетъ свирѣпѣе, какъ другъ, который вмѣсто вѣрности платитъ завистію. И для того, ежели ты, Пирамонъ, въ остереганіи себя отъ посторонних врагов бодрствуешь, „ между домашними неусыпнымъ быть совѣтую.

„ Болѣе ничего не остается писать, кромѣ, что я о твоемъ жребіи сердечно соболѣзную. О внучкѣ твоей Бриксѣ, я думаю, „ тебѣ возвѣщено, что мужъ ее пронзилъ „ кинжаломъ. Я сожалѣю о жизни, которую „ она погубила, и о имени, которое по себѣ „ оставила. Флавій Прискъ, дядя твой, опять „ назначенъ въ Ценсоры. Тяжбу между братомъ твоимъ Форміономъ и Бриціемъ Сенатъ успокоилъ; и я радуюсь о ихъ примиреніи. Они оба мнѣ други, и увѣряютъ, „ что довольны Сенатскимъ приговоромъ. Книгу, называемую Утѣщеніе бѣдныхъ, я ужè „ окончилъ, и въ Капитоліи положилъ; а нынѣ дѣлаю ее на Греческомъ языкѣ, и для „ того не послалъ. При семъ посылаю тебѣ „ драгоцѣннѣйшую саблю, и прекрасной поясъ. „ Фавстина желаетъ тебѣ здравія, и женѣ

 „ тво-

„ твоей жалуетъ двухъ служанокъ. Напослѣ-
„ докъ, препоручаю тебя въ сохраненіе бо-
„ гамъ, кои въ настоящихъ бѣдствіяхъ тебя
„ да утѣшатъ! прости. Маркъ щастливый
„ печальнѣйшему Пирамону.

ГЛАВА 35.

Великіе Монархи и Князи, должны разсуждать сколь бѣдна и недостаточна есть человѣческая природа, и сколь многими безсловесныя животныя снабдѣны и украшены дарованіями, коихъ разумомъ одаренные человѣки не имѣютъ.

Мида Фригійскій Царь, какъ въ житіи пребеззаконнѣйшій, такъ и въ правленіи свирѣпѣйшій, не довольствуясь грабленіемъ своихъ подданныхъ, чрезъ разбойниковъ моремъ и землею расхищалъ чужія владѣнія.

А какъ онъ во всѣхъ восточныхъ царствахъ былъ весьма славенъ и извѣстенъ; то не поопасся ему нѣкоторый изъ любимцовъ его Ѳивянинъ сказать: „ Вѣдай, Мида Царь, что
„ ты всѣмъ обитателямъ твоего царства не-
„ навистенъ, и всѣмъ Азіатскимъ народамъ
„ страшенъ, не для величества силы; но
„ по причинѣ обмановъ и беззаконій, тобою
„ совершаемыхъ. Чего ради всѣ какъ инозем-
„ ные, такъ и подданные твои дали обѣтъ,
„ ни за жизни твоей никогда не смѣяться,
„ ни по смерти твоей никогда не плакать „.

Плу-

Плутархъ въ политическихъ книгахъ повѣствуетъ, что когда родился Мида, муравьи принесши пшеничныя зерна въ колыбель, во уста младенцевы положили; и когда кормительница намѣревала ихъ вынуть, то младенецъ сжавши губы не допустилъ ни единаго зерна взять оттуду. Устрашась же всѣ новостію вещи, спрашивали Оракула, „ что значило сіе чудо „? и получили отвѣтъ: „ Понеже муравьи „ уста младенцу пшеницею наполнили, и онъ „ ни единаго зерна отдать не восхотѣлъ; то „ чудо сіе ему великія богатства, и купно „ глубокое сребролюбіе и скупость предзнаменуетъ „. Ниже тщетно было предсказаніе: ибо Мида и безмѣрно богатымъ, и чрезвычайно сребролюбивымъ и скупымъ сдѣлался, такъ что никому ничего не давалъ, развѣ или насиліемъ что у него отнимали, или обманомъ взимали.

Процвѣталъ же въ то время въ Аттической школѣ Философъ Силе́нъ, мужъ ученіемъ и житіемъ знаменитый: ибо не меньше Силе́нъ предзрѣніемъ, какъ Мида владѣніемъ богатствъ, былъ славенъ. Сей, когда чрезъ Фригійскіе предѣлы путешествовалъ, отъ разбойниковъ, разъѣжжавшихъ по оной землѣ для добычи пойманъ и приведенъ былъ къ Мидѣ, который сему сказалъ такимъ образомъ: „ Ты Философъ, а я Царь; и нынѣ ты „ мой невольникъ, а я твой господинъ. Чего ради „ немедлѣнно мнѣ объяви, какую плату можешь дать за вольность; ибо вѣдай, что „ мнѣ безчестно и укорительно, ежели какой

„ либо Философъ въ царствѣ моемъ обитаетъ:
„ понеже вы Философы, не возмогши достиг-
„ нуть богатствъ сего свѣта, сказываете,
„ что оныя сами добровольно презрѣли „.

Которому отвѣтствовалъ Силе́нъ: „ До-
„ вольно явственно есть, о Царь, что ты
„ искуснѣе въ мучительствѣ упражняться,
„ нежели о Философіи разсуждать: ибо мы
„ Философы плѣненіе тѣлъ своихъ ни во что
„ вмѣняемъ, ежели только свободны суть
„ сердца. Цѣну искупленія тебѣ отъ меня
„ требовать весьма не пристойно: ибо ты
„ меня или Философомъ почитаешь, или
„ нѣтъ. Ежели я не Философъ; то для чего
„ ты меня въ царствѣ своемъ держать опа-
„ саешся; когда скорѣе, кажется, ты меня
„ возможешь сдѣлать тиранномъ, нежели я
„ тебя Философомъ. Ежели же признаваешь
„ Философомъ; то для чего требуешь отъ
„ меня денегъ, вѣдая, что я Философъ, ху-
„ дожникъ, Стихотворецъ и музыкантъ, и
„ что оное время, которое ты употребилъ
„ на собраніе богатствъ, я иждилъ на позна-
„ ніе наукъ. Сребра и злата отъ Философа
„ для искупленія требовать, есть или по-
„ смѣятельная шутка, или мучительское
„ насиліе: ибо съ самаго того времени, какъ
„ жизненнаго свѣта наслажденіе воспріялъ,
„ никакія и никогда въ мои руки деньги,
„ и никакія въ мысль мою желанія ихъ не
„ приходили.

„ Ежели меня, Царь Мида, послушаешь,
„ и словамъ моимъ давши, какъ Государю

„ при-

„ приличествуетъ, слово, повѣрить восхощешь;
„ то я объявлю, какая наивящшая, и какая къ
„ ней ближайшая есть вещь, которая отъ
„ боговъ въ сей жизни дана быть можетъ;
„ оная же, уповательно, тебѣ столь къ слуша-
„ нію пріятна, и столь въ жизни полезна
„ будетъ, что ты меня изъ числа враговъ, а
„ я тебя изъ числа тираннов исключу. У-
„ слышавъ сіе Мида, съ охотою далъ позволеніе
„ сказать тѣ двѣ вещи, свято обѣщая и
„ заклинаясь, великодушно оныя выслушать.
Силе́нъ свободно желаемое говорить получа вольность, началъ играть на арфѣ, припѣвая слѣдующаго содержанія пѣснь: „ Въ пер-
„ вомъ мѣстѣ вожделѣнная есть вещь, не
„ быть рожденнымъ въ сей плачевный свѣтъ,
„ и не видѣть блистанія сіяющихъ лучей
„ Аполлоновой зари. Ближайшая къ ней,
„ родившись скоро переселиться въ спокойное
„ пристанище за Стигійскую пучину, и прахомъ
„ земнымъ покрыть тщетное и бездушное
„ тѣло. Ибо младенецъ не льстится желані-
„ емъ жизни, и во́все не имѣетъ печали и
„ соболѣзнованія о смерти „.

Которыя обѣ вещи Философъ толь остро-умными и крѣпкими подтвердилъ доказательствами, что на горячность поющаго Философа, и страсть плачущаго тиранна никто не могъ взирать безъ удивленія.

Какъ же глубочайшее было мнѣніе отъ Философа произнесено; такъ не безъ справедливости и Царь оное вмѣнилъ за велико: ибо ежели прилѣжнѣе разсудимъ, откуда мы про-

произошли, для чего пребываемъ, чемъ находимся, и чемъ напослѣдокъ будемъ; сирѣчь, что изъ земли созданы, что земля и земли ради пребываемъ, и что въ землю паки возвратиться имѣемъ; то ни стенаніемъ никогда не утомимся, ни воплемъ не насытимся.

Изъ тѣхъ вещей, кои я между сынами суеты суетнѣйшія нашелъ, не послѣдняя есть и сія, что они въ разсужденіи свойства звѣздъ, вліянія планетъ, и движенія небесныхъ круговъ трудъ полагаютъ; а самихъ себя разсуждать, откуда бы премногія пользы пріобрѣли, не хотятъ: ибо изъ того, что человѣкъ все тщаніе полагаетъ въ разсматриваніи вещей чужихъ, раждается забвеніе собственныхъ. Ежели бы мы разсуждали гнилость и смѣсь, изъ которой составлены; нечистоту, отъ которой рождены; безчисленныя досады, съ которыми раждаемся; безпредѣльной трудъ, съ которымъ воспитываемся; неисчетныя болѣзни и печали, съ которыми живемъ; и что первѣйшее есть, великую бѣду и горесть, съ которыми наконецъ умереть долженствуемъ: клянусь Богомъ, что въ семъ помышленіи тысячу причинъ смерти желать, и ни единой жизнь продолжать не нашли бы.

Пусть многія лѣта въ Академіяхъ обращаются сыны суеты, и во оныхъ обучаются Риторикѣ, упражняются въ Философіи, читаютъ Платона, слушаютъ Аристотеля, выучаютъ Омира, пересматриваютъ Цицерона, изслѣдываютъ Птоломея, трудятся въ

Ксе-

Ксенофонте, примѣчают Т. Ливія, затверживают въ памяти А. Геллія, умѣют на изусть Овидія: я говорю и утверждаю, что не мало учености почерпнулъ, который самаго себя знать научился. Справедливо говаривалъ Есхинъ, что „не наименьшая, но паче „наибольшая есть Философіи часть, ежели „познаетъ человѣкъ, къ чему онъ родил„ся„: понеже естьли бы кто прилѣжнѣе и глубочае вникнулъ, что за вещь человѣкъ; больше бы внутрь себя нашелъ причинъ увѣщавающихъ, нежели побуждающихъ къ гордости и киченію.

Ежели мы въ разсматриваніи пристрастіе отлагаемъ, и въ уваженіи разуму слѣдуемъ; то что бы въ человѣкѣ было, я не вижу. О бѣдное и слабое естество человѣческое! которое само чрезъ себя взятое, мало; а съ другимъ сравненное еще меньше важности имѣетъ: ибо человѣкъ многія видитъ въ животныхъ дарованія, къ которыхъ имъ завидовать; и напротивъ того животныя гораздо множайшія видятъ въ человѣкѣ вещи, по причинѣ коихъ объ немъ сожалѣть долженствуютъ. Ежели, выключая превосходство разумной души, и надежду вѣчной жизни, плѣнничество человѣковъ съ вольностію животныхъ сравнимъ; то по достоинству возможемъ сказать, что та, которую животныя провождаютъ, есть пріятная жизнь; а та, которую человѣки продолжаютъ, ничто иное есть, какъ долговременная смерть. Ежели нѣсколько прилѣжнѣе восхощемъ разсмотрѣть

и разсудить, отъ самаго дня рожденія человѣковъ и животныхъ, даже до смертнаго часа обоихъ, въ сколь многихъ вещахъ лучшее и превосходнѣйшее состояніе имѣютъ животныя, нежели человѣки; то справедливо возможемъ сказать, что натура съ животными, какъ милосердная мать, а съ нами какъ свирѣпая и жестокая мачиха поступила. Разсмотримъ же мы порознь обоихъ начальное происхожденіе, изъ чего явственно будетъ, сколь изобильно дарованіями награждены животныя, и сколь лишенными оныхъ оставлены бѣдные и нещастные человѣки.

ГЛАВА 36.

Авторъ продолжая намѣреніе, не безъ особливаго остроумія и искусства сравниваетъ человѣческое бѣдствіе съ преимуществами животныхъ.

Со особливымъ вниманіемъ должно разсуждать, что ни одно дикое или домашнее животное, такъ медлительно, не составляется, не совершается и не раждается, какъ бѣдной человѣкъ, къ рожденію коего матерія есть мѣсячная кровь, которую мужескія сѣмена по подобію сѣдины внутрь себя свиваютъ, и сіе смѣшеніе послѣ самою теплотою одушевляется и воплощается, и чрезъ девять мѣсяцовъ во утробѣ матерней скрывается. Ежели посмотришь на лошадку: то оная будучи беременна, когда востребуетъ нужда, путь продолжаетъ, тягости на себѣ носитъ, мѣльни-

цу обращаетъ, землю пашетъ, бѣгаетъ, ополчается, и всякое упражненіе земледѣлія отправляетъ, такъ что не меньше способна бываетъ ко употребленію беременная, какъ и въ то время, когда отъ бремени свободна. Но въ Царской, Княжеской или Вельможеской женѣ противное сему дѣлается, которая во время беременности ходя утомляется, на кровати лежа, изнемогаетъ, на пуховыхъ перинахъ съ боку на бокъ мечается; мало пищи употребляетъ, и то, что скушаетъ, со рвотою назадъ выбрасываетъ; тѣмъ, что полезно, гнушается; и того, что вредно, противъ благопристойности жадничаетъ. Словомъ, беременная жена ни чемъ не увеселяется, и сама себѣ досадна, скучна и тягостна бываетъ.

Когда же мы матерямъ во время чревоношенія ихъ тягость, досаду и болѣзнь приключаемъ; то не точію безопаснаго часа разрѣшенія отъ бремени имъ дать не можемъ, но еще и опасности не мало на нихъ привлекаемъ. О безславное человѣческое состояніе! Животныя, когда раждаются, раждаются безъ пагубы собственной, раждаются безъ пагубы матерней; а бѣдные человѣки, прежде нежели родятся, наводятъ тоску и болѣзнь; въ самое же время родовъ и себѣ и матерямъ причиняютъ опасность; что оттуду явственно, понеже какое пріуготовленіе дѣлаетъ мущина имѣющій умереть, таково должна дѣлать и женщина имѣющая родить.

Во вторыхъ, должно разсуждать, что животное двумя только ногами одаренное, каковы суть птицы, тотчасъ отъ самаго начала рожденія движется, ходитъ и бѣгаетъ; а человѣкъ произшедши на свѣтъ, не токмо бѣгать, но ни двигаться, ни ходить не умѣетъ и не можетъ, такъ что лучшимъ состояніемъ снабдѣнъ попугай, рукъ неимѣющій, нежели человѣкъ руками и ногами одаренный. Самое начальное употребленіе свѣта въ младенцѣ, есть предзнаменованіемъ тѣхъ бѣдствій, которыя съ теченіемъ жизни претерпѣвать ему должно; сирѣчь, что какъ нѣкотораго злодѣя въ тюрьму ведутъ, и тамо кандалами и цѣпьми желѣзными оковываютъ, такъ бѣднаго человѣка въ темницу сея жизни вверженнаго, узы и всѣхъ членовъ связки въ колыбели воспріимаютъ; и такимъ образомъ младенецъ не прежде, какъ руки и ноги отъ бабки связанныя имѣющій и пеленами повитый, матернимъ объятіемъ пѣстуется, и млекомъ питается.

Достойно такожъ примѣчанія, что животное, вышедши изъ утробы, ежели не отца, отъ котораго рождено: то по крайней мѣрѣ мать, изъ которой родилося, познаетъ; что оттуду явственно, понеже естьли мать молоко имѣетъ, дитя тотъ часъ сосетъ ея титьки; естьли же не имѣетъ (какъ сіе видимо есть на цыплятахъ и прочихъ птицахъ), то бѣжитъ въ слѣдъ за нею, и скрывается подъ ея крылья. А въ человѣкѣ сего не бываетъ, такъ что онъ въ тотъ день,

когда

когда раждается, не токмо отца, отъ котораго рожденъ, ни матери, отъ которой на свѣтъ произведенъ, ни повивальной бабки, отъ которой воспріятъ, не познаетъ; но еще и глазами видѣть, ушами слышать, и вкусомъ различать не можетъ, ниже, что есть прикосновеніе, не разумѣетъ, ни чувства обонянія употреблять не умѣетъ; и хотя ему принадлежитъ господствованіе надъ всѣми животными и всѣми созданными вещьми; однако видимъ мы, что онъ паче всѣхъ звѣрей и скотовъ ко всему неспособнымъ раждается.

Надобно разсуждать и сіе, что животное, сколь бы маленькое ни было, матернихъ титекъ для молока, или луговъ для пажити ищетъ, или изъ навозу пищу выгребаетъ, или къ рѣкамъ и источникамъ для питія приходитъ; и сего не продолженіемъ времени отъ другаго животнаго будучи наставляемо научается; но вдругъ купно съ рожденіемъ все нужное знаетъ. Напротивъ того человѣкъ не такъ щастливъ раждается, который ѣсть, пить, ходить, одѣваться, просить, и жаловаться не умѣетъ; и что вящшее сего, едва и млечной пищи желать умѣетъ или хочетъ. Ибо нерѣдко матери, хотя бы кровь свою изъ утробы, естьли бы возможно было, дать дѣтямъ желали, не могутъ ихъ уговорить и уласкать, чтобъ только молоко изъ титекъ ихъ сосали. О величайшее бѣдствіе человѣческаго естества! Скоты, чуть только родятся, одну вещь отъ другой могутъ распо-

познать, идушъ искать, и по естественному вдохновенію то, что имъ нужно и полезно къ сохраненію звѣрской жизни, избираютъ; а бѣдный человѣкъ не точію искать не можетъ; но и безъ прошенія даваемаго ему не познаетъ.

Кромѣ того каждому животному природа дала покрышки, дабы удобнѣе могли сносить лѣтней жаръ, и зимнюю стужу: ибо она овцамъ дала волну, птицамъ перья, свиньямъ щетину, лошадямъ шерсть, медвѣдямъ косматины, рыбамъ шелуху, и черепахамъ каменные черепы и оболочки. Къ чему много говорить? Никакое животное не имѣетъ нужды, или руками одежду себѣ дѣлать, или чужими багатствами себя снабдѣвать. Всего же сего человѣкъ лишается, которой нагъ и раждается и умираетъ, ни единой одежды съ собою не принося и не унося; и ежели съ продолженіемъ жизни нѣкоторую одежду употреблять желаетъ: то необходимо надобно ему отъ животныхъ кожи и волну заимствовать, и въ дѣланіи ихъ трудиться.

Теперь хочу я спросить державныхъ Монарховъ и Князей, и прочихъ знаменитыхъ Вельможъ; когда они раждаются, то приносятъ ли какую съ собой одежду? И когда умираютъ, то уносятъ ли съ собой что нибудь изъ своихъ сокровищъ? Нѣтъ не правда; но однимъ и тѣмъ же образомъ богатые и убогіе, первые и послѣдніе раждаются и умираютъ: ибо хотя въ жизни сей образомъ состояній и достоинствъ нѣкоторое различіе между

человѣками щастіе и дѣлаетъ; однако во время рожденія и смерти всѣхъ естество уравняетъ.

Чтожъ еще скажу? Природа животныхъ не токмо одѣяніемъ снабдила; но и отъ попеченія о пищѣ свободила: ибо никакое животное себѣ ни оретъ, ни сѣетъ, ни копаетъ, ни садитъ; но будучи малымъ довольно, иныя по воздуху летающими мухами, другія разсыпанными по путямъ зернами; иныя растущими на лугахъ травами, другія ползающими по землѣ муравьями; иныя плавающею по водѣ поростью, другія валяющимися на гноищахъ костьми; иныя выкапываемыми молодыхъ деревъ корнями, другія падающими съ деревъ овощами питаются; словомъ, такъ безъ всякихъ заботъ и попеченій ночнымъ временемъ спятъ животныя, аки бы утрешняго дня ѣсть имъ было не надобно. Ахъ, коликое благодѣяніе явилъ бы Богъ бѣдному человѣку, ежели бы отнялъ у него трудъ себя одѣвать, и попеченіе пищу искать! Но что будетъ дѣлать бѣдной человѣкъ? который прежде, нежели ѣстъ, ниву плугомъ, или сохою орать, перепахивать, сѣять, поливать, жать, обмолачивать, вѣять, молоть, на решето или сито просѣвать, растворять и печь принужденъ; изъ которыхъ вещей ничего безъ попеченія духа промыслить, и безъ собственнаго поту сдѣлать не можно: и хотя бы кто наипаче въ семъ случаѣ употреблялъ плодъ чужихъ трудовъ, однако вкушалъ бы отъ собственныхъ грѣховъ.

Животныя превосходятъ насъ и въ другой вещи, сирѣчь, что травы, вѣтви деревъ, цвѣты, мякины, отруби, ячмень, рожъ, мясо или овощи, которыя ѣдятъ, и вода, которую пьютъ, хорошиль или нѣтъ, не печалятся; и ежели вкусомъ непріятны, не жалуются; но какія натура произвесть восхотѣла, такими наипріятнѣйшимъ образомъ, безъ всякой заботы варенія или лучшаго ихъ пріуготовленія питаются. Въ чемъ ежели бы примѣру животныхъ сообразовались и последовали человѣки, никакого бы вреда и убытка не сдѣлали. Но увы! у многихъ чреву и горлу въ плѣнъ и порабощеніе себя предавшихъ, и къ одѣянію никакого недостатка нѣтъ, и къ пищѣ много избытковъ имѣется; которые однакожъ тѣмъ не довольствуясь, толь въ вождѣленіи различія пищей нѣжны, и толь въ вымышленіи вкуса смачныхъ трапезъ суть усердные подражатели Епикура, что временемъ больше забота оныя пріуготовлять, нежели трудъ и коштъ доставать и собирать стоитъ.

Не должно миновать и сего, что животныя изъ матерней утробы, или какимъ нибудь другимъ образомъ произшедшія не медлѣнно имѣютъ разумѣніе или здоровой и полезной, или вредной и смертоносной вещи: какъ то, агнецъ волка, котъ пса, мышь кошки, и цыпленокъ коршуна, убѣгаетъ, такъ что чуть только откроютъ глаза, тотчасъ познаютъ животныхъ пріятствующихъ, коимъ слѣдовать, и враждующихъ, коихъ у-

бѣгать

бѣгать должно; котораго толь изряднаго преимущества бѣдному и сожалѣнія достойному человѣку вовсе не дано. Ибо многіе въ свѣтѣ человѣки были хуждшіе звѣрей, которые не токмо ничего изъ тѣхъ вещей, кои имъ въ то время, когда родились, знать надлежало, не достигли; но съ тѣмъ же самымъ, съ которымъ жили, невѣжествомъ и глупостію померли. О бѣдные человѣки, кои въ жизненной свѣтъ происходятъ! Они ни того, что имъ вредно; ни того, что должно въ пищу употреблять; ни того, отъ чего воздерживаться; ни того, что ненавидѣть и презирать, не разумѣютъ; ни въ томъ, что должно любить, надлежащаго предмета не достигаютъ; ни того, кому себя ввѣрять, или кого остерегаться, не распознаютъ; ни того, что избирать, и что отвергать, не различаютъ: но еще не рѣдко, когда безъ всякой и малѣйшей опасности бродъ перейти думаютъ, чуть только три ступени прошли, жерломъ глубочайшей бездны поглощаются.

Надлежитъ разсуждать и сіе, что всѣмъ дикимъ и домашнимъ животнымъ оружіе дала природа, коимъ бы они и себя защищали, и непріятелей поражали: ибо желвамъ дала черепы, птицамъ крылья, еленямъ легкія ноги, слонамъ хоботы, змѣямъ шелуху и ядъ, орламъ кохти, ястребамъ острые носы, львамъ зубы, быкамъ рога, медвѣдямъ силу; наконецъ, лисицамъ къ сыскиванію скрытныхъ пещеръ проворство, и рыбамъ къ плаванію перье. Напротивъ того бѣдные человѣки хотя чрез-

вычайно много имѣютъ непріятелей, не токмо преимущества въ вышесказанныхъ дарованіяхъ лишаются; но еще и отъ самихъ животныхъ, (что едва можно безъ слезъ промолвить) на службу человѣку созданныхъ, нынѣ величайшую обиду и вредъ претерпѣваютъ.

А дабы не казалось, что я сіе напрасно говорю: то пусть подумаетъ всякъ съ собою, колико отъ животныхъ вреда въ жизни сей намъ происходитъ; когда львы насъ устрашаютъ, медвѣди раздираютъ, волки расхищаютъ, псы угрызаютъ, кошки когтями терзаютъ, змѣи ядомъ заражаютъ, быки рогами бодаютъ, птицы не слушаютъ, мыши безпокоятъ, пауки досаждаютъ; и всего недостойнѣе, комаръ кровь у насъ днемъ выпиваетъ, и блоха сонъ ночью мѣшаетъ. И какую вящшую можно вздумать нищету и убожество, какъ человѣка? который всего, что только нужно къ снабдѣнію сей бѣдственной жизни, у животныхъ нищетнымъ образомъ просить принужденъ, трудъ скотовъ къ свозкѣ хлѣба и лѣсу, къ привозкѣ воды, къ поѣздкѣ въ пути, къ дѣланію виноградныхъ садовъ, и къ отправленію прочаго домостроительства заимствуя. Наконецъ, ежели бѣдный человѣкъ какое нибудь благодѣяніе получаетъ, ничего къ заплатѣ; естьли же вредъ, ничего къ отмщенію, кромѣ языка, не имѣетъ.

Чтожъ еще сказать? Животныя дровами обремененныя, кнутами изсѣченныя, чрезъ самыя трудныя и шероховатыя дороги бѣ-

жать понужденныя, кормомъ не довольно насыщенные, и дѣтей лишенныя, никакой о всемъ томъ печали и досады въ себѣ не оказываютъ; а еще гораздо меньше плачутъ, и хотя бы наипаче желали, плакать немогутъ: ибо животныя, за малое считаютъ родиться, гораздо за меньшее считаютъ умереть. Но въ бѣдныхъ и безщастныхъ человѣкахъ инако бываетъ, которые ничего не знаютъ больше, какъ точію оплакивать неблагодарность друговъ, гоненіе враговъ, смерть дѣтей, недостатокъ нужныхъ къ пропитанію вещей, противность случаевъ, кои претерпѣваютъ; ложность свидѣтельствъ, кои ихъ отягощаютъ; и несмѣтное число огорченій, кои въ сердцѣ ихъ обитаютъ. Словомъ, иногда вмѣсто величайшаго утѣшенія, которое человѣки въ бѣдственной сей жизни употребляютъ, бываетъ то, что они очи свои имъ будто источниками водъ дѣлаютъ.

Спросимъ теперь великихъ Монарховъ и Князей, какую науку или художество, они въ день своего рожденія знаютъ? По обычаю ли Риторовъ говорить, по подобію ли скороходовъ ходить; такъ ли какъ воины ополчаться; такъ ли, какъ земледѣльцы, пахать; такъ ли, какъ золотыхъ дѣлъ художники, работать; такъ ли, какъ учители, обучать могутъ? Дадутъ младенцы отвѣтъ, что они не токмо всего того, о чемъ мы ихъ спрашивали, не умѣютъ; но и того, что ни единой изъ оныхъ вещей не знаютъ, сказать не могутъ.

гутъ. Естьли мы станемъ продолжать вопрошеніе: чтожъ они знаютъ, буде не знаютъ ни одной изъ тѣхъ вещей, о которыхъ мы спрашиваемъ: то отвѣтствовать будутъ, что они болѣе ничего не знаютъ, какъ точію во время своего рожденія, плачемъ насыщаться. Пускай же радуются и веселятся, кои чрезъ толь опасное море плывутъ; и пусть пріятной, естьли имъ угодно, сонъ почиваютъ, съ толикимъ спокойствіемъ, аки бы всѣ бурные вѣтры противнаго щастія во́все молчали! А я (естьли не обманываюсь, и не во́все знанія о семъ свѣтѣ лишаюсь) думаю, что тѣ, коихъ мы во время рожденія видѣли восходящихъ на корабль съ плачемъ, едва ли ко брегу погребенія приплывутъ со смѣхомъ.

О нещастная жизнь! для чего я называю жизнію? Когда должно паче называть ея смертію, которую человѣки жизнь считаютъ, и въ которой всѣ науки, всѣ искусства, и всѣ художества долгаго времени требуютъ къ наученію; и въ самомъ наилучшемъ случаѣ, множайшія вещи суть, кои мы пропускаемъ, нежели коимъ научаемся; и изъ тѣхъ, коимъ научаемся, наибольшую часть забываемъ, единаго токмо искусства плакать не надобно, чтобъ кто либо учился: поелику мы и раждаемся и живемъ съ плачемъ, и даже до сего дня не видали ни единаго человѣка умирающаго съ смѣхомъ.

Надлежитъ примѣчать и сіе, что животныя тѣ самыя склонности, кои раждаясь съ собой приносятъ, не премѣнно въ жизни

и даже до смерти содержатъ. Ибо волкъ на овецъ, а не на пчелъ; соколъ на зайцовъ, а не на мышей; паукъ на мухъ, а не на птичекъ; ястребъ на птичекъ, а не на рыбъ враждуетъ. Словомъ, естьли животное въ исканіи пищи не воспрепятствуется; то не увидимъ мы, чтобъ оно въ какой нибудь вещи съ природнаго пути совращалось. Противное сему дѣлается въ человѣкахъ, коихъ хотя природа устроила слабыми; однако Создатель не хощетъ, чтобъ были злобными. Но увы, они слабости не убѣгая, злобу воспримаютъ; желаніе незлобія въ ненависть и зависть, необходимость употребленія пищи въ роскошь и невоздержаніе превращаютъ; славу, которую изъ свѣдѣнія добродѣтели почерпать въ гордость и спесь; усердіе и горячность, съ которыми противъ злобы вооружаться, въ ярость и неистовство; щедроту, которую къ добродѣтельнымъ оказывать, въ сребролюбіе и скупость; бодрствованіе и неусыпность, съ которыми о пользѣ и спасеніи души попеченіе прилагать долженствовали, въ лѣность и нерадѣніе премѣняютъ. Словомъ: животныя, чѣмъ больше силъ имѣютъ, тѣмъ больше намъ служатъ; а человѣки, чѣмъ множайшія дарованія имѣютъ, тѣмъ меньше изъ нихъ пользы получаютъ.

Уважа незлобіе скота, и злобу беззаконнаго человѣка, гораздо меньше вредна дружба скотовъ, нежели обращеніе человѣковъ. Ибо естьли съ животнымъ бываетъ дѣло, одной вещи опасаться должно; естьли же съ человѣ-

комЪ происходитЪ обращеніе; то едва и одна вещь имѣется, вЪ которой бы ему безЪ опасенія повѣрить было можно.

НапослѣдокЪ, ни единаго животнаго мы никогда не видали, ниже читали, чтобЪ старалось и заботилось о погребеніи; но по смерти иныхЪ раздираютЪ львы, терзаютЪ медвѣди, пожираютЪ псы; другіе вЪ поляхЪ и степяхЪ изгниваютЪ сами; иныхЪ вЪ пищу употребляютЪ человѣки; другихЪ изгрызаютЪ муравьи; иными насыщаются птицы: однимЪ словомЪ сказать, сихЪ утробы онымЪ бываютЪ гробы. А вЪ человѣкѣ сего не дѣлается, который не малую часть имѣнія иждиваетЪ на устроеніе гроба; и сія-то единая суета есть главная изЪ всѣхЪ суетЪ бѣдственныя жизни. Ибо что суетнѣе, и что тщетнѣе есть, какЪ гордиться и превозноситься человѣку красотою своего гроба; и напротивЪ того не уважать мерзости и нечистоты своего житія? Истинно, клятвой подтвердилибЪ нынѣ всѣ мертвые, что мало имЪ вЪ томЪ нужды, вЪ глубинѣль морской тѣла ихЪ погребены, или вЪ смрадныхЪ гноищахЪ зарыты; отЪ свирѣпыхЪ ли звѣрей пожерты, или на поляхЪ непогребенныя оставлены: естьли бы только души ихЪ вЪ небесныя жилища восприняты были.

Ежели по Христіянству сказать; то я смѣло утверждаю, что мало пользы тѣламЪ, во гробахЪ мраморомЪ покрытыхЪ лѣжать; когда нещастныя души ихЪ вЪ пламеняхЪ адскихЪ горятЪ. ТакЪ ли намЪ бѣднымЪ вЪ

жизни сей недостаетъ, чего искать и дѣлать, для чего трудиться и потѣть, о чемъ стараться, воздыхать и плакать; что должно помышлять, о мѣстахъ своего погребенія? Сыщешь нѣкоторыхъ человѣковъ толь непостоянныхъ, суевѣрныхъ и легкомысленныхъ, что отъ вѣхъ сограждань поношеніе своея жизни ни мало не уважаютъ, ежели только ихъ повсюду за великолѣпіе гроба похваляютъ. Я съ живыми бесѣдую, и о мертвыхъ говорю, что ежели бы имъ дана была власть въ жизнь возвратиться: большебъ упражнялись они въ исправленіи своихъ беззаконій и грѣховъ, нежели въ устроеніи и возобновленіи гробовъ, хотя бы оные упадшими и разсыпанными нашли. Не остается ничего болѣе сказать, кромѣ что человѣкамъ памятовать смерть, есть дѣло мудрости; а помышлять и заботиться о погребеніи, есть знакъ великой глупости.

ГЛАВА 37.

Утѣшительное письмо М. Аврелія Римскаго Императора къ Домитію, Капуанскому гражданину, въ ссылкѣ находившемуся, которой за учиненную съ другимъ гражданиномъ, на коннористательномъ бою, ссору, въ заточеніе былъ посланъ.

„Маркъ Императоръ Римскій, рожденный на Целійской горѣ, Домитію Капуанскому гражданину здравія и утѣшенія отъ богов ъ утѣшителей желаетъ.

„Лю-

„ Лютость зимней стужи здѣсь жестокіе
„ вѣтры возбудила, кои великія наводненія про-
„ извели; чрезъ что произшедши сырыя влаж-
„ ности, различныя болѣзни раждаютъ, отъ ко-
„ торыхъ и моя подагра и хирагра начало заим-
„ ствуетъ. Есхинъ обыкновенно говаривалъ, что
„ вольности духа, и здравія тѣла, никакою цѣ-
„ ною оцѣнить, и ни съ чемъ сравнить не воз-
„ можно: ибо кто вольности не имѣетъ, тотъ
„ что можетъ предпріять? и кто здравія ли-
„ шается, тотъ что силенъ сдѣлать?

„ Три вещи Платонъ сказалъ въ книгахъ
„ о обществѣ: Первая, что тотъ, который
„ никому ничего не долженъ, о убожествѣ
„ жаловаться не можетъ: ибо какъ только я
„ долженъ другому деньгами; тогда ужѐ не самъ
„ я свой, но другой есть господинъ мой. Вторая,
„ тотъ, кто не есть ни рабъ, ни невольникъ,
„ несправедливо дѣлаетъ, ежели скажетъ,
„ что онъ другимъ чемъ нибудь нещастливъ
„ быть можетъ: ибо Фортуна ни въ чемъ
„ свирѣпѣе не бываетъ, какъ ежели вольность
„ сея жизни у насъ отнимаетъ. Напослѣдокъ
„ третья, что нѣтъ ни единаго блага изъ
„ временныхъ благихъ вящшаго, и ни единаго
„ щастія совершеннѣйшаго, какъ сокровище
„ здравія: ибо кто болѣзнями терзается,
„ тотъ посреди богатствъ недостатокъ пре-
„ терпѣваетъ, и изъ увеселеній никакого
„ удовольствія и пріятности не получаетъ.

„ Въ вѣкѣ предковъ нашихъ, когда Римъ
„ наилучшимъ образомъ былъ управляемъ, не
„ токмо до общаго благъ состоянія касающія-

„ ся

„ся вещи учреждали; но и о принадлежащихъ
„до каждаго здравія особо, стараніе прилага-
„ли: поелику оные въ сохраненіи тѣлъ бодр-
„ственны, а въ искорененіи пороковъ не-
„усыпны были. Чего ради Кн. Патроклъ, и
„Іуній Албъ Консулы, усмотря, что городъ
„по большой части въ лѣтнее время болѣзня-
„ми страждетъ, запретили указомъ:

„Первое, чтобъ въ Іюлѣ и Августѣ мѣся-
„цахъ открываемы не были блудодѣйные
„домы: понеже юношеская кровь отъ блуд-
„ныхъ дѣлъ повреждалась. Второе, чтобъ
„изъ Салоны или изъ Кампаніи овощей на
„продажу въ Римъ не привозили: ибо нѣжнѣй-
„шія Римлянки по причинѣ жару, а скуднѣй-
„шіе за недостаткомъ въ лѣтнее время толь-
„ко овощами питалися, и такимъ образомъ
„всѣ рынки овощей, а домы горячекъ полны
„были. Третіе, чтобъ никто ночью на дво-
„рѣ по улицамъ не шатался: ибо глупые и
„легкомысленные юноши изъ ночныхъ шало-
„стей и амуровъ стяжевали дневные недуги
„и болѣзни. Четвертое, чтобъ никто въ
„городѣ для публичной продажи не имѣлъ
„Критскаго или Гишпанскаго вина: ибо въ
„лѣтней жаръ, когда самое горячее солнце
„бываетъ, вино на подобіе смертоносной
„отравы вредитъ юношамъ. Пятое и послѣ-
„днее, чтобъ смрадной гной вывозили, дороги
„и улицы очищали, и изъ домовъ соръ
„выметали: ибо отъ зараженнаго нечистотою
„воздуха обыкновенно раждается въ народахъ
„моровое повѣтріе.

„Все

„Все сіе, когда Римъ и богатъ и благо-
„полученъ былъ, въ городѣ наблюдалось. Но
„послѣ того, какъ Катилина тираннъ появил-
„ся, и общество Силла и Марій возмутили,
„Цесарь и Помпей мучительски утѣсняли,
„Октавій и М. Антоній расхитили, Калигу-
„ла и Неронъ обезславили; рѣдкіе въ Римѣ
„старалися, чтобъ изъ Гишпаніи и Крита
„вина не привозили, или не продавали: поели-
„ку каждой прилѣжнѣе былъ въ убѣганіи
„непріятельскаго меча, нежели лѣтнихъ жа-
„ровъ.

„Ненапрасно сказали древніе, что городъ
„болѣзнямъ подверженъ, ибо онъ въ самомъ
„дѣлѣ таковъ есть; что говорю я для того,
„понеже хотя отвѣдываю прохаживаться, и
„хотя желаю писать, однако не могу. Во
„время младолѣтства моего въ Римѣ, ни
„голова у меня на вольномъ воздухѣ не болѣ-
„ла, ни кровь отъ вина не воспламенялась,
„ни лѣтнимъ жаромъ не утомлялся, ни
„зимнею стужею не повреждался, ежели хо-
„дилъ босыми ногами. Нынѣ же, когда со-
„старѣлся, нѣтъ никакой теплоты, отъ ко-
„торой бы я не упрѣвалъ; нѣтъ никакой
„стужи, отъ которой бы не озябалъ и не дро-
„жалъ. Похотливая и невоздержная младость
„изнуренное и слабое тѣло отдаетъ старо-
„сти. О когда бы смертные, поживши нѣ-
„сколько времени стариками, возмогли умо-
„лить боговъ о возвращеніи своея младости;
„истинно, осторожнѣе, нежели прежде, бы-
„ли бы они въ убѣганіи свѣтскихъ обмановъ,

„и

„и прилѣжнѣе въ сохраненіи тѣлеснаго здра-
„вія. Но я и не удивляюсь, что тѣ, кои
„въ младыхъ лѣтахъ невоздержны были, въ
„старости болѣзнями страждутъ: ибо тѣ,
„кои добродѣтели не любили; сколь малова-
„жная есть вещь, что здравіе дешево цѣни-
„ли?

„Сказалъ я сіе съ тѣмъ намѣреніемъ,
„дабы ты разумѣлъ и вѣрилъ, что я за
„препятствіемъ слабаго здоровья, не столь
„пространно писать могу, какъ бы или ты
„хотѣлъ, или и самъ я желалъ: по чему и я
„твою печаль оплакивать, и ты о моей по-
„дагрѣ соболѣзновать долженствуешь.

• „Возвѣщено мнѣ, что въ день Янусова
„праздника на конскомъ ристаніи между то-
„бою и сосѣдомъ твоимъ Патриціемъ про-
„изошла ссора, и толикое изъ оной воздвиг-
„лось смятеніе, что арестовано твое имѣніе,
„разоренъ домъ, сосланы въ заточеніе дѣти,
„и самъ ты на десять лѣтъ отрѣшенъ отъ
„Сената, и внукъ твой лишенъ Сенаторскаго
„достоинства, и ты вѣчно въ Капуу отправ-
„ленъ въ ссылку, и соперникъ твой посаженъ
„въ Мамертинскую тюрьму; и такимъ обра-
„зомъ вы изъ кратчайшаго онаго неистовства
„чрезъ цѣлую жизнь плакать имѣете при-
„чину.

„Всѣ оттуда пріѣжжающіе мнѣ переска-
„зываютъ, и всѣ оттуда пишущіе, чрезъ
„письма увѣдомляютъ, что сердце твое то-
„ликою печалію терзается, и самъ ты въ
„толикой гнусности и неопрятности жизнь

„про-

„провождаешь, что ни печальныхЪ мыслей „изЪ сердца не истребляешь, ни утѣшенія „отЪ друговЪ не пріемлешь. Однако не ду„май, что я говорю сіе для того, понеже „оное меня оскорбляетЪ: ибо я по различію „испытаннаго мною щастія, ужè давно знаю, „что есть печаль. ТотЪ, кто нелицемѣрно „печаленЪ, днемЪ воздыхаетЪ, ночью не „спитЪ, вЪ компаніи волнуется, вЪ уедине„ніи успокоевается, свѣтЪ ненавидитЪ, тем„ноту любитЪ, землю слезами орошаетЪ, „небо стенаніями колеблетЪ, о прошедшемЪ „сожалѣетЪ, о будущемЪ не помышляетЪ, са„мыми утѣшеніями раздражается, и воспо„минаніемЪ горестей и болѣзней увеселяется. „СловомЪ, оскорбленный и печальный чело„вѣкЪ ни изЪ какой вещи удовольствія и ве„селости не получаетЪ, и на самаго себя не„годуетЪ и досадуетЪ.

„Естьли живыми, кажется тебѣ, любез„ный Домитій, красками изобразилЪ я пе„чальное сердце; то не для иной причины, „повѣрь сіе сдѣлано мною, какЪ для той, что „я, по соизволенію судьбинЪ, все сіе на са„момЪ себѣ испытавЪ, толь изрядно и опи„сывать оное великаго искусства достигЪ. „Ибо что касается до печалей духа и болѣз„ней тѣла, много имѣется разности между „тѣмЪ, который читалЪ, и тѣмЪ, который „самЪ испыталЪ. Ежели ты тамЪ не инако „какЪ я здѣсь, разсуждаешь; то вещь сія „есть такая, что по достоинству и тебѣ и „другамЪ жесточайшую печаль наноситЪ;

„ког-

„ когда ты о привлеченіи изъ толь маловаж-
„ ной причины и себѣ и кровнымъ родствен-
„ никамъ пагубы помышляешь. Истинно я о
„ погибели твоей премного соболѣзную, видя,
„ что ты въ толь малой и мѣлкой водѣ по-
„ грязъ и утопъ. Знаменитымъ и великодуш-
„ нымъ мужамъ, равныхъ достоинству сво-
„ ему соперниковъ избирать приличествуетъ;
„ то есть, когда знаменитый мужъ и жизнь
„ и имѣніе свое опасности подвергнуть возна-
„ мѣрился: то долженъ дѣлать сіе въ важной
„ вещи. Ибо срамнѣе и безчестнѣе есть, еже-
„ ли онъ побѣдитъ крестьянина, нежели ког-
„ да самъ побѣжденъ будетъ отъ Кавалера.

„ Ахъ, сколь непостоянно есть щастіе!
„ и сколь великіе случаи часто вмѣшиваются
„ въ маловажныя! Я въ томъ, что говорить
„ намѣренъ, самаго себя осуждаю, тебя обви-
„ няю, на боговъ жалуюсь, мертвыхъ пригла-
„ шаю, живыхъ призываю, дабы посмотрѣли
„ они, что мы предъ глазами бѣды и нещастія
„ имѣя, ихъ не познаемъ; руками осязая, не
„ чувствуемъ; ногами попирая, не видимъ;
„ ушами почерпая, не слышимъ; и слыша отъ
„ всѣхъ странъ звенящій шумъ, не разумѣ-
„ емъ; наконецъ, вседневно увѣщанія получая,
„ не вѣримъ; словомъ, мы тогда уже бѣду и
„ погибель разумѣемъ, когда болѣзнь никако-
„ го врачеванія и исцѣленія не пріемлетъ.

„ Пусть не предаютъ себя безопасности
„ человѣки, помышляя, что въ маловажныхъ
„ вещахъ нѣтъ никакой бѣды: ибо, какъ
„ опытъ свидѣтельствуетъ, и самый малый

„ въ-

„ вѣтеръ яблоки съ дерева сшибаетъ, малѣй-
„ шая искра пространной лѣсъ сожигаетъ, о
„ малой камень ударяясь корабль, разсѣлины
„ пріобрѣтаетъ, на малой камешокъ потыкаясь
„ нога вредъ получаетъ, малая уда великую
„ рыбу уловляетъ, и отъ легкой раны
„ великій человѣкъ умираетъ; изъ чего разумѣется,
„ что жизнь наша толь слаба, и щастіе
„ наше толь обоюдно, что гдѣ никакого
„ подозрѣнія и опасенія не было, тамъ всѣ
„ бѣды наступаютъ. Сенека къ Гелвіи матери
„ сосланной изъ Рима въ заточеніе говоритъ
„ въ пятой главѣ слѣдующія слова: Подлинно,
„ Ты, Гелвія, моя мать, а я твой сынъ;
„ ты старуха, а я еще не старъ; но никогда
„ щастію не вѣрилъ, хотя оное и казалось
„ мнѣ благопріятствующимъ. Я всѣ тѣ вещи,
„ продолжаетъ Сенека, кои щастіе мнѣ съ
„ крайнимъ снисхожденіемъ давало (сирѣчь,
„ богатство, честь, и славу,) въ томъ мѣстѣ
„ положилъ, гдѣ бы оно въ которомъ
„ нибудь часу ночи могло ихъ обратно взять;
„ и такимъ образомъ щастіе изъ сундука, а
„ не изъ сердца моего ихъ унесло. Важнѣйшая
„ по истиннѣ, и приличная толикому мужу
„ рѣчь!

„ Государь мой Адріанъ Императоръ,
„ какъ Сенека въ томъ же мѣстѣ повѣствуетъ,
„ носилъ на перстѣ кольцо, которое
„ признавали быть единою изъ вещей Друза
„ Германскаго, и на которомъ вырѣзано было
„ сіе витіеватое мнѣніе: Тѣмъ человѣкамъ
„ щастіе тяжело, коимъ нечаянно; сирѣчь,

„ тотъ

„ тотъ удобно и легко щастїе здержать мо-
„ жетъ, кто нещастїя всегда ожидаетъ. Я
„ самымъ опытомъ научаюсь, что какъ
„ лѣкарь запертой и неотворенной свищъ
„ наиопаснѣйшимъ считаетъ; какъ корабле-
„ плаватель въ пучинахъ, а не въ другихъ
„ водахъ страшится; и какъ храброй воитель
„ прилѣжнѣе тайнаго обмана, нежели явнаго
„ сраженїя остерегается: такъ благоразумно-
„ му мужу должно остерегаться не чужихъ,
„ но своихъ; не непрїятелей, но друговъ; не
„ жестокой войны, но притворнаго мира; и не
„ явнаго вреда, но скрытной бѣды. Сколько
„ видали мы человѣковъ, коихъ свирѣпыми
„ вихрами нещастныхъ случаевъ фортуна по-
„ колебать не могла, и послѣ въ безопасности
„ нашедши испровергла!

„ Какоежъ себѣ спокойствїе ктолибо обѣ-
„ щать можетъ, и кто снисходительствующе-
„ му щастїю себя ввѣрить осмѣлится; когда изъ
„ толь маловажной причины толикое въ Капуѣ
„ смятенїе произошло, и толикое твоему дому
„ и тебѣ паденїе нанесло? Естьли бы мы фор-
„ туну совершенно знали; то не такъ бы на нее
„ жаловались. Ибо поелику она совсѣми дѣло
„ имѣетъ, и всѣмъ удовлетворить желаетъ,
„ хотя до послѣдняго всѣхъ обманываетъ; то
„ всѣ богатства и дары свои намъ для смот-
„ ренїя показываетъ, а мы напротивъ того
„ какъ наслѣдники ихъ присвояемъ; тѣ вещи,
„ кои для употребленїя намъ дала, какъ буд-
„ то вѣчныя взимаемъ; шутя данное, въ прав-
„ ду принимаемъ. Словомъ, поелику фортуна

„ есть обманщица, и надъ нами играетъ и
„ насмѣхается; то когда мы думаемъ, что
„ она даетъ намъ чужее, погубляемъ собствен-
„ ное.

„ Когда же мнѣ фортуна весьма извѣ-
„ стна; то я ни бурныхъ вихровъ ея досаж-
„ деній не устрашусь, ни молній и громовъ
„ не убоюсь, ни ясности ея утѣхъ и роскошей
„ не повѣрю, ни на пріятнѣйшія ласкатель-
„ ства не положусь, ни друговъ ея дорого не
„ поставлю, ни къ врагамъ ея не присовокуп-
„ люсь, ни удовольствія и веселости изъ тѣхъ
„ вещей, кои у меня отнимаетъ, не почерпну,
„ ни того, что мнѣ правду говоритъ, за ве-
„ лико не сочту; ни о томъ, что ложь мнѣ
„ сказываетъ, не весьма тужить буду. Сло-
„ вомъ, ни радоваться, что мнѣ благопріят-
„ ствуетъ; ни плакать, что меня отвергаетъ,
„ не стану.

„ Теперь открою тебѣ, Домитій, особли-
„ вую тайну, которую крѣпко затверди въ
„ памяти. Толь сомнительна наша жизнь, и
„ толь незапна фортуна, что не всегда уда-
„ ряя грозитъ, и не всегда грозя ударяетъ.
„ Чего ради тотъ, кто мудраго мужа похвалу
„ себѣ присвояетъ, и во всѣхъ дѣлахъ осто-
„ рожнымъ быть желаетъ, пусть ни столь
„ робко ходитъ, чтобъ при каждомъ поткно-
„ веніи упадка боялся; ни столь безопасно жи-
„ ветъ, чтобъ не помышлялъ, что и на ров-
„ номъ мѣстѣ поткнуться можетъ: ибо ко-
„ варная фортуна часто грозитъ, и не уда-
„ ряетъ; а временемъ ударяетъ, и не гро-
„ зитъ.

По-

„Понеже я лѣтами тебя превосхожу, и „большее въ дѣлахъ искусство имѣю; то, „ежели ты сказанное доселѣ примѣтилъ, „равнымъ образомъ, и что я еще говорить „буду, прилѣжно примѣчай; сирѣчь, та часть „жизни есть бѣдственнѣйшая, которую нера„дѣніе безопаснѣйшею дѣлаетъ. Желаешь, „чтобъ я сказанное подтвердилъ примѣра„ми? Посмотри на Өивскаго Геркулеса, кото„рый столь многихъ опасностей на морѣ и на „землѣ избѣгнулъ, и напослѣдокъ отъ рукъ „любовницы Деяниры погибъ. Великій Ага„мемнонъ, Греческій полководецъ, чрезъ цѣлые „десять лѣтъ Троянской брани никакого вре„да не претерпѣлъ, и напослѣдокъ въ соб„ственномъ домѣ ночью убитъ. Непобѣдимый „Александръ въ Азіатскомъ и Индійскомъ „походахъ отъ смерти спасся, и вскорѣ по„томъ въ Вавилонѣ малымъ стаканомъ яду „отравленъ. Великій Помпей на сраженіи съ „непріятелемъ ополчаясь невредимъ пребылъ, „и напослѣдокъ отъ друга Птоломея умерщ„вленъ. Мужественный и великодушный Іулій „Кесарь на пятидесяти двухъ сраженіяхъ „побѣжденъ быть не могъ, и послѣ въ Сена„тѣ дватцатью тремя смертельными рана„ми избоденъ.

„Храбрѣйшій Карөагенскій полководецъ „Аннибалъ, чрезъ семдесять лѣтъ отъ Рим„лянъ жизни лишенъ быть не могъ, кото„рой напослѣдокъ, чтобъ не попасться въ не„пріятельскія руки, самъ себя лишилъ. Аскле„ній великаго Помпея родной по матери

 братъ,

„ братъ, чрезъ двадцать лѣтъ на моряхъ „ дѣлая разбой, никакой бѣды не испыталъ, „ и напослѣдокъ черпая изъ колодезя воду у„ топленъ. Десять избраннѣйшихъ Трибу„ новъ, коихъ на Африканской войнѣ Сципі„ онъ имѣлъ, играя, съ мосту упали и пото„ нули. Добродѣтельнѣйшему Бибулѣ, когда „ ѣхалъ чрезъ городъ на торжественной ко„ лесницѣ, черепица съ кровли упадши, голову „ проломила; и такимъ образомъ суетная оная „ слава конецъ благочестной его жизни при„ несла. Что скажу о сестрѣ моей Луціи? „ которая, когда имѣя на грудяхъ воткну„ тую иглу, пѣстовала въ рукахъ маленькаго „ сына, и оный младенецъ билъ мать кулач„ комъ; то тѣмъ самымъ мѣстомъ, куда „ иглу водрузилъ, душа изъ матери вышла. „ Ученѣйшій мужъ и родственникъ мой Кн. „ Руфинъ, когда чесалъ сѣдину, и гребеноч„ нымъ зубкомъ легко голову оцарапилъ; то „ отъ оной маленькой раны сдѣлавшись смер„ тельная рожа, вскорѣ послѣ того, хотя не „ учености и памяти, но жизни конецъ ему „ приключила. Что тебѣ кажется, Домитій? „ Истинно, я какъ сіи не многіе примѣры „ пересказалъ; такъ, клянусь безсмертными „ богами, безчисленное множество другихъ „ могъ бы представить. Ахъ, коликое послѣ „ толикаго щастія заключеніе! коликое послѣ „ толикой славы безчестіе! коликая послѣ то„ ликой безопасности бѣда! коликое послѣ то„ ликаго благополучія нещастіе! сколь печаль„ ная и мрачная послѣ толь яснаго дня ночь!

„ сколь

„сколь худая, послѣ толь долгаго путешествія, гостинница! сколь жестокой, послѣ толь упрямаго спору, приговоръ! и сколь несообразная толь доброму началу жизни смерть! Естьли бы я на ихъ мѣстѣ былъ; то не знаю, чего желалъ бы: однако ежелибъ былъ на ихъ мѣстѣ, лучше трудную жизнь и честную смерть, нежели безчестную смерть и почтенную жизнь избралъ бы. Тотъ, кто человѣкомъ называться, а не между скотами счисляться хотѣніе имѣетъ; и желать и съ крайнимъ тщаніемъ стараться долженъ, чтобъ хорошо жить, и еще гораздо больше, чтобъ хорошо умереть. Ибо злая смерть добрую жизнь сомнительною дѣлаетъ; напротивъ же того добрая смерть злую жизнь извиняетъ.

„Въ началѣ письма упомянулъ я хирагру, которая меня терзаетъ. Я сіе повторяю для того, что о премногихъ вещахъ желалъ къ тебѣ писать собственною рукою. Два дни ужè борются между собою любовь, въ которой я тебя содержу; и болѣзнь, которую имѣю. Сердце мое къ тебѣ писать наиусерднѣйше желаетъ; но персты пера держать не могутъ: которой вредности сіе есть врачеваніе, чтобъ, когда я, какъ пріятель твой, ко утѣшенію тебя не могъ сдѣлать того, что хочу; ты, какъ другъ мой, доволенъ былъ тѣмъ, что могу. Болѣе не о чемъ писать, какъ о полученномъ мною извѣстіи, что ты въ Родосѣ домъ

„ строишь; чего ради посылаю тебѣ на вспо-
„ можение четыре тысячи червонныхъ.

„ Кланяется тебѣ Фавстина, которая по
„ причинѣ моей болѣзни не весьма здорова.
„ Сказываютъ, что рана твоя еще не зажила;
„ и для того я посылаю тебѣ фунтъ Пале-
„ стинскаго бальсаму, которымъ естьли по-
„ мажешь лицо, ни слѣда удара не останет-
„ ся. Ежели зеленые миндали, въ которыхъ
„ ядра уже зрѣлыя, такожъ лѣсные орѣхи
„ сыскать можно; то Фавстина со второю по-
„ чтою прислать себѣ проситъ. Я съ моей
„ стороны тебѣ и женѣ твоей посылаю
„ платье. Впрочемъ, молю безсмертныхъ бо-
„ говъ, да даруютъ намъ то, чего мы взаим-
„ но другъ другу желаемъ. Письмо сiе хотя
„ я къ тебѣ чужею рукою пишу, однако всѣмъ
„ сердцемъ тебя люблю. Прости „.

ГЛАВА 38.

Великiе Монархи и Князи съ особливымъ прилѣжанiемъ стараться должны, чтобъ были защитниками и покровителями вдовъ, и отцами сиротъ.

Аврелiй Макровiй въ третьей книгѣ Сатурнальскихъ празднованiй повѣствуетъ, что въ знаменитѣйшемъ городѣ Аѳинахъ храмъ милосердiя толь крѣпко заключали и прилѣжно хранили, что безъ согласiя и повелѣнiя Сената никому во оной входить не дозволялось; понеже тамъ однихъ только милосердныхъ Государей статуи поставлены были, и не и-

ные, какъ точію мужи милосердные для моленія входили: ибо Аѳиняне съ особливымъ прилѣжаніемъ остерегались, чтобъ не дѣлать никакой жестокости и суровости, за которыя бы привлекли на себя поношеніе и порокъ свирѣпства. И для того естьли кого величайшимъ безчестіемъ уязвить желали, о томъ говаривали, что онъ никогда въ Академію Философовъ для ученія, и никогда въ храмъ милосердія для моленія не вступалъ ни ногою; сирѣчь тѣмъ за грубость и невѣжество его порицая, а симъ за неистовство и свирѣпство обвиняя.

Историки повѣствуютъ, что во ономъ храмѣ стояла знаменитѣйшая статуя нѣкотораго Греческаго Царя, который былъ и чрезвычайно богатой, и крайне щедролюбивой, и паче всего весьма милосердной Государь; прибавляя, что онъ сверьхъ сокровищъ, кои храмамъ, и денегъ, кои убогимъ раздѣлилъ, принялъ на себя попеченіе воспитывать въ Аѳинахъ всѣхъ сиротъ, и давать прокормленіе всѣмъ вдовамъ. Сколь справедливѣе зрима была во ономъ храмѣ статуя милосерднаго того Царя, который убогихъ сиротъ питалъ, нежели поставленныя знамена свирѣпаго полководца, который бѣдныхъ вдовъ ограбилъ! Всѣ древніе Государи (о щедролюбивыхъ, великодушныхъ, и отъ всякаго тиранскаго свирѣпства чуждыхъ говорю) хотя какимъ нибудь порокомъ и обезславлены были, всегда за похвалу и честь себѣ вмѣняли, что были милосерды и щедролюбивы; сирѣчь жестокость и свирѣп-

 ство,

ство, которое противо непріятелей являли, щедролюбіемъ и милосердіемъ, которое сиротамъ оказывали, награждая.

Плутархъ въ политическихъ книгахъ повѣствуетъ, что Римляне узаконили, дабы остатки стола или брачнаго и торжественнаго пира всѣ отдаваемы были вдовамъ и сиротамъ; которое обыкновеніе такъ въ Римѣ утвердилось, что ежели кто изъ богатыхъ самъ остатками пользовался, того сиротамъ равно какъ за татьбу въ судъ призывать дозволялось. Аристидъ въ нѣкоторой рѣчи о преимуществѣ Римлянъ повѣствуетъ, что Персидскіе Государи имѣли обычай не прежде за обѣденной или ужинной столъ садиться, какъ у воротъ Царскихъ чертоговъ трубами большею частію громкими, нежели сладкогласными даванъ былъ знакъ, дабы сироты и вдовы всѣ туда собиралися: по тому что законъ ихъ повелѣвалъ всѣ остатки Царскихъ трапезъ раздѣлять бѣднымъ и нищимъ.

Фаларидъ въ нѣкоторомъ письмѣ къ другу сіи говоритъ слова: Получилъ я отъ тебя краткое письмо, заключающее въ себѣ подлинно не долгой, но жестокой выговоръ, которой хотя сперьва меня опечалилъ; однако послѣ, когда я образумился, крайне возвеселилъ и утѣшилъ; по тому что лучше благосклонное увѣщаніе друга, нежели притворное ласкательство врага. Между прочими дѣлами, поставляемыми мнѣ отъ тебя въ вину, ты сіи упоминаешь, что я считаюсь тиранномъ, понеже не повинуюсь богамъ, не оказываю

зываю благоговѣйнаго почитанія храмамъ, убиваю священныхъ особъ, гоню невинныхъ, ограбляю подданныхъ, и всего безобразнѣе, не даю ни чьимъ прозьбамъ мѣста, ниже допускаю кого либо въ дружеское обхожденіе.

Что, сказываютъ, я не повинуюсь богамъ; по истиннѣ справедливо говорятъ: понеже естьли бы я дѣлалъ все то, чего желаютъ боги, весьма мало дѣлалъ бы того, чего требуютъ отъ меня человѣки. Что, говорятъ, я неблагоговѣйно почитаю храмы; признаю и сіе за справедливость: ибо лучше желаютъ боги, чтобъ мы паче сердца, нежели храмы позлащенные имѣли. Что, сказываютъ, я убиваю священныхъ лицъ; признаю и сіе за справедливость: ибо толь суть нецѣломудренны и беззаконны, что я большее угожденіе богамъ дѣлаю, ихъ убивая, нежели они жертвы имъ закалая. Что, говорятъ, я ограбляю подданныхъ; признаю и сіе за истинну: ибо, какъ я ихъ отъ непріятелей защищаю; самая справедливость повелѣваетъ, дабы они мнѣ и моимъ служителямъ прокормленіе давали. Что, говорятъ, я неумолимъ и несклоненъ ни на чьи прозьбы; и сіе признаю за истинну: ибо толь непристойныхъ и неправедныхъ вещей повседневно требуютъ, что и для ихъ, и для меня гораздо полезнѣе и лучше не позволять оныхъ.

Что, сказываютъ, я убѣгаю обращенія; говорятъ правду: ибо когда ни приходятъ въ домъ мой, не столько для увеселенія моего,

сколько для испрошенія и полученія отъ меня чего нибудь въ свою пользу, приходятъ. Напослѣдокъ, что, говорятъ, я не оказываю милосердія бѣднымъ, и не слушаю сиротъ; на сіе никакъ не соглашаюсь: ибо клянусь безсмертными богами, что никогда сиротамъ и вдовамъ двери мои заключены не были.

Тревеллій Полліонъ въ житіи Клавдія Императора повѣствуетъ, что нѣкогда весьма убогая вдова пришла къ Императору Клавдію съ пролитіемъ слезъ, просить отъ него помощи; добродѣтельнѣйшій же Императоръ будучи побужденъ милосердіемъ и сожалѣніемъ, не токмо вмѣстѣ съ нею плакалъ; но еще и собственными своими руками съ лица ея отеръ текущія слезы. И какъ многіе изъ дворянства Римскаго въ то время около Императора стояли; то одинъ нѣкоторый изъ нихъ такъ сказалъ Цесарю: Довольно для достоинства и важности Римскихъ Государей и того, ежели они подданныхъ требующихъ правосудія слушаютъ, хотя бы съ лица ихъ слезъ руками своими и не осушали.

Которому отвѣтствовалъ Клавдій: Добрымъ Государямъ ничего болѣе не дѣлать, кромѣ того, что дѣлаютъ праведные судьи, не довольно; ежели во отправленіи правосудія и милосердными себя не оказываютъ: ибо часто Государи приходящихъ больше являемою имъ благосклонностію, нежели оказываемымъ правосудіемъ, удовлетворяютъ. Потомъ примолвилъ: Что, говоришь, уменьшается достоинство и важность Государя, ежелили онъ

купно съ бѣдною вдовою плачетъ, и своими руками слезы съ лица ея отираетъ; на сіе отвѣтствую, что я лучше желаю быть сѣтованія и печали подданныхъ соучастникомъ, нежели наполненія слезами очей ихъ виновникомъ. Рѣчь по истиннѣ достойная примѣчанія и подражанія!

Впрочемъ, какъ во всѣхъ дѣлахъ заслуживаетъ похвалу милосердіе; такъ во первыхъ достойно похвалы, когда оказывается женамъ, и наипаче тѣмъ, кои будучи въ печали погружены, утѣшенія лишаются; ибо жены весьма удобно печалію преодолѣваются, и съ величайшею трудностію утѣшеніе пріемлютъ.

Плутархъ и Квинтъ Курцій похваляютъ великаго Александра, который толь ласково и благосклонно поступалъ съ женою и дѣтьми Царя Дарія, вовсе отъ себя побѣжденнаго; и оное милосердіе такъ превозносятъ, что равную почти Александру славу за оказанное благочестіе и цѣломудріе къ дѣтямъ, какъ и за одержанную побѣду надъ отцемъ приписуютъ. Подлинно нещастный Царь Дарій, извѣстясь о Александровомъ къ женѣ и дѣтямъ милосердіи, чрезъ отправленныхъ посланниковъ великое благодареніе ему приносилъ, прося и впредь о продолженіи таковой же къ нимъ благосклонности: ибо статься можетъ, что по умилостивленіи боговъ и укрощеніи гнѣва фортуны, и самъ онъ равную воздастъ ему благодарность.

Однако Александръ посольство отпустилъ съ тѣмъ, дабы возвѣстили Дарію, что благо-

дарე-

дареніе отъ непріятеля за оказанное благоволеніе плѣнницамъ есть излишнее: поневеже онъ сего ни по тому, хотя бы Дарій былъ ему другомъ, не сдѣлалъ; ни по той причинѣ, хотя бы былъ ему врагомъ, сдѣлать не пропустилъ бы: но для того сдѣлалъ, дабы въ семъ случаѣ отправить долгъ великодушнаго Государя. Ибо противъ женщинъ, кои, кромѣ слезъ, ничего не знаютъ, должно употреблять милосердіе; а противо Государей, кои только воевать умѣютъ, храбрость и мужество сердца. Рѣчь по истиннѣ приличная толикому Государю!

Многіе завидуютъ Александру о названіи великаго, которое произошло оттуда, что онъ будучи отваженъ и великодушенъ въ пред пріятіи дѣлъ, гораздо щедролюбивѣе и великодушнѣе былъ въ раздаваніи городовъ и царствъ. Многіе завидуютъ Помпею о наименованіи великаго, который такъ названъ для того, что сей знаменитѣйшій полководецъ Римскій дватцать два царства покорилъ, и въ свитѣ своей дватцать пять Царей имѣлъ. Многіе завидуютъ Сципіону о названіи Африканскаго, что приписано ему для того, понеже онъ побѣдилъ пресильной городъ Карѳагенъ, который богатствами Римъ превосходилъ; оружіемъ же и могуществомъ съ цѣлою Европою воевалъ. Многіе завидуютъ I. Сципіону о названіи Азіатскаго, полученномъ отъ него за то, что покорилъ и усмирилъ гордую Азію, которая до того времени Римлянамъ была общимъ гробомъ. Многіе завидуютъ

Кар-

Карлу о безсмертном названіи, который именуется великим для того, что будучи малой Король не точію над многими иноземными Царями и царствами торжественныя побѣды одержал; но еще и знаменитѣйшій Императорскій престол в собственных царствах оставил.

Истинно, я не удивляюсь, что гордые Государи сим толь славным Монархам и полководцам завидуют. Но естьли бы я на их мѣстѣ был, хотя не знаю, что дѣлал бы; однако естьли бы был на их мѣстѣ, больше, пусть повѣрят мнѣ, о названіи милосерднаго и набожнаго Императору Антонину, нежели о именах или названіях всѣх цѣлаго міра Государям завидовал бы. Ибо прочіе Государи сіи пышныя названія получили чрез то, что многія расхитили земли, многіе разорили храмы, многіе тиранскою властію утѣснили народы, многих без наказанія оставили тираннов, многих оскорбили неповинных, и многих купно с имѣніем лишили жизни добродѣтельных: понеже свѣт сіе главное правило имѣет, что для снисканія единому человѣку знаменитаго имени, необходимо надобно помрачиться именам многих.

Но Антонин названіе милосерднаго не насиліем ниже посредством титлы себѣ пріобрѣл; но понеже ничего инаго не знал, как быть отцем сирот, и ничем болѣе не хвалился, как тѣм, что был защитник и покровитель бѣдных вдов: ибо сей

доб-

добродѣтельнѣйшій Государь спорныя дѣла и жалобы сиротъ самъ слушалъ и судилъ, и всегда чертоговъ своихъ врата бѣднымъ и вдовамъ отверстыя имѣлъ: поелику придверниковъ, коихъ онъ въ чертогахъ своихъ употреблялъ, должность состояла не въ томъ, чтобъ запрещать входъ убогимъ, но возбранять оной богатымъ. Писатели повѣствуютъ, что сей благонравнѣйшій Государь слѣдующія слова часто говаривалъ: Добродѣтельные и великодушные Государи должны предъ сиротами и вдовами всегда отверстыя сердца имѣть для вспомоществованія, и дверей никогда не затворять для слушанія. Ибо Аполлонъ сказалъ, что никогда не попустятъ боги, дабы Государю, который не будетъ прилѣженъ въ разсужденіи жалобъ убогихъ, усердное послушаніе приносимо было отъ богатыхъ.

О изрядныя и благородныя слова, которыя, желательно, дабы не Аполлоновымъ, но истиннаго Бога дѣйствіемъ, написаны были на сердцахъ Государей! Ибо нѣтъ ничего несправедливѣе и непристойнѣе, какъ сіе, что въ Царскихъ и Княжескихъ домахъ богатые и глупые почтенной пріемъ находятъ; а убогіе сироты и вдовы ниже выслушанія прозьбы не удостоиваются. О щастливъ, и стократно блаженъ, кто такъ въ памяти содержитъ, и такъ крѣпко водруженныхъ въ мысли своей убогихъ и бѣдныхъ имѣетъ, что и сердце къ утѣшенію ихъ отверзаетъ, и сокровищъ къ вспомоществованію имъ не заключаетъ! Ибо

нынѣ

нынѣ же обѣщаю и увѣряю, что въ страшный и ужасный день суда, съ милосердіемъ дѣла житія его судиться будутъ.

ГЛАВА 39.

Безконечно тягостнѣе суть вдовицъ, нежели вдовыхъ мущинъ бѣдствія; и для того паче объ оныхъ, нежели о сихъ сожалѣть и милосердствовать должно Государямъ.

Достоинъ сожалѣнія благородный и знаменитый мужъ, когда видимъ его въ печали, одиначествѣ и вдовствѣ; и наипаче ежели лишился супруги, которую сердечно любилъ: ибо онъ естьли холостымъ жить будетъ, сладкую соучастницу жизни утратилъ; естьли же съ другою въ супружество вступить намѣреваетъ, то вѣдаетъ, что рѣдкимъ щастливо вторые браки удаются. Великая есть утрата знатному дому, когда изъ онаго госпожа, отъ которой былъ управляемъ, во гробъ преселяется: ибо мужъ тотчасъ все попеченіе отлагаетъ, дѣти повсюду шатаются, слуги отъ лѣности унываютъ, служанки стыдъ оставляютъ, други его забываютъ, домъ разрушается, одежды вѣтшаютъ, богатство погибаетъ. Словомъ, въ храминахъ вдоваго мущины многіе похищаютъ, и рѣдкіе работаютъ.

Обоюдны и огорчительны суть вдоваго мущины помышленія: ибо ежели помышляетъ о новомъ супружествѣ, раждается печаль о введеніи въ домъ дѣтямъ мачихи; естьли же

помышляетъ о холостомъ житіи, то изъ долговременнаго одиначества почерпаетъ тоску и скуку. Такимъ образомъ бѣдному мужу утраченная жена стенанія, а новобрачная слезы возбуждаетъ.

Хотя же сіе такъ въ самой вещи есть; однако много разности между вдовствомъ мущинъ и женщинъ обрѣтается. Мужъ во время вдовства, не токмо внѣ дому своего выходить, по полямъ и улицамъ прогуливаться, съ сосѣдами бесѣдовать, съ другами обращаться, тяжбы свои отправлять; но еще въ честныхъ мѣстахъ и веселиться свободу имѣетъ: ибо по большой части меньше мужья о смерти женъ, нежели жены о кончинѣ мужей соболѣзнуютъ. Сіе говорится не въ поношеніе мужей благоразумныхъ и мудрыхъ, коихъ очи по причинѣ смерти женъ въ слезахъ утопаютъ; но во увѣщаніе глупыхъ и легкомысленныхъ, кои едва поминовеніе отправя, безъ всякаго стыда въ окна высматриваютъ, и на другихъ дѣвицъ взоры кидаютъ.

Иное по истиннѣ есть состояніе женъ, которымъ во вдовствѣ, ни за дворомъ гулять, ни изъ дому выходить, ни съ чужими бесѣдовать, ни съ своими обхожденія имѣть, ни съ сосѣдами обращаться, ни съ должниками тяжбу производить не можно; но необходимо надобно имъ по бѣдности своего состоянія, въ домѣ сѣтовать, и заключась въ спальняхъ, слезами постѣль орошать, и стенаніями небеса колебать.

Ахъ, сколь печальное, сколь горестное, и сколь бѣдственное есть состояніе вдовъ! Ибо ежели вдова изъ дому выходитъ, нечестною почитаютъ; ежели изъ дому выходить не хочетъ, имѣніе утрачаетъ; ежели хотя мало смѣется, легкомысліемъ поносятъ; ежели отъ смѣху воздерживается, притворствомъ порочатъ; ежели часто церьковь посѣщаетъ, щеголихою называютъ; ежели въ церьковь не ходитъ, неблагодарностію къ вѣрному мужу порицаютъ; ежели худо одѣта ходитъ, излишествомъ укоряютъ; ежели чисто одѣвается, досадованіемъ на вдовство осуждаютъ; ежели дика и невесела бываетъ, спесивою нарицаютъ; ежели ласково и обходительно поступаетъ, тотчасъ подозрительнымъ домъ считаютъ. Словомъ сказать, нещастныя вдовы тысячу оцѣнщиковъ своея жизни находятъ; а въ бѣдствіяхъ помощника ни единаго не обрѣтаютъ.

Много теряетъ жена, которая отца, или матери, или любимыхъ братьевъ, или вѣрныхъ друговъ, или пріобрѣтеннаго богатства лишается; но никакой въ свѣтѣ утраты съ сею сравнить не должно, когда лишается добродѣтельнаго мужа: ибо въ другихъ потеряхъ единая только утрата бываетъ; а утрата мужа всѣ прочія купно въ себѣ заключаетъ.

Когда жена сердечно любимаго мужа ужѐ погребеннаго видитъ, желалъ бы я ее спросить, какое добро въ храминахъ своихъ оставшее она имѣетъ? Ибо мужъ, какъ всѣмъ намъ из-

извѣстно, ежели былъ добронравной; трудовъ ея былъ облегчитель, нуждъ врачеватель, увеселеній изобрѣтатель, внутренняго сердца единственная любовь, наконецъ господинъ, и чуть только не идолъ ея, котораго она обожала. Словомъ, онъ былъ вѣрнѣйшій правитель дому, и милосерднѣйшій отецъ фамиліи и дѣтей.

Фамилія ли, или дѣти, или богатства ей останутся, или нѣтъ; въ обоихъ случаяхъ вдовѣ бѣдствіе готово. Ибо ежели она убога, и богатства не имѣетъ; пусть подумаетъ всякъ, какова жизнь ея будетъ. Она нещастная, или для снисканія пищи себя въ опасность предать, или для испрошенія оной стыдъ оставить необходимо должна. Благородная, знатная, нѣжная, младолѣтная и честная жена, которой дѣтей и домашнихъ кормить должно, важнѣйшія имѣетъ причины крушиться, видя, что ежели пряжею волны, и тканьемъ полотна пищу ей стяжевать, доходу едва и на хлѣбъ довольно будетъ; ежели тѣломъ пріобрѣтеніе дѣлать, погубитъ душу; ежели отъ другихъ просить, надлежитъ стыдиться; ежели фамилію отпустить, уничтожится ея достоинство. Дабы мужъ безъ погребенія не остался, надобно продать домашніе пожитки; ежели долгу не захочетъ уплатить, должно въ судъ итти. А поелику жены отъ природы нѣжны; то какая крѣпость духа у нихъ къ понесенію толикихъ тягостей и скорбей имѣется? и какіе глазà отъ пролитія слезныхъ потоковъ удержатся?

Есть.

Естьли же бѣдная вдова какіе нибудь пожитки имѣетъ; то и тутъ имѣетъ купно съ ними не мало горестей и печалей. Ей нужно искусство къ пощадѣнію, иждивеніе къ сохраненію, тяжба и ссора къ защищенію, трудъ къ пріумноженію, и наконецъ многія досады къ раздѣленію. Ибо сыны и дщери больше къ полученію наслѣдства, нежели къ приношенію ей послушанія мысли свои напрягаютъ. Дошедъ я доселѣ, не мало времени медлилъ размышляя и сомнѣваясь, прикасаться ли или безъ прикосновенія оставить сіе мнѣніе; сирѣчь, что часто вдовы жалобы о имѣніяхъ своихъ судьямъ подносятъ ясно, а оное напротивъ того владѣнія персоны ищутъ тайно; и такимъ образомъ, прежде бываетъ судъ о ихъ чести, нежели изъясненіе о справедливости жалобы.

Ежели нѣтъ у вдовы дѣтей; то и здѣсь она не безъ печали бываетъ, какъ по той причинѣ, что нещастная во̀все уединенною живетъ, такъ и по тому, что отъ мужнихъ родственниковъ имѣнія лишается. Въ которомъ случаѣ иногда столь суровы и неумѣренны наслѣдники бываютъ, что для изношенной епанчи, или изломаннаго сундука бѣдной вдовѣ досаду и огорченіе дѣлать не стыдятся.

Естьли же оставляются вдовѣ сыны; то тамъ оставляется ей и сугубой трудъ. Ибо ежели они малолѣтны, наполненное есть бѣдствія ихъ воспитаніе, такъ что ни на одинъ часъ, и ни на одну минуту безъ попеченій не бываютъ матери, только о жизни и здра-

віи оппроковъ печалясь; буде же паче чаянія оставшіе сыны взрослы, то по истиннѣ и здѣсь труды, кои съ ними остаются купно, суть не малы: поелику большею частію всѣ дѣлаются гордыми, непослушными, злобными, лѣнивыми, похотливыми, шумственными, пьяницами, злоязычными, клеветливыми, картіожниками, вздорными, забіячливыми, лживыми, безумными, глупыми и несмысленными; и такъ жизнь нещастныхъ матерей въ оплакиваніи смерти отцовъ, и исправленіи погрѣшности сыновей проходитъ.

Когда же великой есть трудъ, которой сыны матери привлекаютъ; то гораздо большій и несносный есть трудъ, которой дочери приносятъ. Ибо, ежели дочь разумна, дабы не испортилась; естьли же проста, дабы отъ кого нибудь не была обманута, опасается; ежели пригожа, довольно въ збереженіи ея печалей имѣетъ; естьли же безобразна, за мужъ выдать не можетъ; ежели добронравна, не хотѣла бы ее отъ сожитія своего отлучить; естьли же злонравна, не можетъ ее терпѣть; ежели къ людямъ дика и застѣнчива, чтобъ не состарѣлась, боится; естьли же своевольна и продерзска, наказывать ее не смѣетъ. Кратко сказать, ежели за дворъ ее пускаетъ, дабы не впала въ безславіе, боится; естьли же въ домѣ ее держитъ, чтобы не похитили, страшится.

Что же станетъ дѣлать вдова, имѣя многихъ у себя дочерей и сыновей ужѐ того возраста, что о супружествѣ ихъ помышлять дол-

должна, у которой ниже къ пропитанію ихъ нужнаго иждивенія недостаетъ? Однако ежели сына женить, или дочь за мужъ отдать случится, по крайней мѣрѣ въ то время вдова отъ печалей избавится? Нѣтъ, не правда. Но еще хотя богатыхъ и пригожихъ вдовы получатъ зятей или снохъ; однако статься не возможно, чтобъ въ самой тотъ день, въ которой ими наполняютъ домъ, сердецъ своихъ досадами и печалями не обременили.

Не льстите себя, вдовы, помышляя, что ежели сыновьямъ сыщете женъ, или дочерямъ мужей, впрочемъ веселѣе и спокойнѣе жить будете: ибо, да умолчу то, чего станутъ просить внуки, и что тайнымъ образомъ похитятъ зятья; когда наипаче успокоится старуха, ссору съ нею о имѣніи подымутъ младолѣтные. Гдѣ есть въ народахъ такая сноха, которая бы искренно любила тещу? Гдѣ есть въ свѣтѣ такой зять, который бы не желалъ имѣнія лишить тестя? Ежели въ болѣзнь впадетъ вдова, у которой въ домѣ зять или сноха имѣется; и онымъ, обязавши присягою, дастся на вольной выборъ, лучше ли тещу съ надеждою возвращенія здравія врачевать, или съ надеждою полученія наслѣдства погребенію предать желаютъ: смѣло божусь всѣми клятвами, заклянутся, что радостнѣйшимъ сердцемъ дадутъ червонецъ гробостроителю за копаніе ямы, нежели рубль аптекарю за отпускъ проноснаго лѣкарства.

Сенека въ нѣкоторомъ письмѣ говоритъ, что по естественному вдохновенію тесть сноху, а теща зятя любитъ; напротивъ того сноху теща, а зятя тесть ненавидитъ. Однако правило сіе, мнѣ кажется, не есть главное: ибо найдешь снохъ, коихъ едва не обожать; найдешь зятей, коихъ въ крайнемъ благоволеніи и величайшей любви содержать достойно.

Происходитъ вдовамъ и другой родъ печали; сирѣчь, что имѣющая единаго сына, который ей вмѣсто отца, брата, сына, и мужа былъ, когда ниже мало не думаетъ, предъ очами своими умершаго видитъ; чего ради какъ жизнь сына слезами искупляла, такъ хотя бы и желала, смерти его терпѣливно сносить не можетъ: и по сей причинѣ когда невиннаго сына мертвое тѣло землѣ предается, купно съ онымъ и бѣдной матери сердце погребается. Но оставя говорить о смерти сыновъ, спросимъ матерей, что онѣ въ сердцахъ своихъ чувствуютъ во время болѣзни ихъ? Истинно, скажутъ во отвѣтъ, что коликократно болѣзнуютъ сыны, толикократно возобновляется имъ смерть мужей; поелику той же самой и имъ, которая симъ приключилася, кончины опасаются. Да и въ самомъ дѣлѣ дивиться не должно, что онѣ боятся: ибо вящшей опасности подвержена виноградная лоза пучки раскидывающая, нежели зрѣлыми ягодами ужѐ отягощенная.

Приключается вдовамъ и другое прочихъ не легшее бѣдствіе; сирѣчь, презрѣніе мужнихъ

нихъ друговъ, и неблагодарность бывшихъ ея питомцовъ и пріятелей, которые по отправленіи погребенія ни на порогъ въ домъ ея не вступаютъ, чтобъ за прежнія услуги награжденія не требовали, или новыхъ ссоръ съ нею не всчинали.

Изчислилъ я, или справедливѣе сказать, только вкратцѣ описалъ бѣдствія вдовъ, для совѣтованія Государямъ, дабы о нихъ попеченіе имѣли; для увѣщанія судей, дабы жалобы ихъ слушали; и для склоненія добродѣтельныхъ мужей, дабы утѣшеніемъ имъ помогали: ибо дѣло сіе само собою есть толь свято и богоугодно, что кто нибудь единой только вдовы нещастія облегчая, большее, нежели я всѣхъ купно бѣдствія описывая, отъ Всевышняго десницы воздаяніе заслужитъ.

ГЛАВА 40.

Письмо Марка Аврелія Императора къ Римлянкѣ Лавиніи, утѣшительное въ смерти ея мужа, весьма способствующее ко утѣшенію вдовъ, и наипаче знаменитыхъ; раздѣлено отъ Автора на двѣ главы.

Маркъ Императоръ Римскій, рожденный на Целійской горѣ, первый Консулъ, народный Трибунъ, величайшій первосвященникъ, и назначенный противъ Датчанъ Полководецъ, благороднѣйшей госпожѣ Римлянкѣ Лавиніи, бывшей нѣкогда супругѣ добродѣтельнѣйшаго

 Клав-

Клавдина, здравія и утѣшенія отъ боговъ утѣшителей желаетъ.

Коликократно приходитъ тебѣ на мысль, сколь много и ты отъ меня заслуживаешь, и я мужу твоему долженствую: то не сомнѣваюсь, что подозрѣваешь и негодуешь на мое нерадѣніе; когда къ жесточайшимъ твоимъ ударамъ, и горестнѣйшимъ стенаніямъ весьма поздно утѣшенія мои приходятъ. Однако я пріемля въ разсужденіе мужество и великодушіе сердца, котораго ты лишаться не можешь, и уважая памятованіе твое о непремѣнной навсегда моей волѣ, усердно служить тебѣ желающей, извѣстнѣйше вѣдаю, что мудрость твоя худое обо мнѣ подозрѣніе отвергнетъ. Ибо хотя я послѣдній къ утѣшенію прихожу; однако повѣрь мнѣ, первый о твоихъ нещастіяхъ и печаляхъ соболѣзновалъ.

Хотя же невѣжество есть свирѣпый (такъ сказать) мучитель добродѣтелей, и поощритель всѣхъ пороковъ; однако случается иногда, что и излишнее знаніе безпокоитъ ученыхъ, и повреждаетъ несмысленныхъ; поелику самый опытъ свидѣтельствуетъ, что кои излишнюю себѣ мудрость приписуютъ, тѣ часто въ жесточайшія бѣдствія впадаютъ. Гораздо полезнѣе есть Римлянамъ невѣдѣніе пороковъ, нежели Грекамъ было познаніе добродѣтелей. Причина сему слѣдующая, что, чего мы не знаемъ, ни о пріобрѣтеніи того не крушимся, ни о потеряніи не печалимся. Сказалъ я сіе для того, понеже

узналъ

узналъ то, чего знать не желалъ бы; и услышалъ то, чего слышать не хотѣлъ бы; сирѣчь, что и дни и бѣдствія мужа твоего Клавдина ужѐ конецъ имѣютъ; а твои, бывшей его супруги вновь нынѣ начинаются.

Я уже́ давно освѣдомился о смерти добродѣтельнѣйшаго Клавдина твоего мужа, хотя и скрывалъ, не для того, клянусь Марсомъ, что оплакивать не хотѣлъ; но дабы печали твоему сердцу не умножилъ. Ибо весьма свирѣпое дѣло мнѣ казалось той, которая чрезъ толико времени объ отсутствіи любезнѣйшаго и вожделѣннѣйшаго мужа сокрушалась, возвѣщеніемъ смерти его, какъ будто собственною моею рукою быть умерщвенной. Сверьхъ того, безчеловѣчно и неправедно было, чтобъ та, отъ которой я столько благодѣяній восприялъ, толь печальное и плачевное извѣстіе отъ меня получила.

Имѣлся у древнихъ Карѳагенцовъ законъ, что ежели отцу о смерти сына, или сыну о смерти отца, или женѣ о смерти мужа, или мужу о смерти жены, или другому кому о чьей нибудь сожалѣнія и пролитія слезъ достойной смерти извѣстить надлежало; вѣстникомъ употребляли того, который въ темницѣ ужѐ осужденъ былъ на смерть: понеже Карѳагенцамъ казалось, что тому, который о смерти брата, родственника или друга кого нибудь увѣдомлялъ, или немедленно убиту быть, или умереть, или по крайней мѣрѣ никогда предъ лице его болѣе не являться надлежало. Естьли же справедливой въ

семъ случаѣ былъ законъ Кароагенской; то весьма справедливо было и мнѣ о толь печальномъ приключеніи не дѣлать извѣстія, дабы не подвергнулъ себя оному наказанію. Ибо коликократно мы видимъ вѣстника непріятной вещи, всегда зрѣніемъ его ударъ возобновляется.

Я по смерти Клавдина твоего супруга, ниже единаго часа не провелъ спокойно, помышляя, какимъ образомъ толь печальное и горестное извѣстіе къ тебѣ придетъ. Нынѣ же видя, что ты обо всѣмъ извѣстилась, сугубою сокрушаюсь печалію: поелику и его смерть, и твое неутѣшное сѣтованіе, и невозвратной убытокъ, которой смертію его Римской Имперіи нанесенъ, меня крайне оскорбляютъ. Ибо ты лишилась гражданина, по крови знаменитаго, въ щастіи умѣреннаго, въ заключеніи терпѣливаго, въ бѣдствіяхъ великодушнаго, въ дѣлахъ тщаливаго, въ совѣтахъ благоразумнаго, къ другамъ вѣрнаго, противъ враговъ искуснаго, общество любящаго, житіемъ непорочнѣйшаго; и что всего главнѣе и удивительнѣе, толь добродѣтельнаго супруга, который никогда житіемъ никого не соблазнилъ, и никогда языкомъ никого не оскорбилъ. Толь многія и толь превосходныя добродѣтели рѣдко мы въ единомъ человѣкѣ сопряженныя видѣли: ибо, правду сказать, ежели многихъ, кои особливымъ мнѣніемъ добродѣтелей себя украсили, жизнь прилѣжнѣе изслѣдовать; по истиннѣ, больше порицанія, нежели похвалы достойныхъ дѣлъ обрящется.

Когда

Когда же ты толь добронравнаго мужа, и я толь вѣрнаго друга лишились; то по истиннѣ, тебѣ толикую утрату оплакивать, а мнѣ о толь благопріятномъ товарищѣ съ воздыханіемъ рыдать и сѣтовать должно, не столько для Клавдина, который ужѐ сладчайшимъ спокойствіемъ съ богами наслаждается, сколько по причинѣ самихъ себя, кои толикимъ бѣдствіямъ подвержены живемъ: ибо мертвые какъ въ безопасномъ пристанищѣ почиваютъ; а мы въ глубокомъ, бурномъ, и всякому злоключенію открытомъ морѣ плаваемъ. О бѣдное сердце! я тебя вижу между наковальнею и молотомъ, ты лишилось дружбы добродѣтельныхъ, и окружено многочисленнымъ полкомъ беззаконныхъ! Чего ради я часто въ сердцѣ своемъ помышляю, беззаконныхъ ли, кои живутъ; или добродѣтельныхъ, кои ужѐ мертвы суть, мнѣ оплакивать должно: ибо равно терзаетъ насъ зло, которое мы обрѣтаемъ; какъ и добро, которое погубляемъ. Подлинно, огорчительно зрѣть, что благонравные и добродѣтельные умираютъ; но по моему мнѣнію, гораздо прискорбнѣе видѣть, что беззаконные и въ порокахъ погруженные живутъ.

Однако, что боги добродѣтельныхъ, отъ коихъ почитаются, умерщвляютъ; а беззаконнымъ, отъ коихъ оскорбляются, жизнь продолжаютъ: вещь, какъ Платонъ говаривалъ, есть толь скрытная, что мы оную повседневно оплакиваемъ, а тайны ея никогда не постигаемъ. Скажи пожалуй мнѣ, Лавинія, разумѣ-

зумѣешь ли ты, что толь благосклонны обращеніемъ суть боги, къ коимъ мы умирая преселяемся, и толь злобны нравомъ человѣки, съ которыми, доколѣ живетъ, обхожденіе имѣемъ; что какъ злые для того раждаются, чтобъ умереть, такъ добрые умираютъ, чтобъ жить? Понеже добродѣтельный мужъ хотя и умираетъ, живетъ; а беззаконный, хотя и живетъ, умираетъ. Клянусь милостію матери Верекинѳіи! клянусь именемъ великаго Юпитера! безъ притворства и лицемѣрія говорю то, что говорить буду: сирѣчь, уважа покой, которымъ мертвые съ богами наслаждаются, и разсмотря горести и бѣдствія, въ которыхъ мы здѣсь живущіе страждемъ, паки говорю и подтверждаю, что больше имъ сожалительна наша жизнь, нежели намъ прискорбна ихъ смерть.

Хотя бы ничемъ человѣческая смерть отъ звѣрской не разнствовала, то есть, хотя бы никакихъ не было адскихъ Фурій, кои бы терзали беззаконныхъ; и никакихъ боговъ, кои бы награждали добродѣтельныхъ: то и для одного того смерть друговъ великодушнѣе мы сносить долженствовалибъ, понеже отъ толикихъ трудовъ и печалей освобожденныхъ видимъ. Какимъ веселіемъ торжествуетъ кораблеплаватель, вошедъ въ спокойную и безопасную пристань; коликою славою наслаждается Полководецъ, одержавъ надъ непріятелемъ побѣду; коликое спокойствіе получаетъ путешественникъ, совершивъ далекой путь; коликое удовольствіе чувствуетъ художникъ,

окон-

окончивъ работу: толикую радость, толикое веселіе, толикое спокойствіе, и толикое удовольствіе вкушаютъ мертвые, находясь внѣ бѣдственной сей жизни. Ежели бы человѣки раждалися, для того чтобъ вѣчно жить: то достойно бы было намъ, узря ихъ смерть, плакать. Но какъ самой истинны справедливѣе, что они родилися для того, дабы умереть, и по смерти жизнію своею наслаждаться; то по моему мнѣнію, не тѣхъ, кои скоро умираютъ; но кои долго живутъ, оплакивать должно.

Я заподлинно знаю, что мужъ твой Клавдинъ, когда воспоминаетъ бѣдствія и горести, которыя въ сей жизни понесъ и претерпѣлъ, и зритъ спокойствіе, которымъ въ другой наслаждается; ежели бы Императоромъ' Римскимъ боги его устроили, ни на одинъ день изъ гроба не вышелъ бы: ибо возвратясь въ жизнь, паки принужденъ бы былъ умереть; но съ богами обитая безсмертной жизни ожидаетъ. Прилѣжно тебя, добродѣтельнѣйшая Лавинія, прошу впредь толикими стенами не колебать небесъ, и толь горкими слезами не орошать землю; поелику вѣдаешь, что Клавдинъ твой мужъ находится тамъ, гдѣ ему не печаль, но радость; не трудъ, но покой; гдѣ не плачетъ, но смѣется; не воздыхаетъ, но поетъ; не мучится, но утѣшается; наконецъ, гдѣ не боится смерти, но имѣетъ неотъемлемое владѣніе вѣчной жизни.

Часто

Часто я самъ съ собою разсуждаю, что надлежитъ помышлять въ горестяхъ и печали находящимся вдовамъ, дабы грусть и сѣтованіе отъ себя прогнали; и по довольномъ разсматриваніи нахожу, что имъ не должно помышлять ни о пріятнѣйшемъ товариществѣ и союзѣ прошедшаго, ни о печальнѣйшемъ уединеніи настоящаго времени, нижѐ о другой какой либо вещи, которою онѣ въ свѣтѣ веселилися; но должно крѣпко въ памяти содержать будущее увеселеніе, котораго въ грядущемъ вѣкѣ ожидаютъ: ибо истинная вдова съ живыми обращенія, а съ мертвыми совокупленія желать должна. Естьли ты досель крушилась ожидая мужа, дабы въ домъ твой пришелъ; то веселись нынѣ, что онъ тебя въ своемъ домѣ ожидаетъ, въ которомъ, повѣрь мнѣ, лучше съ тобою будутъ поступать и обходиться боги, нежели съ нимъ здѣсь поступали и обходилися человѣки: понеже въ семъ свѣтѣ ты, что есть слава, не разумѣешь; а тамо они, что есть печаль и болѣзнь, не знаютъ.

Отъ Лицинія и Постумія двоюродныхъ твоихъ братьевъ я извѣстился, что ты ни плакать не престаешь, ни подаваемыхъ утѣшеній не пріемлешь. Но я не вижу, для чего ты одна оплакиваешь кончину Клавдина такъ, какъ будто бы одна его утратила: ибо, какъ жизнь его всѣмъ была полезна, такъ и смерть его всѣмъ оплакивать должно. Ничто вящшаго огорченія въ свѣтѣ печальнымъ и прискорбнымъ сердцамъ приключить не можетъ, какъ

ежели

ежели они видятъ, что другіе сѣтованіями ихъ веселятся. И вопреки, ничто въ жестокихъ и свирѣпыхъ нещастія ударахъ вящшаго облегченія и утѣшенія печальному и прискорбному духу не приноситъ, какъ ежели помышляетъ онъ, что другіе страданію его сострадаютъ. Когда я грущеніемъ и печалію сокрушаюсь; то не малую отраду почерпаю изъ присутствія друга, о которомъ безъ сомнѣнія вѣдаю, что въ печали и сѣтованіи моемъ участвуетъ. Такимъ образомъ другъ, сколько ни проливаетъ изъ очей слезъ, и сколько ни претерпѣваетъ духомъ печали, чрезъ сіе самое соболѣзнованіе свои рамена какъ будто обременяетъ, а мое сердце отъ бремени облегчаетъ.

Октавій Августъ Императоръ, какъ историки повѣствуютъ, между Дунайскими жителями нашелъ нѣкоторой языкъ, который особливое имѣлъ обыкновеніе, подобнаго коему въ другомъ мѣстѣ ни глазами не видѣно, ни въ книгахъ не читано. Два друга къ жертвенникамъ храмовъ купно приходили, и тамо заключали договоръ, обязавши взаимно между собою сердца, равно какъ мужа и жены тѣла бракомъ сопрягаются, призывая во свидѣтельство боговъ, и присягая клятвенными словами, что никогда и ни въ какомъ нещастіи слезъ проливать, и печалію сокрушаться не будутъ; но ежели кому нибудь изъ нихъ нещастіе послѣдуетъ, тогда другъ такъ оное оплакивать, и такъ въ томъ пособлять станетъ, аки бы самому ему приключилось. О

славной

славной вѣкъ! о благополучное время! о народъ вѣчной памяти достойный! въ которомъ люди толь нелицемѣрнымъ простодушіемъ одарены, и толь искренніе други были, что свои бѣдствія предавъ забвенію, чужія оплакивали.

О Римъ, неимѣющій ни слѣдовъ Рима! о время употребленное во зло! о жизнь беззаконно нами проведенная! о лѣность чуждая всякаго попеченія! Толико ли нынѣ мысли отъ добра испразднилися, и толико ли сердца во злѣ погрузилися, что человѣки забыли свое состояніе, и сдѣлались хуждшими дикихъ звѣрей? Я стараюсь о приключеніи тебѣ смерти, а ты помышляешь о похищеніи у меня жизни; я смѣюсь, видя тебя плачущаго, а ты плачешь, видя меня смѣющагося; я усиливаюсь, чтобъ ты не всталъ, а ты крушишся, что я не падаю. Словомъ: мы безъ всякой пользы идемъ себя погубить, и безъ всякой надежды корысти на погубленіе свое руки поднимать не сомнѣваемся.

Повѣрь мнѣ, Лавинія, ежели бы такъ нещастію твоему пособить состояло въ моей власти, какъ печаль твоя водружена въ моемъ сердцѣ; ни мнѣ плачь твой столь прискорбенъ, ни тебѣ лишенной мужа уединеніе огорчительно не было бы. Но увы! хотя сердце и есть, которое то чувствуетъ; однако нѣтъ силъ, которыя бы могли пособить.

ГЛАВА

ГЛАВА 41.

Маркъ Аврелій продолжая письмо, совѣтуетъ вдовамъ подражать и покаряться волѣ Божіей, и при томъ увѣщаваетъ ихъ, быть цѣломудренными.

Когда же я ни тебѣ помочь, ни своего желанія удовлетворить не могу, поелику не состоитъ въ нашей власти мертваго изъ гроба воскресить, или по крайней мѣрѣ съ нимъ бесѣдовать; то должно обоимъ намъ все дѣло предать волѣ боговъ, которые лучше раздѣлять, нежели мы избирать, умѣютъ. И для того наиприлѣжнѣйше тебя, любезная Лавинія, прошу, и какъ другъ увѣщаваю; искренно тебѣ совѣтую, и всѣмъ сердцемъ склоняю; принимай заблаго то, что боги учинили, и сображаясь волѣ ихъ, не желай инаго, кромѣ того, чего они желаютъ: ибо они знаютъ, да еще и безъ всякой опасности погрѣшенія, для чего у тебя толь безвременною смертію мужа отняли, а тебѣ его женѣ толь многолѣтную жизнь продолжаютъ. Поелику боги и премудрость, и силу, и власть безпредѣльную имѣютъ; то кто тайныхъ судебъ ихъ дерзнетъ быть судіею? Наисовершеннѣйше знаютъ боги, кто ихъ или почитаетъ, или оскорбляетъ; кто любитъ, или презираетъ; кто хвалитъ, или поноситъ; наконецъ, кто благодаренъ или неблагодаренъ бываетъ. Да еще ежечасно пріятнѣйшія богамъ служенія бываютъ тѣхъ, кои во гробахъ

заключены обитаютЪ; нежели кои вЪ градскихЪ храмахЪ имЪ жертвуютЪ и покланяются.

Теперь, ежели хочешь сдѣлать расчетЪ, осмотрись и подумай, что оставлены тебѣ отЪ боговЪ дѣти, дабы ты утѣшеніемЪ ихЪ наслаждалася; оставлены богатства, дабы ты ими убожество свое снабдѣвала; оставлены други, дабы они покровительствомЪ своимЪ тебя защищали; оставлены родители, дабы ты достоинствомЪ ихЪ пользовалась; оставлена честь, дабы ты оною веселилася; оставлено здравіе, дабы ты безболѣзненно жизнь провождала. СловомЪ, толь малое есть, что боги у насЪ отнимаютЪ, вЪ разсужденіи премногаго, что намЪ оставляютЪ.

Инако сЪ человѣками, и инако сЪ богами поступать должно. На человѣковЪ иногда самая вещь требуетЪ косо и сурово смотрѣть, дабы они смирилися; а предЪ богами неоспоримая справедливость повелѣваетЪ сЪ глубочайшимЪ раболѣпствіемЪ и уничиженіемЪ себя повергать, дабы благоволеніе ихЪ кЪ себѣ привлечь. Понеже удобнѣе, естьли не обманываетЪ насЪ АполлоновЪ ОракулЪ, умилостивляются боги искреннимЪ смиреніемЪ, сЪ которымЪ ихЪ почитаютЪ; нежели великолѣпными жертвами, которыя имЪ приносятЪ. Когда же ты, Лавинія, вдова, и при томЪ разумная и добродѣтельная жена; то моли боговЪ, дабы они дѣтей твоихЪ сохраняли, и честь твою защищали, дабы други тебя не оставили, и богатства твои не расточилися,

ся, дабы ты нерушимымъ здравіемъ наслаждалася, и паче всего ихъ всегда милосердными къ себѣ имѣла: ибо симъ способомъ не столько ты чрезъ всю жизнь или пріобрѣсть или потерять возможешь, сколько боги въ одинъ часъ тебѣ дать, или отнять могутъ.

Ахъ, естьли бы разумѣла вдова, сколь мало она между человѣками пріобрѣтаетъ, и сколь много у боговъ теряетъ, когда въ нещастіи терпѣнія не имѣетъ! Ибо излишняя нетерпѣливость часто боговъ на гнѣвъ побуждаетъ. Искусство научаетъ, что нѣкоторыя въ человѣческихъ тѣлахъ болѣзни, коихъ произносимыми къ намъ словами уврачевать было не можно, прикладываемыми къ поврежденной части травами исцѣляются; другія же напротивъ того болѣзни исцѣляются не лѣкарствами, но только одними словами и утѣшеніями. Сравненіе сіе туда относится, дабы показать, что тѣ, кои болѣзнію отягощены лежатъ, и бурями помышленій волнуются, иногда больше отрады изъ единаго оказаннаго себѣ благодѣянія, нежели изъ многихъ въ уши ихъ входящихъ словъ получаютъ; а иногда страждущіе печалію сердце больше единымъ произнесеннымъ отъ друга словомъ, нежели всѣми отъ всѣхъ оказываемыми услугами увеселяются.

Но увы! я ни сего, ни другаго сдѣлать не могу: ибо взирая на твое превосходство и мою слабость, толь неспособнымъ себя признаю, что ни къ утѣшенію знанія, ни къ вспомоществованію достатка не имѣю Одна-

ко довольно есть соболѣзнованія, ежели оно заключаетъ въ себѣ какую нибудь важность. Но не буду я платить бумагою и чернилами, что могу исполнить самимъ дѣломъ: ибо кто только одними словами утѣшаетъ, когда самимъ дѣломъ можетъ пособить, тотъ ясно показываетъ, что онъ какъ прежде былъ притворной другъ, такъ и послѣ за вѣрнаго друга почесться не долженъ. Я не стану подражать употребляемому отъ Римлянъ къ овдовѣвшимъ гражданкамъ обыкновенію, сирѣчь, что они по смерти мужа часто вдову посѣщаютъ, ко вдовѣ пишутъ, вдовѣ прислуживаютъ, вдову всѣ утѣшаютъ, со вдовою купно всѣ плачутъ; но вскорѣ по прошествіи не многихъ дней, когда бѣдная вдова малой защиты въ Сенатѣ проситъ, отъ сдѣланія оной такъ всѣ убѣгаютъ, аки бы никогда мужа ея не знали, или съ самою никогда никакого обращенія не имѣли.

А поелику нѣтъ ничего нѣжнѣе славы Римскихъ вдовицъ (по тому что отъ цѣломудрія или своевольства вдовъ, и достоинство фамиліи, и честь дѣтей, и память умершихъ зависитъ); то справедливо предписывается разумнымъ людямъ, дабы они ко вдовамъ въ словахъ скупыми, а въ благодѣяніяхъ щедрыми были: ибо какая польза вдовамъ письменными обѣщаніями и посулами сундуки, и ласкательными словами уши наполненныя имѣть? Ты же, естьли доселѣ меня за своего одноземца, и мужняго родственника имѣла; то прошу имѣть меня и впредь за мужа въ

люб-

любви, за отца въ совѣтѣ, за брата въ услугахъ, и за ходатая въ Сенатѣ; которыя должности совершенно исполняемы будутъ, и ты, безъ сомнѣнія уповаю, скажешь, что все тобою потерянное во многихъ, нашла въ единомъ М. Авреліи.

И я вѣдаю, и ты сама довольно знаешь, что когда печаль сердца одолѣетъ, смущаются помышленія, колеблется память, дрожатъ члены, лежитъ низверженной смыслъ, и убѣгаетъ разумъ. Поелику нынѣ грусть и печаль, какъ будто жилище, въ домѣ твоемъ основали; боги меня да оставятъ, ежели я тебя оставлю! боги меня да предадутъ забвенію, ежели я тебя забвенію предамъ! Развѣ что какъ умершій Клавдинъ даже до послѣдняго издыханія весь мой былъ, такъ Маркъ Аврелій, доколѣ жизнь его продолжится, весь твой будетъ! Когда же я толико тебѣ доброжелательствую, и ты столько на меня полагаешся; когда ты въ сѣтованіяхъ погружаешся, и мой духъ бремя попеченій угнѣтаетъ: то пускай тебѣ, Лавинія, будетъ вольно мною неиначе, какъ бы я твой былъ, повелѣвать; а мнѣ свободно, тебя просить, и о томъ, что до тебя и твоей чести касается, увѣщавать: ибо иногда вдовѣ не меньше здравой совѣтъ, какъ и посредственное вспоможеніе, потребны бываютъ.

Чего ради усердно тебя прошу, не подражай глупостямъ Римскихъ вдовъ, кои обыкновенно запираютъ двери, разрываютъ головные уборы, терзаютъ одежды, мараютъ лице,

це, вкушаютъ пищу наелинѣ, плачутъ подлѣ гробовъ, остригаютъ служанокъ, собираютъ капельную воду, шатаются на распутіяхъ ночью, посыпаютъ гробы жолудями, отгрызаютъ ногти зубами, и мажутъ шѣи ёжовою кровію: ибо сихъ и тому подобныхъ сумазбродствъ госпожеской важности, не токмо дѣлать, но ниже смотрѣть или знать не прилично. Когда же нѣтъ ничего неумѣреннаго, которое бы не было крайне порочно: то знай, естьли не вѣдаешь, Лавинія, что вдовы, кои не умѣютъ плачу и сѣтованію полагать мѣры, себя изнуряютъ; а другамъ досаду дѣлаютъ, боговъ оскорбляютъ, своихъ опечаляютъ; кратко сказать, и мертвымъ никакой пользы не приносятъ, и недоброхотамъ къ предосужденію поводъ даютъ.

И для того я совѣтовалъ бы госпожамъ и прочимъ вдовамъ такое одѣяніе употреблять, и такое состояніе наблюдать, какое чрезъ всю жизнь содержать опредѣлили въ тотъ день, когда боги мужей ихъ изъ сея жизни преселили. Ибо какая польза, что вдова одинъ мѣсяцъ въ домѣ своемъ запершись скрывается, и прежде прошествія года по всѣмъ городскимъ улицамъ шатается? Какая польза, что она нѣсколько дней отъ свиданія родителей и друговъ убѣгаетъ, и потомъ на театрѣ и публичныхъ играхъ и позорищахъ первая бываетъ? Какая польза, что вдовы съ начала вдовства гнусно ходятъ, и вскорѣ потомъ убранствомъ одѣянія съ запиржными женами перевѣдываются? Какая польза, что

вдо-

вдовы нѣсколько дней двери запираютъ, ежели вскорѣ отъ множайшихъ домы ихъ, нежели другихъ, посѣщаются? Какая польза, что вдовы по причинѣ смерти мужей изобильно и безмѣрно плачутъ, когда послѣ гораздо изобильнѣе въ своихъ увеселенiяхъ смѣются? Истинно, мало пользы, когда жена по умершемъ мужѣ жесточайшiй плачь и печаль оказываетъ наружно; естьли ужѐ другаго мужа себѣ сыскала тайно. Ибо вдова любящая добродѣтель и честность тотчасъ изъ самаго одеждъ, кои надѣваетъ, убранства показывается.

Скажу я тебѣ, Лавинiя, исторiю приключившуюся въ Римѣ, дабы ты не думала, что я говорю басни. Была въ Римѣ женщина первая знаменитаго М. Маркелла супруга, именемъ Фулвiя, которая когда мужа своего на Марсовомъ полѣ погребаемаго увидя, отъ великой печали лице себѣ царапала, волосы рвала, всю одежду терзала, бездушная на землю падала, и два Сенатора за рамена ее, чтобъ хуждшаго чего нибудь себѣ не сдѣлала, держали; то Кн. Флавiй сказалъ: Пустите руки Фулвiи; она хочетъ весь плачь вдовства въ одинъ день вдругъ отправить. Истинно я не знаю, Оракулаль Флавiй совѣтовался, или самъ пророкъ былъ; но то заподлинно знаю, что конецъ словамъ его соотвѣтствовалъ.

А поелику Фулвiя была толь знаменитаго мужа М. Маркелла супруга; то не желалъ бы я и говорить о такомъ неблагопристой-

номЪ дѣлѣ, которое она учинила: сирѣчь, вЪ самое то время, какЪ кости М. Маркелла сожигались, сЪ другимЪ мужемЪ условилась; да еще одинЪ изЪ тѣхЪ СенаторовЪ, кои за плеча ее держали, тамЪ же далЪ и принялЪ руку вЪ вѣрность брачнаго сЪ нею союза: которая толь срамная вещь по достоинству отЪ всѣхЪ была осуждаема, для того что всѣмЪ онаго вѣка замужнимЪ женамЪ порокЪ нанесла, и ни единой вдовѣ никогда не вѣрить причину подала.

Хотя же я говорю сіе не для того, будтобы думалЪ, что и ты, Лавинія, тоже станешь дѣлать; чего, по истиннѣ, ни мысль моя не подозрѣваетЪ, ни толь знаменитой госпожи достоинство не дозволяетЪ. Ибо ты сама понесла бы порокЪ, и на одного меня простерлось бы поношеніе: однако наиприлѣжнѣйше тебѣ цѣломудріе, Римской госпожѣ приличное, и скромность, какова отЪ толь благородной и знаменитой вдовы требуется, наблюдать совѣтую. Ибо ежели тебя мертвыхЪ, коихЪ ты оплакиваешь, отсутствіе сокрушать станетЪ; напротивЪ того доброе, которымЪ между живыми наслаждаться имѣешь, о тебѣ мнѣніе утѣшать будетЪ. Теперь ничего болѣе не скажу, кромѣ что должно тебѣ всѣми силами стараться, дабы слава твоя такая была между присутствующими, и такЪ о тебѣ говорили отсутствующіе, чтобЪ ты и беззаконнымЪ уста обуздавЪ заградила, и добродѣтельныхЪ ко услугамЪ своимЪ поощрила: понеже безславной женѣ живой надлежалобЪ быть погребенной. Не-

Не остается болѣе ничего писать, какъ для того, что опасно письмамъ нѣсколько важныя дѣла ввѣрять; такъ и по тому, что духъ твой къ слушанію новостей нынѣ свободы не имѣетъ. Однако не могу того утаить, что мы други и родители твои отъ Сената испросили пожалованіе сына твоего тѣмъ чиномъ и должностію, какову мужъ твой отправлялъ въ Византіи: которое оказанное тебѣ благодѣяніе за велико почитай, и еще за большее сочти то, что о тебѣ всѣ сказали; сирѣчь, что хотя мужъ твой Клавдинъ не былъ гражданиномъ Римскимъ; однако не точію сіе, но и вящшее онаго за единую твою славу тебѣ награжденіе сдѣлать надлежало.

Кланяется тебѣ супруга моя Фавстина, о которой справедливо подтвердить могу, что никогда толикаго множества слезъ не пролила, какъ по причинѣ твоего нещастія; по елику ей и твоя утрата, которая есть наивящшая, и моя печаль, которая была не малая, оскорбленіе причиняли. Посылаю тебѣ готовыхъ денегъ четыре тысячи червонныхъ, которые тебѣ, какъ на нужныя иждивенія, такъ и на расплату долговъ, уповательно, понадобятся; ибо Римскія вдовы большее число требователей заплаты долговъ, или позывателей въ судъ, нежели оставленныхъ отъ мужей богатствъ имѣютъ. Боги, кои Клавдину мужу твоему даровали покой, да даруютъ и тебѣ его женѣ утѣшеніе. Маркъ, рожденный на горѣ Целіи, писалъ собственною рукою.

ГЛАВА 42.

Великіе Монархи и Князи должны быть презрителями мірскихъ вещей; понеже все, что ни имѣется въ свѣтѣ, есть пресущественной обманъ.

Платонъ, Аристотель, Пиѳагоръ, Емпедоклъ, Демокритъ, Селевкъ, Епикуръ, Діогенъ, Ѳалетъ и Метродоръ толикія между собою ссоры и распри въ описаніи и изображеніи свѣта, и его начала и свойства имѣли, что каждой защищая свое мнѣніе, не легче между собою перомъ, какъ непріятели мечемъ ополчались. Пиѳагоръ говорилъ, что иное есть свѣтъ, и иное всецѣлость; Ѳалетъ, что одинъ только свѣтъ; а Метродоръ Астрологъ, что безконечные суть міры, спорили. Діогена свѣтъ безконечнымъ утверждающаго Селевкъ опровергнулъ, признавая его ограниченнымъ. Аристотель (книги перьвой о небѣ въ 10 главѣ) разсуждалъ свѣтъ быть вѣчнымъ; напротивъ чего Платонъ (въ Тимеѣ) явственно и безъ закрытія сказалъ, что свѣтъ начало имѣлъ; а конца имѣть не будетъ. Епикуръ говорилъ, что свѣтъ есть круглой на подобіе мяча; а Емпедоклъ приписалъ ему видъ не шара, но яица. Хилонъ на горѣ Олимпѣ имѣя словопрѣніе сказалъ: Свѣтъ подобенъ человѣкамъ; сирѣчь, одаренъ чувствительною и разумною душею, изъ которыхъ обое Аристотель опровергаетъ. Сократъ въ Академіи своей училъ, и писаніями подтвердилъ, что послѣ

слѣ тритцати семи тысячь лѣтъ, все тоже опять будетъ, что было; сирѣчь, что онъ опять и родиться, и учиться, и учить будетъ, и Діонисій паки будетъ тиранномъ Сицилійскимъ, и Іулій Кесарь будетъ господствовать въ Римѣ, и Аннибалъ будетъ покорять Италію, и Сципіонъ будетъ разорять Кареагенъ, и Александръ будетъ воевать противъ Дарія; также и прочее, что дѣлалось прежде, опять будетъ дѣлаться.

Въ сихъ и другихъ толь суетныхъ испытаніяхъ и примѣчаніяхъ упражняясь древніе Философы, многія лѣта провели, безчисленныя книги начертали, разумы свои изнурили, премного времени иждили, многія царства прошли, безконечные труды понесли; но мало напослѣдокъ справедливаго нашли, и премного посмѣятельнаго и непристойнаго написали: ибо самая малѣйшая часть изъ того, чего они не знали, были больше, всѣхъ вещей, кои знали.

Я взявъ перо, писать о суетѣ міра не имѣлъ намѣренія, поносить или изображать сей вещественный міръ, изъ четырехъ стихій состоящій; то есть, земли, которая есть холодная и сухая; воды, которая есть мокрая и холодная; воздуха, которой есть теплой и влажной; и огня, который есть сухой и теплой: ибо мы въ такомъ разумѣ принимая свѣтъ, ни за что на него жаловаться не имѣемъ; поелику безъ него сей тѣлесной жизни провождать не можемъ.

Когда Творецъ міра въ сей міръ пришелъ; то ежечасно міръ обвинялъ и поносилъ. Однако невѣроятно, чтобъ онъ поносилъ

силЪ воду, которая стопамЪ его себя подвергала; или вѣтрЪ, который на морѣ дышать пересталЪ; или землю, которая во время смерти его трепетала; или свѣтЪ, который померкЪ; или камни, которые распалися; или рыбы, кои вЪ ловитву себя дали; или дерева, кои по повелѣнію его изсохли; или гробы, кои отверзлись. Ибо созданіе познало вЪ Создателѣ всемогущество, и взаимно Создатель нашелЪ вЪ созданіи послушаніе.

ВпрочемЪ нѣтЪ ничего употребительнѣе и обыкновеннѣе сихЪ жалобЪ вЪ общежитіи: О нещастной свѣтЪ! о бѣдной свѣтЪ! о коварной свѣтЪ! Ибо ни мы жаловаться на него конца не дѣлаемЪ, ни онЪ обманывать насЪ никогда не престаетЪ. Но можетЪ ли хотя одинЪ изЪ жалующихся на свѣтЪ изъяснить, кто есть тотЪ, на кого онЪ жалуется? Чего ради должно намЪ познать, кто есть мірЪ оный, откуду есть, гдѣ есть, изЪ чего состоитЪ, и кто его господинЪ; понеже все вЪ немЪ есть печальное, непостоянное, бѣдственное, обманчивое и вредительное; чего о семЪ вещественномЪ мірѣ разумѣть не можно, поелику вЪ огнѣ, водѣ, землѣ, воздухѣ, свѣтѣ, планетахЪ, камняхЪ и деревахЪ, нѣтЪ ни печали, ни бѣдствія, ни обмана, ни злобы.

СвѣтЪ, вЪ которомЪ мы раждаемся, живемЪ и умираемЪ, премного разнствуетЪ отЪ того свѣта, на котораго жалуемся, противЪ котораго ополчаемся, котораго остерегаемся, и вЪ которомЪ сЪ подозрѣніемЪ и опасностію всегда жизнь провождаемЪ; поелику онЪ ни на

одинЪ

одинъ часъ не даетъ намъ покоя. А дабы изъяснить самую вещь; сей зловредной свѣтъ ничто иное есть, какъ злая обитателей его жизнь; гдѣ вмѣсто земли есть сребролюбіе и скупость, вмѣсто огня похотѣніе, вмѣсто воды непостоянство, вмѣсто воздуха легкомысліе и глупость, вмѣсто камней спесь и гордость, вмѣсто цвѣтовъ забавы и увеселенія, вмѣсто высокихъ деревъ помышленія, и вмѣсто глубокаго моря сердце: на что много говорить? Словомъ, свѣта сего солнце есть щастіе и благоденствіе; а луна безперерывная и всегдашняя перемѣнчивость.

Ежели сравнимъ между собою досады, которыя намъ стихіи наносятъ, и которыя мы посреди пороковъ претерпѣваемъ; то по истиннѣ найдемъ, что малая есть та опасность, которая на землѣ и на морѣ угрожаетъ, въ разсужденіи той, которую злая жизнь намъ приключаетъ. Не въ жесточайшей ли опасности обращаются тѣ, кои на одинъ только аршинъ въ пучину гордости погрязаетъ, нежели которые съ превысокаго каменнаго холма упадаютъ? Не жесточайшей ли опасности подверженъ бываетъ тотъ, который завистію и злобою искушается, нежели у коего мозгъ камнемъ повреждается? Не бѣдственнѣель живутъ человѣки между пороками, роскошами и сластолюбіями, нежели между дикими и свирѣпыми звѣрьми и скотами? Не жесточаель страждутъ тѣ, кои жаромъ сребролюбія пылаютъ, нежели тѣ, кои подлѣ огнедышущей горы Етны обитаютъ? Для чего

го много говорить? По истиннѣ жесточае страждутъ тѣ, кои высокопарными помышленіями прельщаются, нежели превысокія дерева, на коихъ бурные вѣтры устремляются.

Сей то, сей есть свѣтъ, смертельный нашъ непріятель, обманчивый и вѣроломный другъ, который непрестанно насъ трудомъ изнуряетъ, и спокойствіе наше возмущаетъ, который насъ сокровища нашего лишаетъ, который добродѣтельнымъ страшной, и беззаконнымъ любезной видъ кажетъ, который въ расточеніи чужаго добра весьма щедро, и въ дяніи собственнаго весьма скупо поступаетъ, который есть всѣхъ пороковъ изобрѣтатель, и всѣхъ добродѣтелей лютый мучитель, который своихъ ласкательствами и обманами питаетъ, а чужихъ роскошьми и увеселеніями къ себѣ привлекаетъ, который у мертвыхъ славу похищаетъ, а у живыхъ честь и жизнь ограбляетъ. Наконецъ, сей то есть злоковарной свѣтъ, который со всѣми расчетъ дѣлаетъ, и отъ котораго отчету требовать никто не смѣетъ. О суета суетствій, гдѣ все запахъ, звонъ и вкусъ суеты имѣетъ, гдѣ все суета кажется! Что я говорю, кажется? но самою вещію суета есть. Понеже тотъ равно привязалъ бы себя къ винѣ ложнаго свидѣтельства, который бы какую нибудь вещь въ семъ свѣтѣ твердою, постоянною и истинною призналъ; какъ и тотъ, который бы что нибудь на небесахъ непостояннымъ, вреднымъ и обманчивымъ быти утверждалъ.

А дабы усмотрѣли Государи, сколь тщетны суть ихъ труды, и сколь суетны ихъ помышленія; то приведемъ мы въ примѣръ Государя, который воспоминаетъ, что онъ въ суетахъ сего свѣта искусствомъ позналъ, дабы тѣ, кои писанію моему вѣрить не восхотятъ, повѣрили тому, который самъ собственнымъ опытомъ искусилъ. И такъ сіи суть Соломоновы слова въ Екклезіастѣ; сіе сказалъ премудрый Соломонъ, о свѣтскихъ вещахъ говоря, который, что словами изобразилъ, то самъ и опытомъ извѣдалъ. Естьли же мы толь превосходному ученію, какъ и въ самомъ дѣлѣ должно, вѣримъ: то я не вижу, чтобы сверьхъ того здѣсь прибавить могъ; когда онъ о себѣ подтверждаетъ, что по отвѣданіи, владѣніи и употребленіи всего, нашелъ, что все, чего мы въ семъ свѣтѣ ни ищемъ, и все, что ни имѣемъ, есть суета.

Чего ради васъ, державные Монархи и Князи, прошу, и именемъ Христовымъ заклинаю, съ крайнею осторожностію въ сіе глубокое море вступать: ибо путь его есть обманчивая стезя, которая всѣхъ въ заблужденіе ведетъ; и кто на путь его ни взойдетъ, въ самое то время, когда о безопаснѣйшемъ своемъ шествіи помышляетъ, на срединѣ пути потknется и падетъ. Нѣтъ причины никому съ свѣтомъ о семъ спорить, что онъ желаетъ жить въ его домѣ: ибо онъ всѣмъ любителямъ своимъ денно и нощно отверстыя врата имѣетъ, прямой и безопасной входъ дѣ-

дѣлая. Но, горе, бѣдные мы, ежели туда входимъ! а еще гораздо бѣднѣйшіе тѣ, кои пороками его себя обременяютъ, и ласково отъ него принимаемы бываютъ! Ибо однножды ко входу давши себя въ обманъ, хотя о томъ, что вошли, не жалѣемъ; однако ни съ одной стороны безопаснаго выходу не обрѣтаемъ, развѣ довольную заплатя гостиннику за постой цѣну.

Кто воспротиворѣчитъ, что человѣки любящіе свѣта, ежеминутно не обманываются, когда глазами на свѣтъ нерадиво взираютъ, а сердцемъ искренно его любятъ? Понеже естьли бы они съ толикимъ прилѣжаніемъ и вниманіемъ его разсматривали, съ коликимъ легкомысліемъ на него взираютъ, и за нимъ гоняются; полуденнаго свѣта яснѣйшую истинну нашли бы, что свѣтъ никогда никого щастіемъ не ласкаетъ, чтобы не угрожалъ нещастіемъ; равномѣрно какъ въ тавлейной игрѣ подъ самымъ великимъ числомъ, наименьшее, то есть единица, скрывается.

И для того совѣтую державнымъ Монархамъ и Князьямъ, дабы ни свѣту, ни его утѣхамъ и роскошамъ не вѣрили; наименьше же всего вѣрили самимъ себѣ и тщетнымъ своимъ помышленіямъ; поелику они часто думаютъ, что послѣ попеченій и собранія великихъ сокровищъ, будутъ вкушать плоды своего труда, безъ всякой отъ кого либо досады, или препятствія. О сколь суетное помышленіе! и сколь противной конецъ бываетъ! Ибо толикое есть коварство свѣта, что

когда

когда намъ, купно съ тѣми вещьми, кои мы собрали, перьвымъ сномъ спокойно наслаждаться попускаетъ; напротивъ того предъ самымъ разсвѣтомъ, а временемъ едва по прошествіи и полунощнаго бдѣнія новыми попеченіями насъ возбуждаетъ, и новаго уже тому, что имѣемъ, господина сыскиваетъ.

ГЛАВА 43.

Авторъ продолжая намѣреніе, жесточайше устремляется на коварства и прелести свѣта.

Славнѣйшій Философъ Плутархъ, Траяну Императору, коего учителемъ былъ, на вопросъ: Для чего почти всегда больше людей злыхъ, нежели добрыхъ; и для чего безконечно множайшіе суть послѣдователи пороковъ, нежели любители добродѣтелей? отвѣтствовалъ: Человѣческой нравъ отъ природы склоннѣе къ своевольству и лѣности, нежели къ цѣломудрію и воздержанію. Такихъ, кои бы къ слѣдованію за добродѣтелями довольно имѣли мужества и крѣпости духа, весьма мало; а кои необузданно за пороками стремятся, тѣхъ очень много. Причинажъ сего зла, пресвѣтлѣйшій Государь, есть не иная, какъ та, что народъ народу, а не разумъ разуму слѣдуютъ.

Хотя природа наша слаба и бѣдна; однако не можемъ мы оспорить, чтобъ противъ всѣхъ досадъ не обрѣтали въ ней сколько вспоможенія. Ежели солнце зноемъ насъ па-

литъ: мы подъ тѣнь подходимъ; ежели трудно пѣшкомъ итти: мы на лошадяхъ ѣдемъ; ежели черезъ море переплывать должно: мы на корабль восходимъ; ежели стужа изнуряетъ: мы къ огню приступаемъ; ежели жажда утомляетъ: мы питьемъ оную прохлаждаемъ; ежели дожди мочатъ: мы подъ храминами и кровлями скрываемся; ежели какое мѣсто моровая язва заражаетъ: мы въ другое преселяемся; ежели враговъ имѣемъ: то помощи друговъ употребляемъ. Словомъ, нѣтъ ни единой печали и ни единаго труда, которымъ бы не изобрѣтено было врачеваніе и облегченіе.

Ежелижъ сіе такъ есть; то вопрошаю нынѣ всѣхъ любителей свѣтскихъ, нашлиль они противъ трудовъ и прелестей свѣта какую помощь? Ежели я не обманываюсь, и не вовсе знанія о свойствѣ сего свѣта лишаюсь; то по истиннѣ облегчительные способы трудовъ, кои свѣтъ подаетъ, и самыхъ трудовъ суть труднѣе, на подобіе раскаленныхъ щипцовъ, кои ранъ не исцѣляютъ, но сожженное тѣло оставляютъ. Когда болѣзни не вовсе заматорѣлы, жестоки и опасны бываютъ; то иногда болящіе лучше желаютъ легкую лихорадку сносить, нежели для истребленія ея похлебки, или проносныя лѣкарства употреблять. Но свѣтъ есть толь обманчивой и коварной, что со всѣмъ противное сему дѣлаетъ. Ибо ежели совѣтуетъ намъ отмщать какое безчестіе; дѣлаетъ сіе для того, дабы мы во отмщеніи онаго, другихъ тысячу без-

честій

честій получили; и когда объ отложеніи единаго волеченія старатися будемъ, безконечныя пріумножились; такимъ образомъ сей вѣроломный вождъ насъ помышляющихъ, что ведетъ безопасною землею, когда ниже мало не думаемъ, въ ловитву ввергаетъ.

Монархи и Князи помышленія, кои имѣютъ, и слова, кои говорятъ, дорого оцѣняютъ; а дѣла, кои совершаютъ, и должности, кои отправляютъ, дешево ставятъ. Но свѣтъ вовсе противное сему дѣлаетъ. Онъ ко всѣмъ тѣмъ, съ которыми обхожденіе имѣетъ, во обѣщаніяхъ и ласкательствахъ весьма кротокъ; въ продажахъ же и купляхъ, кои производитъ, весьма гордъ и обманчивъ: понеже, естьли правду сказать, свѣтъ дорого намъ стоитъ; а мы напротивъ того очень дешево сами себя ему продаемъ. Излишнее я сказалъ, что мы дешево себя продаемъ; справедливѣежъ сказалибъ мы, что даромъ себя ему отдаемъ: ибо весьма рѣдкіе отъ свѣта награжденіе получаютъ; но безчисленные за тщетную и суетную надежду ему служатъ.

Чего ради увѣщаваю и прошу васъ, державные Монархи и Князи, ни словамъ, ни обѣщаніямъ сего свѣта не вѣрить; хотя бы онъ весьма свято, цѣло и ненарушимо условія и договоры наблюдать клялся: ибо хотя онъ вскорѣ великою честію васъ превозноситъ, многими утѣхами и роскошьми обогащаетъ, часто посѣщаетъ, много вамъ сулитъ, и много въ даръ приноситъ; однако дѣлаетъ сіе для того, чтобы помѣлочно данное, послѣ

однимъ днемъ вдругъ похититъ. Понеже свѣтъ издревле имѣетъ сей обычай, что коихъ между первыми возвысилъ, тѣхъ между послѣдними оставляетъ.

Какую мы въ свѣтѣ и его роскошахъ, увеселеніяхъ и ласкательствахъ можемъ полагать надежду, когда помышляемъ, что будетъ нѣкогда день, въ которой мы всего того лишимся? Чтожъ еще остается говорить? Сей древній льстецъ, умѣющій и съ сими и съ другими коварно и хитро поступать, въ тѣхъ, кои лѣтами ужѐ изобилуютъ, и въ которыхъ порокамъ ужѐ умалиться надлежалобъ, больше, нежели въ другихъ, огнь разжигаетъ, дабы потолику свирѣпѣе угасшія ихъ головни горѣли. Такимъ сирѣчь образомъ лукавой свѣтъ въ богатыхъ новую жадность всѣваетъ, и въ состарѣвшихся жестокое сребролюбіе и скупость раждаетъ, и по истиннѣ во́все въ непристойное время.

Хотя же достойно соболѣзновать, что свѣтъ насъ обманываетъ; однако больше должно стыдиться, что мы обманутыми себя не признае́мъ. Ибо когда разсуждаемъ, что мы свободны, въ тайной стражѣ содержимся; когда помышляемъ, что мы здоровы, во́все отчаянны бываемъ; когда мечтаемъ, что много у насъ избытковъ имѣется, всего нужнаго у насъ нѣтъ; когда на многія лѣта безопасную жизнь себѣ обѣщаемъ, смерть тайно на погубленіе наше коварства устроеваетъ; когда мудрыми себя почитаемъ, въ темницу какъ безумные заключаемся; когда думаемъ,

емъ, что мы богатства умножаемъ, не токмо богатство, но и совѣсть утрачаемъ. Словомъ: которымъ путемъ вѣчной славы и жизни ищемъ, тѣмъ самимъ и жизнь и честь, безъ всякой надежды возвращенія погубляемъ.

О коварный свѣтъ! чрезъ сколько краткое разстояніе времени ты насъ и пріемлешь и выгоняешь! какъ ты насъ привлекаешь и отметаешь! веселишь и опечаляешь! удовлетворяешь и досаждаешь! превозносишь и низвергаешь! наказуешь и ласкаешь! наконецъ, такъ ты насъ обезумилъ, и приворотными своими питіями помрачилъ, что мы безъ тебя съ тобою пребываемъ, и имѣя внутрь храминъ своихъ татя, искать его вонъ выходимъ. Хотя великая есть человѣковъ въ тѣлодвиженіяхъ и поступкахъ разность; однако гораздо вящшее есть въ прихотѣніяхъ и желаніяхъ различие и несогласіе. Напротивъ чего свѣтъ столь многихъ вѣковъ искусствомъ будучи наученъ, для каждаго рода человѣковъ, все, на уловленіе и плѣненіе ихъ, въ готовности имѣетъ; понеже славолюбивому показываетъ чести, сребролюбивому предлагаетъ богатства, прожорливому доставляетъ трапезы, похотливому промышляетъ женъ, лѣнивому позволяетъ праздники; и сіе на тотъ конецъ дѣлаетъ, дабы сперьва прикормивъ ихъ на подобіе рыбъ, послѣ запутать и уловить сѣтьми пороковъ.

Примѣчайте сіе, великіе Государи, примѣчайте державные и сильные Князи, что хотябы какой Государь всего свѣта былъ Монар-

нархомъ, однако власть свою ни за волосокъ считать не долженъ, ежели самъ добродѣтели не имѣетъ. Ибо очень мало пользы кому либо быть господиномъ и властителемъ порочныхъ человѣковъ, ежели самъ есть рабъ и невольникъ пороковъ. Хотя же многiе говорятъ, что свѣтъ ихъ обманываетъ, и многiе сказываютъ, что отъ власти и господствованiя свѣта избавить себя не могутъ; однако можно имъ отвѣтствовать слѣдующее: Ежели бы мы при перьвыхъ искушенiяхъ свѣту противиться хотѣли; статься не льзя, чтобъ онъ толикократно на насъ нападать отважился: понеже лѣностiю сопротивленiя его укрѣпляется его дерзость и упорство.

Я не знаю, утаить ли, или молчанiемъ покрыть, или объявить то, о чемъ говорить имѣю; поелику отъ единаго помышленiя объ ономъ, толикою печалiю духъ мой терзается, что я больше къ пролитiю слезъ склонные глаза, нежели къ писанiю способные персты вижу. Прискорбно зрѣнiю, что всѣ человѣки даже и на перстной щелчокъ такъ послушны суть свѣту, какъ будто бы никакого на небесахъ Бога не имѣли, или Христiянами на землѣ быть никогда не обязалися. Ибо чего свѣтъ хочетъ, того хотимъ и мы; за чемъ свѣтъ гоняется, за тѣмъ гоняемся и мы; что свѣтъ избираетъ, то избираемъ и мы; и что огорчительнѣе, ежели мы отъ какого порока воздерживаемся, непредводительствомъ нашего естества сiе дѣлается; но понеже свѣтъ того намъ повелѣть не восхотѣлъ.

Но

Но сіе маловажно есть, ежели съ тѣмъ, о чемъ я говорить намѣреваю, сравнится; сирѣчь, толь нынѣ свѣтъ насъ къ желаніямъ и прихотямъ своимъ склонныхъ и готовыхъ имѣетъ, что всѣхъ настоящія жизни вещей на каждой часъ вкусъ намъ разнообразно перемѣняетъ. Онъ дѣлаетъ, что мы сего дня презираемъ то, что вчера любили; сего года ругаемъ то, что прошедшаго хвалили; нынѣ отметаемъ то, что мало прежде избрали; и новою ненавистію и враждою злобствуемъ на тѣхъ, съ коими древнюю дружбу и пріязнь продолжали. Напослѣдокъ, свѣтъ дѣлаетъ, что мы въ жизни то ненавидимъ, что послѣ въ смерти часто оплакиваемъ.

Ежели бы свѣтъ любителямъ и угодникамъ своимъ давалъ что нибудь совершенное и основательное; то мало бы было нужды, что они усердно ему раболѣпствуютъ. Но поелику всѣ вещи въ свѣтѣ суть не яко на жизнь; но только на употребленіе данное право, которое утренняго дня возвратить должно; то я не могу довольно надивиться безумію того, который чего либо вѣчнаго отъ свѣта ожидаетъ. Ибо всѣ вещи, кои свѣтъ ни даетъ, съ тѣмъ условіемъ даетъ, чтобъ когда онъ востребуетъ, а не тогда, когда они захотятъ, возвратили. Жизнь ли вѣчную намъ свѣтъ дать можетъ? Нѣтъ, не правда: ибо въ самое то время, когда жизнь намъ весьма сладка и пріятна, нечаянно смерть насъ постигаетъ. Временнымиль благими свѣтъ изобильно насъ одарить можетъ? Никакъ:

какъ: ибо никто и никогда не имѣлъ толикихъ богатствъ, чтобъ не больше оныхъ не доставало, нежели въ излишествѣ находилось. Веселіе ль вѣчное свѣтъ намъ дать можетъ? Никакъ: ибо ежели дни, надобные намъ къ плаканію, и часы нужные къ воздыханію выключать; ни единой минуты къ радости и смѣху не останется. Здравіе ль вѣчное свѣтъ дать можетъ? Никакъ: ибо долголѣтные человѣки гораздо множайшія болѣзни, въ коихъ страдали, нежели лѣта, кои жили, считаютъ. Спокойствіе ль и тишину вѣчную свѣтъ намъ дать можетъ? Неправда: ибо, ежели рѣдкіе суть дни, въ кои безъ облаковъ небо усматриваемъ; гораздо рѣже бываютъ часы, въ которые безъ попеченій и печалей сердце видимъ.

Когда же въ безщастномъ свѣтѣ нѣтъ ни покоя, ни здравія, ни богатства, ни веселія, ни житія вѣчнаго; то желалъ бы я узнать, чего отъ свѣта требуютъ свѣтъ любящіе человѣки, разумѣя, что онъ не имѣетъ никакого добра, которое бы имъ далъ? Ибо что онъ ни даетъ, все есть или заемное, или лихоимственное. Ежели заемное: то съ обязательствомъ скораго возвращенія взято; есть ли же лихоимственное: то не ростъ денегъ, но платежъ пороковъ требуется.

О сыны суеты! о художники и строители легкомыслія! когда вы служить и прилѣплятся свѣту опредѣлили; то не ожидайте отъ свѣта ничего, кромѣ вещей свѣтскихъ: ибо нѣтъ въ немъ ничего, кромѣ гордости, зави-

ети, развратности, ненависти, ярости, клеветы, сребролюбiя, и безумiя. Естьли же спросите, имѣетъ ли онъ въ своей власти какую либо вещь добродѣтелiю одаренную? Скажетъ во отвѣтъ, что никогда сего рода товары въ лавкѣ его продаваемы не были. Пусть никто не думаетъ, чтобъ свѣтъ далъ то, чего самъ не имѣетъ. Но ежели когда угодно ему сдѣлать между нами перемѣну нѣкоторой вещи, толь хитрой есть льстецъ и обманщикъ въ продажѣ, и толь искусной и рачительной въ куплѣ, что тѣ вещи, кои отъ насъ взимаетъ, съ прибавкою и излишествомъ бываютъ; а кои намъ даетъ, ни истиннаго вѣсу, ни справедливой мѣры не имѣютъ.

ГЛАВА 44.

Письмо М. Аврелiя Императора къ другу Торквату, коего въ ссылкѣ утѣшаетъ, хотя о причинѣ ссылки и не говоритъ. Сiе письмо есть достопамятное, и служащее къ познанiю суетъ свѣтскихъ.

Маркъ Императоръ Римскiй, Аннiя Веруса брата въ Имперiи товарищъ, гражданину Каетинскому и Дворянину Римскому Торквату, находящемуся въ ссылкѣ, и живущему нынѣ въ Родосѣ, здравiя и спокойствiя духа, и мужественнаго сердца противъ нещастнаго жребiя желаетъ.

Около трехъ мѣсяцевъ прежде сего, въ бытность мою во храмѣ Вестальскихъ дѣвъ, получилъ я отъ тебя такое письмо, что ни

глаза мои читая онаго проходить, ни сердце мое после на оное отвѣтствовать не хотѣли: ибо нещастныя приключенія друговъ, ежели нѣтъ силы имъ помочь, по крайней мѣрѣ оплакивать намъ должно.

Толико меня опечаляетъ твоя печаль, оскорбляетъ скорбь, обезпокоиваетъ грудь, терзаетъ мученіе, что ежели бы боги бѣднымъ смертнымъ печаль свою раздѣлять, равно какъ богатымъ сокровища свои раздавать, власть и волю даровали; то какъ я наибольшій изъ твоихъ друговъ, такъ по истиннѣ и наибольшую бѣдствій и злоключеній твоихъ часть на себя воспріять не отрекся бы. Я довольно знаю и разумѣю, научась самымъ искусствомъ, что сколько имѣется разности между деревомъ и тѣнью, костью и мозгомъ, пшеницею и плевами, золотомъ и пригарью, соннымъ привидѣніемъ и явною истинною; столько находится различія между тѣмъ, слушаетъ ли кто отъ другаго о чужихъ бѣдствіяхъ, или чувствуетъ оныя самъ претерпѣвая. Однако ты, любезный Торкватъ, симъ себя утѣшай, что гдѣ суть истинные други, тамъ и благополучія и злоключенія ихъ суть общія.

Часто я самъ съ собою размышляю, для чего, и на какой конецъ боги бѣдствія и мученія дали человѣкамъ; когда самою вещію въ ихъ состоитъ власти сдѣлать, чтобъ мы безъ оныхъ жили. Но никакой не нахожу причины, для чего намъ нещастія терпѣть и сносить должно, кромѣ чтобъ мы изъ оныхъ,

ко-

которые сутъ истинные други наши, познавали: ибо на сраженіи храбрый мужъ, въ бурѣ искусный кормчій, въ горнилѣ чистое золото, въ бѣдствіи и нещастіи искреній другъ усматривается: понеже не друга званіе исполняетъ тотъ, который меня на смѣхъ возбуждаетъ; но слезы равно со мною проливать долженствуетъ.

Прежде мнѣ возвѣщено, и нынѣ изъ письма твоего мною усмотрѣно, что ты отправленъ изъ Рима въ ссылку, имѣніе твое продано съ публичнаго торгу, и ты отъ единой печали впалъ въ жесточайшую болѣзнь. Я не тому, что ты болѣнъ, но что еще и доселѣ живъ, удивляюсь: ибо, когда духъ не ложно и въ правду сокрушается, въ краткомъ времени тѣло увядаетъ. Подлинно я вижу, что ты плачешь, и разумѣю, что плачешь не безъ причины, поелику изъ города будучи высланъ странствуешь во изгнаніи, поелику утратилъ богатство, поелику лишаешся отечества, и поелику находишся во отсутствіи отъ сродниковъ: однако не должно даже дотолѣ неумѣренной быть печали, чтобъ ты жизнь свою приводилъ въ опасность: ибо тому только ненавидѣть жизнь и вольно и справедливо, который о себѣ воспоминаетъ, что ни богамъ не служилъ, ни человѣкамъ полезенъ не былъ.

Ежели бы мнѣ не препятствовали дѣла Имперіи, и не удерживало помышленіе Кесарскаго достоинства; то съ крайнею охотою я къ тебѣ пріѣхалъ бы, дабы тебя нѣсколько

утѣ-

утѣшить, и очевидно глазамъ твоимъ показать, сколь сердечно я оплакиваю твое нещастіе; но (понеже мнѣ сего сдѣлать не возможно) ежели ты меня считаешь искренимъ другомъ: то повѣрь мнѣ въ томъ, въ чемъ я тебѣ въ подобномъ нещастіи повѣрилъ бы; сирѣчь, какъ никого въ Римѣ крѣпчайшимъ союзомъ дружбы со мною сопряженнаго не имѣлось, такъ ничего и огорчительнѣе сего твоего паденія мнѣ въ жизни не приключилось: ибо какая есть вещь, о которой ты тамъ плачешь, чтобъ я оной здѣсь не оплакивалъ?

Можетъ статься, что ты временемъ смѣешся; а я напротивъ того всегда плачу: что ты иногда веселишся; а я непрестанно печалюсь: что болѣзнь твоя иногда умаляется; а я всегда стону и воздыхаю: что ты иногда грусть отлагаешь; а я ко всѣмъ утѣхамъ глухія уши имѣю: что ты упованіемъ должайшей жизни ободряешся; а я никакого надежнѣйшаго, кромѣ краткой смерти, ко избавленію отъ бѣдъ средства не обрѣтаю. На что много говорить? О чемъ ты тамъ ни сокрушаешся, о томъ самомъ и я здѣсь сокрушаюсь равно; и сверьхъ того сношу все, что только, какъ другъ, сносить долженствую. И такимъ образомъ изъ печали обоихъ насъ составилась единая печаль, которая мнѣ непріятною и горестною жизнь дѣлаетъ.

Я со всякою охотою пріѣхалъ бы тебя посѣтить, и въ понесеніи тягости тебѣ помо́чь. Но поелику сдѣлать сего не льзя;

то разсудилось за благо послать къ тебѣ настоящее письмо; и я крайнее почувствовалъ бы удовольствіе, ежели бы паче чаянія ты возмогъ найти въ немъ нѣкоторое утѣшеніе: ибо други, какъ и самъ ты вѣдаешь, ежели того, что должны, исполнить не могутъ; званію своему удовлетворяютъ, ежели дѣлаютъ то, что могутъ.

Естьли хорошо помню, ужè тритцать второй годъ, какъ между нами началось знакомство, и хотя мы чрезъ все то время различныхъ испытали перемѣнъ щастія; однако я не видалъ ни единаго дня, въ которой бы ты о себѣ не сожалѣлъ: ибо ежели ты былъ печаленъ, ничто не казалось тебѣ пріятно, какъ человѣку страждущему омерзѣніемъ; естьли же веселъ, то за мало считалъ все, какъ человѣкъ зараженный отвращеніемъ. Когда же самой правды справедливѣе есть, что ты въ нещастіи терпѣлъ огорченіе, въ щастіи всегда страдалъ тоскою, и ни въ единой вещи не нашелъ удовольствія; то какая бы Торкватъ была тому причина, что я тебя нынѣ напослѣдокъ толь малодушнаго вижу, какъ будто бы ты на сіе игралищное позорище теперь пришелъ нечаяннымъ гостемъ. Тритцать два года торжественными тріумфами и благоденствіемъ города веселился; и нынѣ на трехъ мѣсячное нещастіе жалуешся? Или не вѣдаешь, Торкватъ, что мужи мудрые, и въ коихъ царствуетъ разумъ, больше двухъ щастливыхъ, нежели двухъ сотъ неблагополучныхъ сея жизни дней страшатся? Сколь

Сколь многихъ видѣлъ я лишающихся благополучія, какъ чрезъ обиду другихъ, такъ и чрезъ вину собственную! которыхъ суетная слава и непостоянное щастіе весьма мало дней; сожалѣніежъ о вещахъ, кои они потеряли, и вражды, кои себѣ стяжали, очень много лѣтъ продолжались. Но въ нещастныхъ людяхъ противное сему дѣлается. Они изъ бѣдствій выходятъ очищенными отъ пороковъ, и укрѣпленными подпорою добродѣтелей; они выходятъ непріятелями не потребства, любителями благочинія; они всѣхъ другами, ничьими врагами, своимъ довольными, чужаго нежадничающими; словомъ, они изъ бурной погоды осторожными, и изъ горнила чистымъ безъ пригари и безъ примѣсу золотомъ выходятъ. Къ чему много говорить? Щастливые въ мирѣ побѣждаются; а нещастные изъ брани побѣдителями возвращаются. Изъ древнихъ мнѣній, коими я премного веселился, есть и сіе божественнаго Платона, что не меньше щастливымъ нуженъ совѣтъ въ самомъ величайшемъ щастіи, какъ и бѣднымъ помощь въ нещастіи: ибо не меньше тѣ, кои шествуютъ ровнымъ и гладкимъ путемъ, какъ и тѣ, кои восходятъ на стремнинной и шероховатой холмъ, утомляются.

Мнѣ кажется я усмотрѣлъ изъ твоего письма, что въ самое то время, когда ты уповалъ вожделѣннаго покоя, приключились тебѣ жесточайшія досады. Но сей случай ни меня не удивляетъ, ни тебя тревожить не дол-

долженствуетъ. Ибо мы искусствомъ познаемъ, что въ то время, когда цвѣтутъ, морозомъ ознобляются дерева; когда изъ Гуты вынимаютъ, ломаются стекла; въ самомъ теченіи побѣдъ, умираютъ полководцы; когда заскрѣплять должно щитъ, упадаютъ своды; въ виду земли потопаютъ кораблеплаватели; изъ чего я разумѣю, что въ то время, когда мы думаемъ объ окончаніи съ фортуною мирныхъ договоровъ, она новыя требованія затѣваетъ.

Хотя же нѣтъ ни единой незапной перемѣны безъ нѣкотораго какъ будто пораженія сердецъ; однако ежечасно она вящшей твердости и крѣпости причиною бываетъ: ибо ни одно дерево не приноситъ столько плода тамъ, гдѣ раждается, сколько въ томъ мѣстѣ, гдѣ вновь сажается; благовонные ароматы, чѣмъ больше ихъ трутъ, тѣмъ пріятнѣе пахнутъ: подобнымъ образомъ и великодушнаго сердца мужу, чѣмъ больше нещастія бури ихъ потрясаютъ и тревожатъ, тѣмъ крѣпчайшими дѣлаются. Или вовсе глупъ, или разсудкомъ не довольно снабдѣнъ тотъ, кто въ нѣкоторое время истиннаго и совершеннаго покоя уповаетъ, не опасаясь уже болѣе никакого отъ свѣта нападенія; но увѣряя себя, что прійдетъ время, въ которое онъ будетъ жить безъ всякаго страха и печали: ибо такое есть свойство сей нещастной жизни, что съ повседневнымъ умаленіемъ лѣтъ бѣдствія возрастаютъ.

Скажи мнѣ, заклинаю тебя безсмертными богами, заклинаю вѣрностію дружбы, скажи

жи мнѣ, Торкватъ, когда ты въ свѣтѣ рожденъ и воспитанъ; когда въ свѣтѣ живешь и обращаешся; когда ты свѣтъ любишь, свѣта сыномъ находишся, и свѣту служишь: то чего инаго отъ свѣта, кромѣ вещей свѣтскихъ, ожидалъ? Или ты самъ мясо безъ костей, и ядро не разломавъ, скорлупы вкушать, безъ опасности брань творить, безъ досады путешествовать, и безъ страха по морю плавать желаешь? Когда не возможно никому изъ смертныхъ жить въ свѣтѣ такъ, чтобъ не позналъ, съ какимъ жребіемъ въ свѣтъ пришелъ. Свѣтъ всегда тотъ же былъ, и нынѣ есть, и послѣ насъ будетъ, и по обычаю свѣтскому съ любителями свѣта поступать имѣетъ.

Мудрые, и о благополучномъ состояніи своемъ рачительные мужи, ненаружно только на вещи взираютъ, и ихъ познаютъ; но глубочае оныя испытываютъ. Говорю я сіе для того, понеже ежели бы ты самаго себя, ежели бы слабость свою, ежели бы щастіе и различныя онаго перемѣны, ежели бы человѣковъ и ихъ злобу, ежели бы свѣтъ и его обманы и коварства позналъ: то съ величайшимъ бы достоинствомъ своимъ заблаговременно о себѣ старался; а не съ срамнымъ безчестіемъ и поношеніемъ отъ нихъ изверженъ былъ. Мы до толикаго ужѐ нынѣ дошли безумія, что ни богамъ, отъ которыхъ созданы, служить не хотимъ; ни свѣту, который насъ гонитъ, послѣдовать не престаемъ; и хотя онъ съ нами поступаетъ такъ, что ни-

жѐ

же епанчи у насъ не раздираетъ; но еще самъ безъ прошенія нашего увольненіе намъ даетъ; однако мы сами добровольно ему послушанія, и даромъ безъ всякой платы услуги свои приносимъ; хотя довольно знаемъ, что поколику кто должайшее время свѣту служилъ, по толику съ вящшимъ плачевнымъ воплемъ и воздыханіемъ отъ него отпускается.

Часто я самъ съ собою размышляю, когда толикое есть служащихъ свѣту множество, и когда онъ со всѣми ими весьма худо поступаетъ; то ежели бы такъ свѣтъ ихъ нѣжилъ, какъ утѣсняетъ; ежели бы такъ увеселялъ, какъ опечаляетъ; ежели бы такъ сохранялъ, какъ отметаетъ; ежели бы такъ превозносилъ, какъ низвергаетъ; ежели бы такъ принималъ, какъ выгоняетъ; и ежели бы такъ вѣчными дѣлалъ, какъ погубляетъ: сіе, говорю, ежели бы отъ него было исполняемо; я безъ сомнѣнія подтверждаю, что ни богамъ бы на небесахъ никто не покланялся, ни храмамъ бы ихъ на землѣ никто почитанія не отдавалъ. Что же я нынѣ о тебѣ, любезный Торкватъ, говорю, то самое и ты справедливо обо мнѣ можешь сказать. Сколь мы безоружны и неготовы удара фортуны ожидаемъ! сколь безопасно жизнь провождаемъ! сколь безпечально сномъ наслаждаемся! и сколь безразсудно предводительству свѣта слѣдуемъ! ибо мы словамъ его такъ вѣримъ, какъ будто бы никого онъ никогда не обманулъ.

ГЛАВА 45.

Маркъ Аврелій продолжая намѣреніе, всѣмъ живущимъ въ свѣтѣ достопамятными доказательствами совѣтуетъ остерегаться свѣта.

Скажи мнѣ, любезный Торкватъ, что больше слушать, что видѣть, и чего научиться, дабы свѣтъ позналъ, желаешь; усмотря, какимъ образомъ свѣтъ съ тобою поступилъ? Просящему покоя и тишины, далъ трудъ и безпокойство; просящему славы и чести, нажегъ пятно безславія и безчестія; просящему богатства и веселія, далъ нищету и печаль; просящему причисленія въ свои питомцы, далъ увольненіе; просящему жизни, далъ смерть. Естьли же онъ такъ съ тобою поступилъ, то для чего ты со слезами принятія въ домочадство его, дабы погибнуть, просишь? О коварный свѣтъ! сколь далече ты отстоишь отъ правды, и сколь далече надлежитъ отъ тебя отстоять тому, кто праведнымъ быть желаетъ! ибо ты отъ природы другъ новости, и врагъ истинны.

Изъ тѣхъ повелѣній и правилъ, кои свѣтъ чадамъ своимъ преподаетъ, есть и сіе, что имъ, дабы прямо и неложно свѣтскими питомцами были, не весьма искренно любить правду; о чемъ довольно увѣряетъ самый опытъ: ибо всякъ усматриваетъ, что тотъ, который всецѣло свѣту себя поработилъ, не весьма справедливъ бываетъ. Свѣтъ есть искус-

кусный ходатай беззаконныхъ, лютый палачь благонравныхъ, сильный заступникъ злодѣйствъ, безчеловѣчный мучитель добродѣтелей, неистовый врагъ тишины и мира, искренній другъ смятенія и войны, сладкій сотъ пороками оскверненныхъ, горькая желчь добродѣтелію сіяющихъ, крѣпкій защитникъ лжи, замысловатый изобрѣтатель новостей, досадительное безпокойство несмысленныхъ, огромный млатъ недоброхотныхъ и злобныхъ, обманчивая карта игроковъ, пылающее горнило вожделѣнія, наконецъ, каменистое море, гдѣ страждутъ сердца, и бездонная пучина, въ которой погрязаютъ помышленія.

Когда же свѣтъ такой нравъ имѣетъ; то можетъ быть нѣкоторый любитель свѣта, жалуясь, что свѣтъ худо съ нимъ поступилъ, перемѣнитъ свои мысли? Нѣтъ, не правда: что дѣлается для того, понеже естьли по случаю одинъ любитель прочь отъ него уходитъ, десять тысячь легкомысленныхъ у дверей дожидаются. Ктожъ изъ разумнѣйшихъ людей сыщется толь неосторожной, чтобы съ свѣтомъ на сихъ условіяхъ жить согласился? Естьли роскоши и утѣхи, коими тамъ наслаждаемся, въ разсужденіи претерпѣваемыхъ мученій и досадъ, суть весьма малы. Мы не ушами слышимъ, или въ книгахъ читаемъ; но глазами повседневно видимъ, что иные колеблются, и имѣніе утрачаютъ; другіе потыкаются, и честь теряютъ; иные падаютъ, и достоинства лишаются; другіе въ грязи валяются, и жизнь

 по-

погубляютъ: что хотя всѣ видятъ, однако каждый отъ своего обязательства свободнымъ и вольнымъ быть, чего никому не случилось, думаетъ.

Будь увѣренъ, любезный Торкватъ, что толь злобны суть человѣки, отъ которыхъ раждаемся; толь лютой звѣрь есть свѣтъ, съ которымъ живемъ; и толь ядовитая змѣя есть фортуна, съ которою брань творимъ, что никто не живетъ, никто не умираетъ, кромѣ или ногами ихъ попранные, или зубами угрызенные, или кохтями растерзанные, или ядомъ зараженные. Естьли же скажешь, что ты видѣлъ въ Римѣ кого нибудь долголѣтно жившаго, такъ что никогда и никакого нещастія и досады ему не приключилось; таковаго человѣка паче сожалѣнія, нежели завидованія достойнымъ быть отвѣтствую: ибо сіе не благо щастія, но жесточайшаго злощастія знакъ есть; понеже прелукавый и коварный свѣтъ того времени къ низверженію его ожидаетъ, въ которое бы онъ съ вящшимъ пораженіемъ и уязвленіемъ упалъ.

Человѣки, пользовавшіеся благополучнымъ здравіемъ, удобнѣе не многихъ дней, нежели слабые и недужные многихъ лѣтъ болѣзнію потребляются; изъ чего я разумѣю, что естьли безъ бѣдъ умереть или жить человѣкъ не можетъ: лучше ему помалу ихъ вкушать, нежели великимъ и тягостнымъ бременемъ вдругъ удавлену быть. Ахъ, сколь ненавистенъ безсмертнымъ богамъ тотъ, который, что есть бѣдствія въ семъ свѣтѣ,

не

не знаетъ! Ибо тому только надобно бояться нещастія, который, что есть нещастіе, не вѣдаетъ. Но когда и боги попустили, и судьба опредѣлила тебѣ упасть, дабы ты въ самое то время, ближайшимъ къ бѣдствію себя позналъ, когда безъ малѣйшей опасности жить думалъ: то должно тебѣ какъ нещастному человѣку употребить нѣкоторое врачеваніе, для того чтобъ утратя зловреднѣйшее богатство, не потерялъ купно съ нимъ и доброй славы.

Скажи пожалуй мнѣ, Торкватъ, для чего ты такъ, какъ больной, стонешь и жалуешся? Для чего какъ съ ума сшедшій кричишь и вопишь? Для чего какъ отчаянный и всякія надежды лишенный воздыхаешь? И для чего какъ маленькой отрокъ плачешь? Съ пути сошелъ, и жалуешся, что заблудилъ! Плывешь чрезъ бурное море, и удивляешся, что волны ударяютъ! Взошелъ на высокую гору, и сожалѣешь, что утомился! Бросился въ колючей терновникъ, и хочешь, чтобъ одежды у тебя растерзаны не были! Идешь каменистою и грудоватою дорогою, и негодуешь, что потыкаешся! На крутомъ и скользскомъ холмѣ стоя, безопаснѣйшую жизнь провождать желаешь! Сирѣчь, за усердное служеніе, которое ты свѣту оказалъ, думаешь, что небесные боги мздовоздаяніе тебѣ сотворятъ? Отъ фортуны вредящей многимъ желаешь получить свободу и вольность, которой родительница всѣхъ натура дать тебѣ не можетъ. Чего не можетъ тебѣ обѣщать милосерднѣй-

шая матерь натура, уповаешь, что дастъ лютѣйшая и свирѣпѣйшая мачиха фортуна. Статься не возможно, чтобъ море непрестанную тишину, небо непрерывную ясность намъ обѣщали. Никогда не сдѣлается, чтобъ лѣто снѣги, а зима цвѣты приносили. Чего ради, любезный Торкватъ, пусть никогда изъ мыслей твоихъ сіе не выходитъ, что теченіе натуры ежегодно перемѣнѣ подвержено; а свѣтскимъ любителямъ ежеминутно затмѣніе и помраченіе претерпѣвать должно. Когда натуральныя вещи, кои суть необходимо нужны, въ одинакомъ состояніи не всегда пребываютъ; то, чтобъ и вещи фортуны, кои суть излишнія, погибали, неоспоримая справедливость требуетъ. Несправедливы былибъ безсмертные боги, естьли бы непоколѣбимымъ и вѣчнымъ учинили то, что столь многимъ вредительно; а напротивъ перемѣнчивымъ и непостояннымъ создали то, что многимъ полезно.

Но оставя воспоминаніе щастія, коимъ ты въ прошедшее время наслаждался, посмотримъ, какъ въ настоящее фортуна съ тобою поступаетъ. Коварная фортуна у дверей твоихъ для договору о цѣнѣ предложила товаръ, зная, что продаетъ, хотя ты и не вѣдалъ, что покупаешь; и въ семъ случаѣ, что было дорогое, то дешево; и что было дешевое, то дорого тебѣ продала; горькое вмѣсто сладкаго, и сладкое вмѣсто горькаго; худое вмѣсто добраго, и доброе вмѣсто худаго тебѣ представила; и наконецъ въ спра-

ведливой цѣнѣ, тебя ничего о лукавствѣ, коимъ ты былъ обольщаемъ, непомышляющаго обмануло. Что же иное мы дѣлать должны, будучи обязаны о сей вещи безъ пристрастное подать мнѣніе; какъ точію фортуну обвинить за коварство въ продажѣ, а тебя упрекнуть за неискусство въ куплѣ? Ибо въ лавкѣ фортуны всякой родъ товаровъ есть подозрителенъ.

О бѣдные человѣки, кои съ свѣтомъ нѣкоторое обхожденіе имѣютъ! Ибо на сихъ торжищахъ фортуны, ничто кромѣ обмановъ, не продается; ничто безъ залога чести нашей не вѣрится; ничемъ кромѣ цѣною жизни нашей не платится; ничто справедливымъ вѣсомъ и мѣрою не дается. Сихъ торжищъ лавочные сидѣльцы суть родъ скитающійся; и хотя всѣ вѣдаютъ, что вступя въ обязательство съ фортуною, какой нибудь убытокъ понесутъ; однако съ крайнимъ усердіемъ въ лавкѣ его торговать желаютъ. Всего себя свѣту отдай, искренно свѣтъ люби, вѣрно свѣту служи, и наилучше о свѣтѣ думай; однако наконецъ такое получишь награжденіе, какой и самъ свѣтъ есть. Желалъ бы я побесѣдовать, не съ свѣтомъ, который ничто иное есть, какъ только свѣтъ; но съ свѣтскими любителями свѣта. Свѣтъ есть или доброй, или злой; ежели онъ къ нимъ доброй, то для чего на него жалуются? естьли же злой, то для чего за нимъ гоняются? Статься не возможно, чтобъ и противъ воли не призналися, что они, поелику суть свѣтскіе люди, въ какое нибудь одно изъ сихъ погрѣ-

шеній впали; сирѣчь, что или злому служатъ хозяину, или на добраго ропщутъ господина.

Охотно желалъ бы я отъ тебя узнать, Торкватъ, чего ты надѣялся, когда столь долго свѣту веселой видъ казалъ? Тритцать два года свѣту и служилъ, и любезенъ былъ; времябъ уже произойти между вами какой нибудь ссорѣ и несогласію. Мы повседневно между дѣдами и внуками, родителями и чадами, двоюродными братьями и сестрами, превеликіе видимъ ссоры; и ты ли между тобою и фортуною вѣчной миръ себѣ обѣщалъ? Вилу Ассирійскому Царю дано было щастія семь лѣтъ; Царицѣ Семирамидѣ шесть; Лавеллу Лакедемонскому Царю пять; Халдейскому Царю четыре года; Александру великому четыре; Амилькару Кароагенскому Полководцу два; Каію Кесарю нашему токмо одинъ; другимъ же безчисленнымъ ни единаго года. Естьли бы свѣтъ былъ миролюбивый, ежели бы постоянный, трезвый, справедливый и исправимый; по истиннѣ не былъ бы свѣтомъ. Однимъ словомъ сказать: не иной ради причины свѣтъ симъ именемъ называется, какъ для того, что самою вещію ничего любви достойнаго, и ничего порицанія незаслуживающаго, у себя не имѣетъ.

Ежели бы ты былъ разуменъ, и свѣтскихъ вещей не вовсе незнающь; то чрезъ цѣлые оные тритцать два года никогда бы не вкушалъ пищи безъ жестокой печали, никогда бы не ходилъ безъ опасенія, никогда бы не говорилъ безъ подозрѣнія, никогда бы

не

не почивалъ безъ страха нападенія, и никогда бы не вѣрялъ себя никакому другу: ибо осторожные люди всегда о себѣ помышляютъ, что какъ сами погрѣшить, такъ отъ враговъ обманутыми, и отъ фортуны поврежденными быть могутъ. Я не знаю, по щастію ль свѣта, или по глупости свѣтскихъ любителей сіе дѣлается. Ибо ежели какой иноземецъ или гражданинъ, или ближній родственникъ, или другъ, или родной братъ, безъ намѣренія повредить насъ оскорбляетъ: мы нижѐ просящему не даемъ прощенія; за свѣтомъ же, который насъ и знающихъ и видящихъ гонитъ, гоняться не преставаемъ, сирѣчь, противъ комаровъ мечъ обнажая, и слоновъ шиломъ умертвить желая. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ досаднѣе зрѣнію, какъ сіе, что мы во всѣхъ дѣлахъ неумѣренно поступаемъ: ибо ежели мы въ подломъ состояніи находимся, всегда о томъ, чтобъ взойти на высокое мѣсто, воздыхаемъ; ежели же въ знатномъ обрѣтаемся: то всегда отъ страха паденія плачемъ. Свѣтъ столько крутыхъ стремнинъ имѣетъ, и мы свѣтскіе питомцы съ толикою трудностію и неудобствомъ на оныхъ устоять можемъ, что чуть только низпадемъ, немедлѣнно по рукамъ и ногамъ, отъ пороковъ связанными себя видимъ; гдѣ въ толикой опасности вольность и свободность наша обращается, и въ толь гнусной темницѣ свѣтъ насъ содержитъ, что мы хотя о чувствованіи своемъ всѣхъ бѣдствій нѣкоторымъ рычаніемъ на подобіе звѣрей свидѣ-

 тель-

тельствуемъ; однако такъ какъ человѣки языкомъ провозглашать не смѣемъ. Какая бы сему была причина, что иные упасть, а другіе возстать желаютъ, не знаю, и что многіе отъ бѣдъ избавиться хотятъ, и всѣ искусство жаловаться имѣютъ, усматриваю? Но кто бы себѣ пособить могъ, никого не вижу.

Сіе писалъ я къ тебѣ для того единственно, чтобъ ты впредь жилъ съ вящшею осторожностію: ибо я, какъ и самъ ты вѣдаешь, ничего не говорю, въ чемъ бы долговременнаго не имѣлъ искусства. Присланный отъ тебя жеребецъ, мнѣ весьма нравится, тѣмъ наипаче, что узду принимаетъ, и на всѣ стороны легко поворачивается. Я съ моей стороны посылаю тебя двѣ тысячи червонныхъ ко облегченію настоящихъ твоихъ бѣдствій. Что касается до твоей ссылки, ежели случай позволитъ, прилѣжно буду стараться въ Сенатѣ. Впрочемъ, любезный Торкватъ, безсмертные боги тебя да утѣшатъ, и человѣколюбно покровительствуя, да отвратятъ отъ тебя коварства беззаконныхъ, и прогонятъ далече ярость неистовыхъ Фурій. Кланяется тебѣ Фавстина, отъ которой, также и отъ меня Софонизбѣ тещѣ, и Амилдѣ дочери своей засвидѣтельствуй наше почтеніе. Прости. Маркъ на Целійской горѣ рожденный писалъ собственною рукою.

ГЛАВА

ГЛАВА 46.

Великимъ Монархамъ и Князьямъ не прилично имѣть дружбу и обращеніе съ комедіантами и шутами; такожъ законы отъ Римлянъ о томъ предписанные.

Между тѣми вещьми, коими остроту разума, и любовь къ своимъ гражданамъ изъявили Ликургъ, Прометей, Солонъ, и Нума Помпилій, преславные изобрѣтатели и созидатели законовъ, было и сіе, что они такіе законы предписали, откуду бы возможно научиться, не токмо что дѣлать, но и чего убѣгать должно: ибо знатные и искусные врачи, вящшее оказываютъ намъ благодѣяніе, предохраняя насъ отъ болѣзней, нежели исцѣляя болящихъ. Плутархъ въ Лакедемонскихъ Апофѳегматахъ, великими похвалами превозноситъ Спартанъ, подтверждая, что они, сколь долго законы хранили, почтеніе всѣхъ Грековъ; когда же оные нарушили, подлѣе всѣхъ Римскихъ подданныхъ были. Не въ томъ состоитъ благоденствіе царствъ, ежели добрые или худые законы; но ежели добрыхъ или худыхъ Государей имѣютъ: ибо очень мало пользы въ справедливомъ законѣ, ежели самъ Государь несправедливъ и неправосуденъ.

Секстъ Херонейскій въ житіи Нервы говоритъ, что когда Римляне и Греки между собою войну производили, и обоихъ народовъ посланники въ Родосѣ спорили, кто изъ нихъ Родійцовъ на свою сторону склонитъ, дабы

имѣть

имѣть съ ними союзъ, и получать отъ нихъ противъ непріятелей вспоможеніе; то Греческій посланникъ Римскому Оратору такъ въ насмѣшку сказалъ: Не для чего вамъ, Римляне, съ Греками равняться, когда вы изъ Рима въ Грецію пришли просить законовъ. Которому отвѣтствовалъ Ораторъ Римскій: Правда, я признаюсь, что мы изъ Рима въ Грецію законовъ просить послали; однако и ты не воспротиворѣчишь, что вы изъ Греціи въ Римъ пороки ввезли. Но безконечно, повѣрь мнѣ, больше вреда ваши пороки, нежели пользы законы намъ принесли.

Въ нѣкоторомъ Плутарховомъ письмѣ къ Траяну сіи суть слова: Вы пишете, пресвѣтлѣйшій Государь, что упражняетеся въ постановленіи законовъ новыхъ; а я желалъ бы, чтобъ Ваше Величество упражнялись въ наблюденіи и храненіи, какъ отъ подданныхъ, такъ и собственною особою законовъ древнихъ: ибо мало пользы имѣть добрыми законами наполненной архивъ; когда злыми нравами и обычаями изобилуетъ городъ. Я рѣдкихъ видѣлъ Государей, въ которыхъ бы къ предписанію законовъ способности не имѣлось; и въ которыхъ бы къ храненію и соблюденію оныхъ великой слабости не находилось. Чему примѣръ подаетъ Неронъ, который наилучшіе законы въ Римѣ предписалъ, и однакожъ житіемъ развратнѣйшій и беззаконнѣйшій былъ; ибо по воли боговъ чрезъ принужденіе отъ беззаконныхъ иные бываютъ добродѣтельными.

По-

Потомъ прибавляетъ Плутархъ: Естьли желаете, пресвѣтлѣйшій Государь, моему совѣту, которой я за маловажной и недостойной признаваю, подвергнуть вашъ отмѣнной разумъ; то содержаніе всѣхъ древнихъ законовъ въ кратчайшихъ словахъ заключу. Я и краткіе, и не многіе, и пріятные законы къ Вашему Величеству пришлю, не для обнародованія оныхъ въ Римѣ, но для наблюденія и храненія въ вашемъ домѣ: ибо ежели Ваше Величество всѣмъ законы предписали, я напротивъ того вамъ сіи предпишу:

Первой законъ: Такъ осторожно живи, чтобъ ни въ какомъ особливомъ порокѣ примѣченъ быть не могъ. Ибо ежели Государь добродѣтелію сіяетъ; никто изъ его придворныхъ развратнымъ и безчиннымъ быть не отважится.

Второй законъ: Равномѣрное оказывай правосудіе, какъ тому, который изъ отдаленнѣйшей страны приходитъ, такъ и тому, который повседневно и непрерывно вкругъ тебя обращается. Ибо лучше собственное богатство Вельможамъ и другамъ раздавать, нежели въ чужей справедливости имъ снисхожденіе и потачку дѣлать.

Третій законъ: Старайся быть правдословнымъ, и остерегайся, чтобъ не почли тебя многорѣчивымъ: ибо Государей непостоянныхъ въ словахъ, и сомнительной вѣрности въ обѣщаніяхъ, какъ други оставятъ, такъ и враги въ посмѣяніи имѣть будутъ.

Четвертый законъ: Будь въ обхожденіи ласковъ и благосклоненъ, и въ награжденіи за услуги попечителенъ и прилѣженъ: ибо суровыхъ и неблагодарныхъ Государей и боги наказуютъ, и человѣки ненавидятъ.

Пятый законъ: Не иначе, какъ моровой заразы, шутовъ и ласкателей при себѣ имѣть опасайся. Ибо такого рода люди развратностію житія общество возмутятъ, и ласкательствами своими славу твою помрачатъ.

Естьли сіи пять законовъ, пресвѣтлѣйшій Государь, хранить желаете; то не нужно будетъ вамъ множайшіе установлять: ибо никакого инаго въ обществѣ закона ненадобно, какъ чтобъ извѣстно было всѣмъ, что Государь житіемъ добродѣтеленъ. Сіи законы Плутархъ къ Траяну написалъ, которые всякой добродѣтельной человѣкъ на сердцѣ своемъ написать долженствовалъ бы. Разсудилось же заблаго кратко сію исторію начертать, для того единственно, чтобъ употребить въ пользу моего намѣренія послѣдній законъ, гдѣ запрещаетъ Государямъ принимать въ други ласкателей и шутовъ, о которыхъ говорить кажется самая вещь требуетъ; понеже многіе съ ними и время погубляютъ, и богатство расточаютъ.

Въ то время, когда Римъ наилучшимъ благочиніемъ нравовъ процвѣталъ, два рода людей Римлянамъ наипріятнѣйшіе были. Первой родъ шпажные поединщики, кои оружіемъ между собою билися, и взаимно другъ

друга

друга умерщвляли: которыхъ игръ причиною было то, чтобъ юноши и мужи незнающіе военныхъ дѣлъ на обнаженные мечи, острыя копья, бросаемые изъ пращей камни, наносимыя язвы, проливаемую кровь, жестокіе удары, безобразныя и тяжкія раны, и умерщвляемыхъ людей смотрѣть привыкли; и послѣ ополчаясь на брани, вооруженныхъ непріятелей не страшилися, и ранъ и крови не ужасалися. Кто одинождьі перешелъ бродъ, тотъ и въ ночное время оной переходить не опасается; а кто никогда чрезъ оной не переходилъ, тотъ и днемъ не токмо перейти, но и войти въ него боится. И такъ разумно дѣлали Римляне, кои бѣдствія и опасности дѣтямъ своимъ прежде показывали, нежели ко онымъ посылали: ибо тѣмъ боязливой и робкой отъ мужественнаго и храбраго разнствуетъ, что оной усмотря пряслицу убѣгаетъ, а сей и мечь увидя не ужасается.

Другой родъ, коимъ утѣшались Римляне, были Пантомимы, каковы суть танцовальщики и комедіанты, для увеселенія народа, а наипаче военныхъ людей изобрѣтенные; которымъ при отправленіи въ походъ различные, но по возвращеніи множайшія игры представляли: ибо Римляне помышляя о такомъ честномъ пріемѣ, отходили на войну съ намѣреніемъ или побѣду получить, или на сраженіи умереть. Столь рачительны и неусыпны были древніе оные Римляне въ управленіи народа, что шутки и шутовъ, игры и игроковъ, комедіи и комедіянтовъ

при-

принимая, дѣлали сіе не отъ излишества легкомыслія, ниже отъ недостатка благоразумія; но для отвращенія гражданъ, дабы къ порокамъ не привыкли, забавляясь особливыми играми привашно, желали, чтобъ всѣ веселилися публично.

Не напрасно я сказалъ, что были публичныя увеселенія; понеже никакому гражданину не дозволялось привашно дѣлать игры, строить пиры, производить бесѣды, и представлять позорища, кромѣ тѣхъ, коими цѣлой городъ веселился. Такъ то сирѣчь въ Римѣ труды приватные, а увеселенія публичныя были. Даруй Богъ, чтобъ сіе толь изрядное и похвальное обыкновеніе Римлянъ, перешло въ наше Христіянское общество! Но увы! нынѣ безъ разбору богатые и убогіе, знатные и подлые шутовъ и комедіянтовъ представляютъ, травли быковъ дѣлаютъ, копьями сражаются, пиры строятъ, очередь бесѣдованія по жребію производятъ, съ дѣвицами праздники и шутки отправляютъ, на вечерники многія сокровища иждиваютъ, образъ подобной военному дѣйствію подымаютъ, и различные роды игръ вымышляютъ; что все вредъ общества, расточеніе имѣнія, и развращеніе людей влечетъ съ собою: понеже изъ особливыхъ увеселеній раждаются и особливые пороки въ гражданахъ.

Сверьхъ того въ Римѣ комедіянты и игроки представляли дѣйствія свои въ торжественные праздники боговъ: ибо Римляне благоговѣйнѣйшіе и усерднѣйшіе почитатели

сво-

своихъ боговъ и храмовъ, ни малѣйшей вещи касающейся до ихъ чести не пропускали; и сіе по истиннѣ совершалось попущеніемъ Божіимъ. Для того, что какъ боги были шуточные, такъ и праздникамъ ихъ отъ шуточныхъ и смѣхотворныхъ человѣковъ отправляемымъ быть надлежало. Блондъ во второй книгѣ торжествующаго Рима, нѣкоторыя вещи изъ тѣхъ, кои я сказалъ, и множайшія изъ тѣхъ, о которыхъ послѣ говорить имѣю, упоминаетъ; сирѣчь, что Римляне не меньше комедіянтамъ, игры въ городѣ представляющимъ, какъ и полководцамъ, брани за общество отправляющимъ, законы предписали; ибо хотя комедіянтамъ и игрокамъ въ шуточномъ и забавномъ искусствѣ своемъ упражняться, и народъ увеселять дозволялось; однако добродѣтельное и постоянное житіе провождать, чтобы примѣромъ своимъ другихъ не повредили, наистрожайше было подтверждаемо. Кромѣ прочихъ же, сіи законы Римляне комедіянтамъ и шутамъ предписали.

Первое, надлежало вывѣдывать и испытывать, мудрыель были мужи: ибо чемъ маловажнѣйшія были художества, тѣмъ разумнѣйшихъ мужей власти оныя ввѣрять повелѣвали.

Второе, надобно было испытывать, имѣлиль къ отправленію своего искусства разумъ и пріятность, что не меньше мудро, какъ и выше сказанное было установлено. Ибо равно какъ и самъ шутъ, глупъ тотъ, кто не забавнаго и грубаго шута слушаетъ.

Третіе, искусство свое отправлять въ Римѣ комедіянтамъ или игрокамъ запрещалось, ежели не умѣли и другихъ художествъ; и сіе для того, чтобъ они въ представленіи игръ и забавъ только по праздникамъ упражнялися; а по прочимъ днямъ въ домахъ своихъ работали.

Четвертое, подъ жестокимъ наказаніемъ запрещено было комедіянтамъ и шутамъ, чтобы въ представленіи своихъ дѣйствій ничего огорчительнаго не вмѣшивали; который законъ по истиннѣ оному роду людей былъ весьма нуженъ. Ибо часто бываетъ, что легкомысліями ихъ увеселяются рѣдкіе; а на злость ихъ жалуются многіе.

Пятое и послѣднее запрещалось закономъ, чтобы никакому комедіянту или шуту, не вольно было игры представлять, или шуточныя рѣчи говорить въ приватныхъ домахъ, но только въ публичныхъ мѣстахъ. Ибо въ противномъ случаѣ тѣ, кои оныя отправляли, праздными и лѣнивыми; а кои слушали, порочными и злонравными дѣлались.

Впрочемъ, сими законами не довольствуясь Римляне установили, чтобы игроки и комедіянты, за представленіе какихъ либо позорищъ, или сказываніе шуточныхъ и забавныхъ рѣчей, денегъ не взимали; а дабы не имѣли причины жаловаться, и получали за трудъ свой награжденіе, каждому опредѣлили годовые оклады по тысячѣ червонныхъ давать изъ государственной казны. Преславное по истиннѣ, и къ Римскимъ похваламъ причи-

слить-

слиться достойное благоразуміе, что образЪ житія комедіянтамЪ и шутамЪ, равно какЪ и прочимЪ чиновнымЪ отправляющимЪ должности вЪ РимѢ, и полководцамЪ ополчающимся на брани предписали, не меньше вЪ семЪ какЪ и вЪ важныхЪ дѢлахЪ изЪявляя свою мудрость: ибо труднѢе правителю общества исправить двухЪ глупыхЪ, нежели управлять сто разумныхЪ.

ГЛАВА 47.

О нѢкоторыхЪ шутахЪ вЪ древнія времена наказанныхЪ; такожЪ о комедіянтахЪ и шутахЪ нашего вѢка.

Іулій КапитолинЪ вЪ книгѢ о древнихЪ обычаяхЪ говоритЪ, что вЪ древнія времена комедіянты и шуты вЪ величайшемЪ почтеніи находилися, да и не безЪ причины: по тому что трудЪ ихЪ вЪ почитаніи боговЪ, дѢланіи своихЪ увеселеній, и отправленіи публичныхЪ позорищЪ употребляли; поелику остроумные, пріятные, забавные, и благочинные, а не невѢжливые, грубые, или сребролюбивые были. Ибо никакой веселости и пріятности вЪ шуткахЪ быть не можетЪ, естьли опустя руку вЪ карманЪ тотчасЪ за оныя платить должно.

ИмѢется часть рѢчи говоренной ЦицерономЪ вЪ СенатѢ, которой нигдѢ цѢлой не обрѢтается, и которою ЦицеронЪ какЪ Сенату, такЪ и народу жестоко выговаривалЪ, что они во время отправленія нѢкоторымЪ

комедіянтомъ обыкновенныхъ дѣйствій учинили смятеніе. Сей комедіянтъ былъ Росцій, въ толикой чести у Римлянъ находившійся, что охотнѣе Росціевыхъ шутокъ, нежели Цицероновыхъ важныхъ рѣчей слушали: почему не рѣдко между собою Росцій и Туллій спорили о превосходствѣ разума; то есть, Росцій ли больше одно и тоже мнѣніе различными тѣлодвиженіями изобразитъ, или Цицеронъ чрезъ изобиліе краснорѣчія различными словами произнесетъ. Сіе я читая въ Іуніѣ Капитолинѣ, да не умолчу о своей простотѣ, не мало смѣялся, когда увидѣлъ, что Росцій начальникъ глупости, съ Тулліемъ, отцемъ краснорѣчія, въ споръ вступилъ.

Какъ же все чрезъ весьма краткое время неподвижно въ состояніи своемъ пребываетъ, чтобъ ежедневно не перемѣнялось: такъ между Римлянами и благочиніе общества, и порядокъ воинскій, и воспитаніе дѣтей, и упражненія юношъ, и честность комедіянтовъ и шутовъ погибли; которые до толикаго дошли самовольства и непотребства, что часто къ величайшимъ между гражданами бунтамъ и смятеніямъ подавали причину. Чего ради Римляне усмотря, что комедіянты, коими обыкновенно веселились, уже подаютъ причину къ досадѣ, и будучи отрѣшены отъ своей должности, по всѣмъ странамъ шатаются; и почитаемые прежде мудрыми людьми шуточную жизнь провождаютъ, и получаемымъ изъ государственной казны жалованьемъ не довольствуясь, вездѣ отъ всѣхъ платы требу,

буютъ; по единодушному всего народа согласію комедіянтовъ и шутовъ изъ города выгнать опредѣлили. Впрочемъ, въ изверженіи изъ города комедіянтовъ и шутовъ различныя перемѣны происходили. Понеже добронравные Государи тотчасъ ихъ выгоняли, а развратные немѣдленно назадъ возвращали, такъ что между знаками, по которымъ бы можно познать, добродѣтельной ли или въ порокахъ погруженной Государь, былъ и сей, ежели онъ шутамъ и комедіянтамъ давалъ мѣсто въ городѣ.

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что Лакедемоняне никакихъ въ обществѣ своемъ комедіянтовъ и шутовъ не терпѣли; и для того Спартанецъ Родійскому Посланнику на вопросъ: Какая бы была причина къ поставленію того закона, естьли комедіянты тѣмъ, что представляютъ, къ увеселенію; а шуты тѣмъ, что говорятъ, къ смѣху подаютъ матерію? Такъ отвѣтствовалъ: Безъ сомнѣнія Ликургъ или слышалъ, или видѣлъ, или читалъ, или примѣтилъ какой нибудь великой вредъ, причиняемой городу отъ комедіянтовъ, когда столь суровой противу ихъ законъ предписалъ; мнѣ же извѣтно сіе, что гораздо лучшую пользу Грекамъ плачъ съ людьми мудрыми, нежели Римлянамъ смѣхъ съ глупыми.

Діонъ въ житіи Трояновомъ повѣствуетъ, что изъ Африканскихъ странъ пришелъ въ Римъ нѣкоторый комедіянтъ, въ представленіи комедій, и въ произношеніи смѣшныхъ

и шуточныхъ рѣчей удивительный; когда же о удостоеніи его слушаніемъ просили Императора Траяна, то отвѣтствовалъ онъ слѣдующее: Не прилично достоинству важнаго и добродѣтельнаго Государя, чтобъ кто либо въ присутствіи его совершалъ легкомысленныя дѣла: ибо не меньше его признаютъ легкомысленнымъ, какъ и самаго дѣлателя почтутъ глупымъ. Потомъ примолвилъ: Никто не долженъ быть столь продерзскимъ, чтобъ въ присутствіи Государя произносилъ срамныя слова, или представлялъ неблагопристойныя дѣла; и въ семъ случаѣ равномѣрное заслуживаютъ наказаніе тѣ, кои ихъ приводятъ, какъ и тѣ, кои оныя представляютъ: ибо никогда не должно предъ лице Государей приводить такихъ вещей, которымибъ они къ порокамъ приглашаемы; но токмо тѣ, коимибъ къ добродѣтелямъ возбуждаемы были. Приличная по истиннѣ рѣчь толикому мужу.

Светоній въ 45 главѣ житія Августова повѣствуетъ, что искусный, шутливый, забавный и пріятный комедіянтъ, именемъ Стефаніонъ, въ нѣкоторой праздникъ желая шутками увеселить Императора, и получить за то какое нибудь награжденіе, сперьва въ отроческомъ одѣяніи, а потомъ въ женскомъ убранствѣ въ чертоги пришелъ, и обоего пола персону такъ живо изобразилъ, что казалось, будто бы каждое изъ сихъ явленій не представлялось, но въ правду дѣлалось. Императоръ же поступкомъ комедіянтовымъ будучи раздраженъ, немедлѣнно повелѣлъ на

трехъ

трехъ театрахъ сѣчь его розгами; и жалующемуся, что погрѣшающихъ только единожды наказуютъ, а его трижды сѣчь приказано, отвѣтствовалъ: Перьвое, сѣкутъ его за безчестіе учиненное Римской женщинѣ, которую представлялъ; второе, за грубость и непочтеніе, что представлялъ предъ нимъ; третіе, за утрату времени, къ коему смотрителямъ причину подалъ. Ибо шуты и комедіянты не столько за шутки и игры, кои представляютъ; сколько за утрату времени, которое какъ сами, такъ и другіе чрезъ нихъ погубляютъ, наказаніе заслуживаютъ. Какже учиненное комедіянту наказаніе, такъ и произнесенныя отъ добродѣтельнѣйшаго Императора слова весьма справедливы были.

Во время тогоже Августа Пиладъ Пантомимъ, съ прочими комедіянтами выгнанъ былъ изъ города. Но понеже онъ былъ весьма забавенъ и пріятенъ; то народъ наиприлѣжнѣйше просилъ Императора о увольненіи его отъ ссылки, каковыхъ прозьбъ за сосланнаго Философа никогда не употреблялъ бы: ибо суетные и легкомысленные человѣки скорѣе бы богатство свое иждили ради того, который имъ что нибудь пустое и негодное болтаетъ, нежели кто жизнь ихъ благоустрояетъ и исправляетъ. Впрочемъ Августъ на прошеніе народа согласился; но съ тѣмъ договоромъ, чтобъ приставить къ Пиладу Опекуна и надзирателя, который бы его какъ безумнаго исправлять и наказывать могъ,

говоря при томъ, что поелику мудрые глупыхъ учителей себѣ принимаютъ, онъ напротивъ того желаетъ, чтобъ глупые мудрыхъ учителей употребляли.

Когда же нѣкоторымъ днемъ надзиратель, въ смотреніе коего препорученъ былъ Пиладъ, не вѣдаю за какой безстыдной поступокъ, или срамное слово, ему выговаривалъ; то Пиладъ превеликимъ гнѣвомъ и яростію разжегся на увѣщавающаго; о чемъ увѣдомясь Императоръ, приказалъ его сѣчь розгами, и отправить въ вѣчную ссылку; которое осужденіе дѣлая Августъ, примолвилъ слѣдующее: Римъ столько имѣлъ силъ, что истреблялъ непріятелей; а нынѣ и къ истребленію шутовъ и комедіянтовъ силъ лишается; и всего хуже, что они раздражать и огорчать насъ имѣютъ дерзновеніе; а мы напротивъ того и выговаривать имъ не имѣемъ смѣлости.

Весьма справедливую Лакедемоняне и Римляне причину имѣли, очистить свои общества отъ шутовъ и комедіянтовъ. Ибо они суть праздны, лѣнивы, порочны, безчинны, злобны, и не мало обществу вредны. Чтожъ? Не праздныль суть шуты, которые больше, нежели другіе, чужимъ трудомъ питаются? Не должноль назвать шутовъ порочными, кои искусства своего отправлять не могутъ, чтобъ не упражнялися въ порокахъ, и не обращались съ людьми непотребными? Не должноль назвать шутовъ безчестными, кои пропитаніе свое нечестными дѣлами, но

срам-

срамными словами стяжевают? Не должноль назвать шутов злобными, кои лишаясь прiятности въ забавныхъ рѣчахъ, отъ злобы вспоможенiе заимствуютъ? Не по всякой ли справедливости можемъ подтвердить, что они безполезны и вредительны обществу; кои за то, что дѣлаютъ насъ глупыми, деньги наши въ награжденiе получаютъ?

Дотолѣ дошло безумiе и развратность свѣта, что какъ важные и мудрые мужи за безчестiе себѣ разговоры неспокойныхъ и легкомысленныхъ людей вмѣняютъ; такъ знаменитые Государи за честь и славу себѣ поставляютъ, ежели въ домахъ своихъ шутовъ и смѣхотворцовъ имѣютъ. И по истиннѣ ежели бы въ семъ мѣстѣ прiостановились, было бы сносно; но что скажемъ, временемъ столь легкомысленны господа, и столь разумны шуты бываютъ, что больше печалятся господа, какъ шутамъ удовлетворить, нежели шуты, какъ господамъ угодить? Случается и сiе противъ всякой благопристойности, что шутъ живши въ Царскомъ или Княжескомъ домѣ одинъ годъ, большую вольность повелѣвать, нежели какой либо придворной чиновникъ, или предревнiй Министръ имѣетъ; поелику прiятнѣе суть дикаго глупыя и безумныя рѣчи, нежели всѣхъ благоразумныя услуги.

Срамно говорить и писать о толикомъ человѣческомъ легкомыслiи, что иные стараются о снисканiи себѣ прiязни у шута, дабы помощiю его исходатайствовать благоволенiе

 нiе

ніе Государя; не меньше какъ будто бы онъ былъ другой Цицеронъ, коегобъ защищеніемъ пользоваться могли въ Сенатѣ. Глупость разума, подлость особы, малодушіе сердца, и презрѣніе чести означается, ежели кто ходатаемъ въ дѣлахъ своихъ употребляетъ шута: ибо не весьма разуменъ тотъ, который въ милости шута полагаетъ свою надежду.

Но не все еще мы пересказали; остаются другія гнуснѣйшія обстоятельства; сирѣчь, что шутъ за единое похвальное восклицаніе, которое какому нибудь знатному Вельможѣ въ публичномъ мѣстѣ удачливо приписуетъ, безъ всякихъ другихъ заслугъ, получаетъ бархатное платье; по отшествіи же оттуда тѣ самые Вельможи, которые шутамъ дарятъ шелковыя пары, входя въ церковь, ни единой полушки не даютъ бѣдному и убогому человѣку. О нерадѣніе Государей! о легкомысліе Вельможъ! Того, что со избытками остается для шутовъ, не достаетъ убогимъ! Изобильно имѣютъ, что давать свѣту; и ничего, что давать Христу! Просящіе чрезъ любовницу желаемое получаютъ; просящіе же спасенія ради ихъ души отходятъ тщетно! чего по истиннѣ не должнобъ дѣлать: ибо знаменитый мужъ, который есть не порабощенной свѣту Христіянинъ, долженъ лучше желать, чтобъ убогіе по смерти его прославляли, нежели шуты и комедіянты въ жизни хвалили.

Какая душѣ или тѣлу польза, ежели шуты за данное одѣяніе тебя похваляютъ;

а

а убогіе за отказъ въ хлѣбѣ ругаютъ? Или столько же тебя воспользуетъ шутъ предъ Государемъ, ходя украшенъ новымъ твоей фамиліи одѣяніемъ; сколько повредитъ нищій предъ Богомъ, которому ты ветхую рубаху дать отрекся? Чего ради всѣхъ Христіянскихъ Государей, Кавалеровъ, Вельможъ, и прочихъ знаменитыхъ особъ именемъ распятаго Христа увѣщеваю, прошу и заклинаю прилѣжно разсматривать, что и съ кѣмъ иждиваютъ, что и кому даютъ, въ чемъ и кому отрицаютъ: понеже у добродѣтельныхъ Государей въ вящшемъ уваженіи должны быть убогихъ нужды, нежели шутовъ и комедіянтовъ забавы. Давайте, какъ угодно; раздѣляйте, какъ хотите; но въ день смерти сколько съ шутами за данное смѣялися, столько съ убогими объ отказанномъ плакать будете. Въ тотъ послѣдняго осужденія часъ наигорестнѣе будетъ умирающему, когда съ одной стороны нагіе члены сиротъ, а съ другой обремененныхъ одеждами своими шутовъ увидитъ.

Не могу довольно надивиться, что всякой безъ разбору человѣкъ глупымъ, хотя бы въ томъ ему и препятствовано было, сдѣлаться можетъ. Но когда принялъ на себя видъ сребролюбиваго и жаднаго шута или смѣхотворца; ниже цѣлой свѣтъ, чтобъ опять въ прежній разумъ пришелъ, сдѣлать не можетъ. И по истиннѣ хотя такой человѣкъ разума не имѣетъ; однако, для чего сей родъ жизни воспріялъ, причины не лишается; по тому что онъ выгоднѣйшее себѣ пропита-

ніе игрою, нежели другіе паханіемъ земли, или шитьемъ платья, пріобрѣтаетъ. Отъ небреженія высокихъ властей, и нерадѣнія правительствъ происходитъ, что юноша здоровой, разумной, сановитой, мужественной и сильной, за одно только то, что сказываетъ срамныя слова̀, и предавшись въ сумазбродное болтаніе или ласкательство, и изъ дому въ домъ, и отъ стола къ столу шатаясь, губитъ время; тотъ часъ по разсужденію всѣхъ похвалу забавнѣйшаго и пріятнѣйшаго, какого видѣла подсолнечная, шута получаетъ.

Къ тому хотя самое иногда (такъ сказать) безобразіе не бываетъ ихъ безобразнѣе, и всѣ они забавны, или незабавны будучи, не иное, какъ глупыхъ и несмысленныхъ мѣсто въ обществѣ занимаютъ; однако мы своимъ легкомысліемъ безуміе ихъ превосходимъ, равную цѣну имъ платя, естьли они непріятные и негодные, какъ ежели бы были забавные и утѣшные. Римляне въ обществахъ своихъ не терпѣли непріятныхъ комедіянтовъ; а мы Христіяне въ домахъ нашихъ терпимъ холодныхъ и грубыхъ шутовъ! Ежели правда, что жесточае грѣшитъ тотъ, который съ безобразною, нежели который съ пригожею женою плотски совокупляется, и тотъ, кто кислымъ, нежели кто добрымъ виномъ упивается; то вящшаго порицанія достойны тѣ, кои съ холодными смѣхотворцами, нежели которые съ пріятными и забавными шутами время погубляютъ: ибо съ пріятнымъ и забавнымъ человѣкомъ нѣсколько времени для увеселенія провождать, кажется сносно.

ГЛАВА 48.

Письмо Марка Аврелія Императора къ Еллеспонтскому Намѣстнику Ламберту, которымъ уведомляетъ его, что онъ комедіянтовъ изъ города выгналъ, и на тотъ островъ отвезть повелѣлъ. Раздѣлено отъ Автора на три главы. Сіе письмо прилѣжнаго вниманія достойно для тѣхъ, кои за честь и славу вмѣняютъ, ежели имѣютъ при себѣ шута.

Маркъ Аврелій, самодержавный Императоръ Римскій, обладатель Азіи, союзникъ Европы, другъ Африканцовъ, непріятель Мавританцовъ, Ламберту Еллеспонтскому здравія, благоволенія безсмертныхъ боговъ желаетъ.

Я и мѣхами, кои ты мнѣ прислалъ, одѣтой; и поясомъ, которой ты мнѣ подарилъ, подвязанной хожу; и охотничьими псами премного утѣшаюсь: ибо всѣ сіи вещи толь суть изрядны, что и тѣло ими наслаждаясь, и очи на нихъ взирая, и духъ пріятность чувствуя веселится. Подлинно, я не многихъ, да еще и забавныхъ вещей отъ тебя требовалъ; а ты мнѣ и многія и важныя прислалъ, отправя въ семъ случаѣ не Министра, но друга званіе. Понеже щедролюбивому и благородному духу, не токмо то, чего просятъ; но и о чемъ думаемъ, что просить будутъ други, давать свойственно.

Истин-

Истинно, ты больше въ услугѣ щедролюбія оказалъ, нежели я жадности въ прошеніи имѣлъ: ибо я отъ тебя, какъ и самъ ты помнишь, двѣнатцати мѣховъ требовалъ; а ты сто сорокъ четыре прислалъ: я шесть борзыхъ псовъ желалъ, а ты двѣнатцать изъ всѣхъ, кои на островѣ имѣются, лучшихъ прислалъ. И такъ чрезъ сіе и я честь получилъ, и ты добрую славу пріобрѣлъ. Ибо то, что я не многаго требовалъ, было знáкомъ умѣреннаго во мнѣ желанія; а что ты много прислалъ, было свидѣтельствомъ великаго твоего щедролюбія.

Чего ради и за присланное благодарю, и безсмертныхъ боговъ молю, да даруютъ тебѣ навсегда щастливую судьбину. Ибо мы за благодѣянія, какъ и самъ ты знаешь, можемъ благодарить, но не можемъ равной благодарности воздать. Кто благодѣяніе отъ кого либо воспріимать дерзаетъ, тотъ къ вѣчному служенію себя ему обязуетъ. Но какъ я не могу быть твоимъ слугою, то буду другомъ, которымъ больше, нежели онымъ, тебѣ утѣшаться должно. Потому что есть ли бы я былъ твоимъ слугою, со страхомъ тебѣ служилъ бы; а когда буду другомъ, то съ любовію тебѣ полезнымъ быть приложу стараніе.

Но да приступлю къ самому дѣлу, для коего письмо сіе писать вознамѣрился. Три, какъ видишь, корабля шутами, комедіянтами и смѣхотворцами нагруженные посылаю; однако посылаю не всѣхъ для того, что, есть-

ли

ли бы всѣхъ находящихся въ Римѣ безумныхъ сумазбродовъ послалъ, всей здѣшней странѣ необходимо нужнобъ было населенной и обитаемой быть иноземными народами. Искусство, въ которомъ они упражнялись, было сіе, что иные говорили забавныя или смѣшныя шутки при столахъ; другіе пѣли брачныя пѣсни на свадьбахъ; иные воспѣвали, или сказывали басни у воротъ; другіе представляли комедіи на площади; иныхъ Римскія госпожи употребляли вмѣсто шутовъ и посредственниковъ; иные составляли и читали книги наполненныя сумазбродныхъ и безстыдныхъ рѣчей: ниже лишались они слушателей въ своихъ школахъ. Увѣрь себя, Ламбертъ, столь хитро искусство свое преподавали сіи шуты, и толь переимчиво во обученіи онаго было городское юношество, что учителей три корабля въ себя вмѣстили, а учениковъ ни сто кораблей, кажется, вмѣстить не могутъ.

Одной вещи удивляюсь, и почти сказать, на боговъ негодую, что вихрь бурнаго вѣтра домы испровергаетъ, стремленіе рѣкъ мосты разрываетъ, иней винограды езнобляетъ, молнія и громъ высокія башни разбиваетъ, трясеніе земли зданія разсыпаетъ, испорченный воздухъ разумныхъ мужей умерщвляетъ; напротивъ же того дураковъ никакая смертоносная зараза не истребляетъ. О нещастной Римъ! кто со вниманіемъ тебя разсмотритъ, и прилѣжно изслѣдуетъ, тотъ въ тебѣ храбрыхъ полководцевъ, благочинныхъ Сенаторовъ,

ровъ, правосудныхъ Ценсоровъ, вѣрныхъ Вельможъ, и добродѣтельныхъ Государей недостатокъ обрящетъ; а безумныхъ шутовъ, комедіянтовъ и смѣхотворцовъ превеликое изобиліе найдетъ. Ахъ сколь благопріятную богамъ, и сколь полезную вещь отечеству нашему Риму ты сдѣлалъ бы, естьли бы за три корабля нагруженные дураками, по крайней мѣрѣ хотя одинъ наполненной мудрыми людьми къ намъ прислалъ.

Хотя бы я лучше желалъ о семъ умолчать; однако не могу удержаться, чтобъ не говорить; сирѣчь, я многихъ видѣлъ дураковъ, и многія слышалъ дурачества; но ничего глупѣйшаго, и ничего негоднѣйшаго никогда не видалъ, какъ сіе, что многіе въ Римѣ и Италіи знаменитые мужи за честь и славу себѣ вмѣняютъ, ежели въ домахъ своихъ шутовъ имѣютъ. Но я безумнѣйшимъ того, кто шута имѣть за славу себѣ поставляетъ, нежели самаго шута, признаваю: ибо глупой къ разумному присоединяясь, имѣетъ видъ разумнаго; разумный же къ глупому присовокупляясь, подаетъ очевидные знаки глупаго. Для чего человѣки ищутъ вещей смѣшныхъ, когда все въ свѣтѣ семъ есть суетнѣйшій смѣхъ? Для чего ищемъ глупыхъ, когда все, что ни говоримъ, или дѣлаемъ, есть пресущественная глупость? Для чего ищемъ шутовъ увеселенія ради ихъ притворными рѣчами, когда бѣдствія и горести наши суть непритворныя, но весьма справедливыя? Для чего утѣшаемся тѣми, кои ложью

намъ

намъ ласкательствуютъ, когда ни единой истины отъ нихъ не слышимъ? Для чего ищемъ притворныхъ дураковъ, когда мы всѣ по большей части сами бываемъ дѣйствительные глупцы?

Я вижу многихъ въ Римѣ, кои съ честными, мудрыми и благоразумными людьми обращаясь, сами однакожъ суть развратны, несмысленны и безразсудны; и съ глупымиль обращаясь, думаетъ кто либо, что они разумными будутъ? Нѣтъ не правда. Но какъ чрезъ обращеніе съ кроткими кротокъ, съ свирѣпыми свирѣпъ, съ лживыми лживъ, съ правдивыми правдивъ; такъ съ глупыми глупъ человѣкъ сдѣлается: ибо какіе учители, коихъ имѣемъ, и правила, кои слушаемъ; такія суть и знанія, коимъ обучаемся, и дѣйствія, въ коихъ упражняемся.

Когда Діонисій, славнѣйшій Сицилійскій тираннъ, спросилъ Діогена: Какаго состоянія людей въ домѣ своемъ кому либо имѣть, и какимъ сокровищъ своихъ удѣлять должно? То Діогенъ такъ ему отвѣтствовалъ: Разумный мужъ, чтобъ спокойно могъ жить въ своемъ обществѣ, и видѣть богатство свое не во зло употребляемое, къ сожитію и обращенію своему долженъ допускать только стариковъ, для полученія отъ нихъ совѣтовъ; юношъ, для употребленія ихъ прислугъ; друговъ для утвержденія на ихъ благопріятствѣ; и убогихъ, для прославленія себя ихъ языкомъ. Сей Философовъ отвѣтъ хотя весьма Діонисій похвалилъ; однако совѣтомъ онымъ пользоваться не умѣлъ, оказывая себя

не меньше въ расточенiи глупымъ, какъ и въ похищенiи тиранномъ. Естьли же справедливо сказанное Дiогеномъ, что пропитанiе должно давать старикамъ, служителямъ, другамъ и убогимъ; то посмотримъ, справедливо ли по какой нибудь изъ сихъ причинъ давать прокормленiе шутамъ и комедiянтамъ.

Во первыхъ, излишнее кажется мнѣ помышленiе, что шуты способны суть къ подаванiю намъ совѣтовъ, которые и для самихъ себя ни единаго совѣта не имѣютъ. Ибо кои добровольно сдѣлали себя глупыми, тѣхъ какъ разумныхъ почитать и содержать было бы весьма глупо.

Во вторыхъ, кажется нѣтъ ничего тщетнѣе, какъ сiе помышленiе, что шуты на подобiе рабовъ служить намъ будутъ. Ибо сiи нещастные люди, для единственнаго избѣжанiя трудовъ, принялись за толь безчестное художество.

Третiе, стыдно и укорительно кажется всякому разумному и благородному мужу въ сердцѣ своемъ намѣренiе полагать, чтобъ шута имѣть вмѣсто искренняго друга: ибо такiе люди между истинными другами считаться не долженствуютъ, и не могутъ, которые не ради достоинства и добродѣтели, но для богатства насъ любятъ.

Четвертое, излишнее есть помышленiе, что справедливо пищу шутамъ какъ бѣднымъ и убогимъ давать. Ибо не можемъ мы сказать, что такiе люди нищетою утѣсняются,

не

но богатства не имѣютъ, и глупостію изобилуютъ.

Естьли же шуты и комедіянты, щитаться между другими, безчестны; быть служителями не способны; подавать совѣты, несмысленны: то богатство свое кому либо на глупыхъ людей иждивать, мнѣ кажется весьма глупое дѣло. А какъ намѣренія токмо однимъ богамъ извѣстны, и человѣкамъ сокровенны: то добродѣтельные мужи благихъ или злыхъ намѣреній своихъ ни чемъ больше доказать, и яснѣе открыть не могутъ, какъ въ словахъ, кои говорятъ, и въ другахъ, коихъ къ себѣ присоединяютъ.

ГЛАВА 49.

Маркъ Аврелій продолжая письмо, говоритъ, что онъ въ Еллеспонтѣ, куда по повелѣнію его отвезены шуты, нашелъ многихъ погребенныхъ Философовъ; и между тѣмъ изъясняетъ причины, побудившія его къ ссылкѣ шутовъ и комедіянтовъ.

Вѣдай, Ламбертъ, что сей островъ посвященъ костямъ славныхъ мужей, кои отъ свирѣпыхъ Римскихъ Государей въ заточеніе посланы. Многіе похваляютъ сей островъ, что знатные Аметисты смирныхъ оленей, пригожихъ женъ, къ дому привыкшихъ волковъ, проворныхъ и быстрыхъ собакъ, пріятнѣйшіе вкусомъ овощи, и веселые источники водъ имѣютъ; а я оныхъ вещей ни хвалю,

ни хулю, которыми живые наслаждаются, ежели мертвыхъ съ ними сравню: ибо я дороже кости въ землю зарытые, нежели богатства на островѣ рожденныя ставлю. Ежели ты не вовсе потерялъ обоняніе, то какъ мнѣ островъ оный пахнетъ благоуханіемъ людей мудрыхъ, такъ тебѣ Римъ будетъ пахнуть злосмрадностію несмысленныхъ невѣжъ, потому что иногда сноснѣе терпѣть смрадъ изгнившаго звѣря, нежели слушать слова легкомысленнаго человѣка.

Я по окончаніи Азіатскихъ браней, возвращаясь, прошелъ чрезъ оной островъ, гдѣ всѣхъ живущихъ народовъ селенія, и всѣ умершихъ Философовъ гробы посѣтилъ; которая область, повѣрь мнѣ, Ламбертъ, будучи весьма жестока, премного меня изнурила. Ибо я на землѣ многіе труды понесъ, а на морѣ многія бѣдствія и опасности претерпѣлъ. Въ самомъ городѣ Орбитѣ, гдѣ ты имѣешь свое жительство, найдешь нынѣ въ срединѣ площади гробъ Паминія Философа, котораго тѣснѣйшая съ Овидіемъ дружба мало воспользовала, и напротивъ того съ Августомъ Императоромъ вражда премного повредила. За двѣ мили отъ Теофонта найдешь подъ Арпинскими камнями гробъ преславнаго Оратора Армена, неправедно сосланнаго въ заточеніе отъ Консула Силлы. И по истиннѣ, когда много пролито крови, чтобъ Силла въ городъ не вошелъ; не мало пролито и слезъ, когда сей Философъ изъ Италіи во изгнаніе посланъ былъ.

Въ Аргонавтской пристани, въ мысу, подъ камнемъ найдешь кости Еліодора Философа, который древніе законы собралъ, и новые обычаи вводящимъ жесточайшій непріятель былъ. Сей добродѣтельнѣйшій Философъ въ щастіи и неистовствѣ Маріановъ въ заточеніе сосланъ, не за обиды, которыми ихъ озлоблялъ; но пороковъ ради, за которые имъ выговаривалъ. Въ Гелинскихъ поляхъ имѣется лѣсная ограда, внутрь коей лежатъ кости Филиппа Септена, который столько въ семи свободныхъ наукахъ искусенъ былъ, какъ будто бы самъ оныя изобрѣлъ. Онъ сосланъ отъ Нерона за то, что вельми свирѣпо и сурово управляющему обществомъ, милосердіе наблюдать совѣтовалъ.

На тѣхъ же Гелинскихъ поляхъ внѣ рощи, къ полуденной сторонѣ, найдешь гробъ Вултурна Философа, преискуснаго въ Астрологіи, которая однакожъ ему къ избѣжанію ссылки не пособила. Сосланъ же онъ отъ нещастнаго М. Антонія не по собственному Антоніевому хотѣнію, по тому что никогда и ни чемъ его не оскорбилъ; но чрезъ побужденіе Антоніевой любовницы Клеопатры, которая смертельною ненавистію и злобою на него враждовала. Ибо непохвальнаго и зазорнаго житія женщины часто досаду и лютость своихъ сердецъ чрезъ любовниковъ отмщаютъ. Я видѣлъ кромѣ того и еще наономъ островѣ многіе гробы, коихъ имянъ, хоть на нѣкоторой бумагѣ и записаны, не помню; пусть будетъ довольно и того, что я не желаю

считаться добрымъ и вѣроятія достойнымъ человѣкомъ, ежели всего такъ, какъ отъ меня сказано, не найдешь.

Но повѣрь мнѣ, *Ламбертъ*, что я посѣщая оные гробы, толикое почтеніе сдѣлалъ мертвымъ, коликое повиновеніе оказали бы ученики живымъ: ибо во все то время очи мои такъ въ слезахъ утопали, какъ кости ихъ землею покрыты лежали. Ниже за учиненныя злодѣйства и преступленія, или за оскорбленіе общества сіи Философы въ заточеніе сосланы были; но беззаконія предковъ нашихъ заслужили, чтобъ они толь знаменитыхъ Философовъ сообщенія лишились, и чтобъ мы ихъ потомки костей славныхъ мудростію мужей не имѣли. Трудно сказать больше ли оному острову завидовать, или о нещастномъ Римѣ сожалѣть должно: ибо оный гробами мертвыхъ есть безсмертенъ; а сей житіемъ живыхъ безславенъ и безчестенъ.

Прилѣжно тебя какъ друга прошу, и накрѣпко тебѣ какъ Вельможѣ повелѣваю, жалованныя отъ меня сему острову преимущества, цѣло и ненарушимо соблюдать: ибо не одинождды, но стократъ справедливо, украшеннымъ быть городамъ преимуществами отъ живыхъ, кои толикою сіяютъ красотою мертвыхъ.

О ссылочныхъ же невольникахъ узнаешь все дѣло подробно отъ приставленнаго къ нимъ начальника: понеже естьли бы я началъ сіе нещастное приключеніе изъяснять такъ, какъ оно въ самой вещи происходило; и мнѣ бы-

было бы писать трудно, и тебѣ читать скучно и досадно. Довольно будетъ для нынѣшняго времени сказать, что въ день праздника матери Верекинѳіи, великое въ Римѣ по причинѣ комедіянтовъ и пантомимовъ сдѣлалось смятеніе, и я безъ всякаго сумнѣнія побожиться могу, что больше на улицахъ пролито крови, нежели на ономъ праздникѣ выпито вина. Нижѐ думай, чтобъ я говорилъ несправедливо, когда говорю, что столько пролито крови, сколько выпито вина: ибо, какъ и самъ ты знаешь, до толикаго нынѣ безумія дошли Римскіе граждане, что въ оный день кто всѣхъ наибольше пьянъ былъ, тотъ всѣмъ наибольшую жертву богамъ приносилъ.

Хотя же я ужасаюсь помышляя о свирѣпствахъ и неистовствахъ, кои въ тотъ день собственными глазами совершаемыя видѣлъ; однако гораздо больше стыжусь воображая себѣ въ мысляхъ то, что о насъ въ иностранныхъ царствахъ говорить стануть: ибо стыдливые и благороднымъ духомъ одаренные мужи не столько уважаютъ великую рану; столько досадуютъ, что оная отъ подлаго и непотребнаго человѣка нанесена. Много между собою разнствуютъ сѣти, кои мы въ птицеловствѣ употребляемъ; и не меньше различествуютъ уды, коими ловятъ рыбъ: подобнымъ образомъ много разнствуетъ мечь, коимъ тѣло поражается, отъ того, которымъ сердце уязвляется. Ибо тѣлесныя раны исцѣляютъ лѣкари; а душевныя скорьби врачуютъ одни только боги.

Я вижу, что Римъ никогда отъ мудрыхъ людей непобѣдимой, нынѣ попранъ ногами шутовъ и комедіянтовъ. Вижу, что въ Римѣ, къ стѣнамъ коего и самые Карѳагенцы никогда приступить не могли, нынѣ стогны и улицы вооруженными пантомимами, шутами и комедіянтами занимаются, наполнены, заняты. Надъ Римомъ всѣхъ царствъ торжественнымъ побѣдителемъ, нынѣ уже шуты и комедіянты торжествуютъ побѣдой. Наконецъ, мы видимъ, что Римъ, который въ древнія времена прежде ва́рварамъ давалъ законы, нынѣ самъ сдѣлался рабомъ и невольникомъ глупыхъ безумныхъ. Которая вещь мнѣ толь досадна и прискорбна, что я не знаю, что говорить, и что писать должно. Но одно сіе меня утѣшаетъ, поелику и Римъ, и Римляне не съ кѣмъ либо, какъ только съ глупыми и безумными веселятся; напослѣдокъ не иными, какъ точію руками глупыхъ и самъ и чада его наказаны будутъ. Да и необиженъ бы былъ, по моему мнѣнію, отъ боговъ, естьли бы о томъ, о чемъ шутя съ комедіянтами смѣялся, нѣкогда вправду съ ними восплакалъ.

Естьли же скажешь, Ламбертъ: поелику Государи должны всѣмъ равномѣрное и равновѣсное оказывать правосудіе; и поелику мы на многія другія беззаконія вправду совершаемыя сквозь пальцы смотримъ, молчаніемъ преходимъ, снисходительствуемъ: то для чего бѣдненькимъ, коихъ всѣ дѣйствія были шуточныя, не прощаемъ и не жалѣемъ? Безъ сомнѣнія у-

вѣрь

вѣрь себя, что естьли бы ничего болѣе, какъ ты думаешь, не было, хотя бы и самое тяжчайшее и величайшее было ихъ преступленіе, однако вящшее было бы мое милосердіе. Но я ихъ не столь за пролитіе крови, какъ за развращеніе премногихъ нравовъ послалъ въ заточеніе. И да паки повторю, не столько я ихъ какъ предводителей нѣкоторыхъ убивствъ, сколько какъ учителей и наставниковъ многихъ лжей и клеветъ отправилъ въ ссылку. Понеже безконечно вящшее есть оскорбленіе боговъ, и тяжчайшій есть вредъ общества, которой комедіянты представленіемъ шутокъ мудрыхъ людей разума лишая, нежели которой человѣкоубійцы, враговъ своихъ жизнь отнимая и умерщвляя, наносятъ.

Сіе единое себѣ смѣхотворцы, шуты, поединщики и комедіянты за предметъ полагаютъ, сирѣчь, совѣтовать людямъ, чтобы шутя говорили, шутя дѣлали, и печаль отъ себя прогоняли; единствено на тотъ конецъ, дабы частію имѣнія ихъ воспользоваться. О когда бы довольствуясь однимъ имѣніемъ, разума у насъ не похищали!

Сципіонъ Африканскій, по окончаніи Пуническихъ браней, хаживалъ по городу не множествомъ храбрыхъ полководцовъ, но толпою алчныхъ ласкателей и шутовъ окружаемъ; что усмотря нѣкоторый Философъ, такъ ему сказалъ: Поелику много про тебя, Сципіонъ, говорено, и мало нынѣ тѣхъ вещей въ тебѣ видно; то лучше бы было тебѣ въ Африкѣ умереть, нежели въ Римъ возвра-

 тить-

титься. Ибо отсутствующаго дѣла всѣхъ приводили въ удивленіе; а присутствующаго легкомыслія въ соблазнъ приводятъ. И тебѣ безчестно, и священному Сенату укорительно, что ты побѣдивъ толь сильныхъ Государей въ Африкѣ, одними шутами и комедіантами окружаемъ, ходить по городу отваживаешся. Не въ толикой, повѣрь мнѣ, Сципіонъ, опасности жизнь твоя находилась между непріятелями, въ коликой находится слава твоя между шутами. Рѣчь сія была сама по себѣ преизрядная, но весьма худо принята злобою человѣческою. Ибо не много спустя времени послѣ того старикъ оный скудный имѣніемъ, и изобильный ученіемъ, отъ Сципіоновыхъ друговъ сосланъ былъ въ заточеніе, и отвезенъ въ сей островъ.

ГЛАВА 50.

Маркъ Аврелій заключая письмо, упоминаетъ причину и время, въ которое сперьва шуты и комедіанты въ Римѣ приняты; и между тѣмъ показываетъ, что многіе изъ нихъ были весьма богатые.

По прибытіи комедіянтовъ и шутовъ на томъ островѣ, отпусти ихъ на свободу, и не отнимай ничего изъ имѣнія: однако старайся при томъ ихъ увѣщавать, чтобы они въ художествѣ своемъ упражняться не дерзали. Естьли же сіе сдѣлать отважатся, то жизнь, которую мы имъ здѣсь даровали, от

нять у нихъ ты тамо можешь. Единое тебѣ подтверждаю, и прошу не забывать, сирѣчь принуждать ихъ къ нуждамъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускать шататься праздно. Ибо праздность всѣхъ, какіе только на человѣка упадаютъ, пороковъ, и всѣхъ въ обществѣ смятеній и неустройствъ есть источникъ. Поелику мы ничего болѣе не знаемъ, кромѣ трудиться; а комедіянты и шуты ничего не умѣютъ, кромѣ жить праздно; то справедливѣе, кажется, они могутъ назвать насъ малоразумными, нежели мы ихъ глупыми; ибо напрасно тѣ называются глупыми, кои столько разумны, что чужимъ трудомъ питаются. И ежели разсудить, сколь мы шутовъ презираемъ, и уважить, сколько напротивъ того о себѣ высокоумствуемъ; то справедливѣе, повѣрь мнѣ, Ламбертъ, они насмѣхаются нашимъ дѣламъ, нежели мы смѣемся ихъ словамъ. Ибо вящшую пользу они изъ нашего имѣнія получаютъ, нежели мы выгоду и увеселеніе изъ ихъ глупости пріобрѣтаемъ.

Въ лѣто отъ созданія города двѣсти шестоенадесять, жесточайшее напало на Италію повѣтріе, по прошествіи коего, не о исчисленіи многихъ тысячь умершихъ, но о сочиненіи малаго количества въ жизни оставшихъ стараніе было прилагаемо. А какъ толь истощенъ былъ городъ, и толь опустошена Италія; то для единственнаго увеселенія народа, и не толикаго опустѣнія города, въ первые и позорища изобрѣтены, и комедіанты приняты. До тѣхъ же временъ Римляне

ни-

ничего болѣе кромѣ жертвы приносить богамъ во храмахъ, и съ непріятелями оружіемъ ополчаться на поляхъ не знали. О вещь жалостная слуху! Лютость заразы не болѣе двухъ годовъ, а бѣшенство и неистовство комедіантовъ и шутовъ свыше четырехъ сотъ лѣтъ продолжалось. Ахъ сколь лучше бы было, не многимъ оставшимъ въ живыхъ, отъ заразы быть истребленнымъ, нежели толь непотребнымъ людямъ, и толь мерзскимъ обычаямъ въ городъ быть введеннымъ! Гораздо бы снослѣе было отечеству нашему Риму, не имѣть гражданъ, нежели изобиловать множествомъ шутовъ и комедіянтовъ.

Я не сомнѣваюсь, Ламбертъ, что невольники съ величайшими жалобами отсюда выѣхали, и что тѣ жалобы здѣсь начало возъимѣли, конца тамо имѣть не будутъ. Но мнѣ въ томъ нѣтъ нужды; ибо жалобы беззаконныхъ ничто иное суть, какъ правосудія учиненнаго противъ ихъ добродѣтельными подтвержденіе и похвала. Государи повелѣвая, и правительства повелѣнія исполняя, ни во что жалобы всѣхъ, кои на нихъ ропщутъ, вмѣнять должны, естьли только споръ справедливо разсужденъ, и никому подъ видомъ правосудія обиды не сдѣлано. Какъ въ похвалахъ для умноженія славы нашей, такъ въ ругательствахъ и укоризнахъ, для досажденія и уязвленія чинимыхъ, разумные люди прилѣжно смотрѣть должны, кто говоритъ, правду ли говоритъ, и съ какимъ преимуществомъ говоритъ: ибо какъ отъ добродѣтельнаго быть

хулиму, похвально; такъ и отъ беззаконнаго быть хвалиму, укорительно.

Съ самаго начала моей жизни, какъ свирѣпая судьба меня на свѣтъ произвела, ничего безполезнѣйшаго обществу, ни единой большей пщетныхъ человѣковъ суеты, ни единой вреднѣйшей бродягъ выдумки, и ни единой скучнѣйшей смертныхъ забавы я не видалъ, какъ шутовскія и комедіянтскія позорища. Ибо что безобразнѣе вздумать можно, какъ сіе, что единаго глупѣйшаго сумазброда легкомыслія къ помраченію многихъ мудрыхъ людей умовъ довольно? Что посмѣятельнѣе, какъ всѣмъ за справедливость почитать единаго холоднаго и глупаго шута слово, отъ многихъ мудрыхъ людей смѣхомъ и плесканіемъ рукъ должно быть подтверждаему и хвалиму? Что злопримѣрнѣе и соблазнительнѣе, какъ сіе, что въ чертогахъ знатныхъ Римскихъ Вельможъ глыпымъ двери всегда отверсты, а мудрымъ всегда заключены?

Что безчеловѣчнѣе, какъ сіе, что въ Римѣ Сенаторы и богатые люди больше даютъ комедіянту или шуту за смѣшное слово, нежели слугамъ за оказанную службу? Какая гнуснѣйшая можетъ быть татьба, какъ сія, что для охраненія поставленные войска въ Иллиріи нищенствуютъ, а шуты и комедіянты въ Римѣ вовсе изобилуютъ? Что городу безчестнѣе, какъ сіе, что въ прошедшія времена, вящшія богатства и великолѣпнѣйшіе въ память свою знаки въ Италіи шуты и комедіянты смѣхотворствомъ, пѣніемъ и игра-

играніемъ пріобрѣтенныя оставили, нежели всѣ полководцы мужественными побѣдами и оружіемъ себѣ пріобрѣли? Видишь, Ламбертъ, какое между полководцами и комедіянтами находится различіе? Между тѣмъ какъ сіи легкомыслія своего сѣмена разсѣвая, по цѣлому городу бродили; тѣ иждивая имѣніе, подвергая опасности жизнь, ополчаясь съ варварскими народами, и проливая собственную кровь, различныя царства проходили.

Когда въ дальней Ишпаніи Цeлтиберцы производили войну съ Гадитанцами; то Целтиберцамъ въ самое нужное время имѣющимъ недостатокъ въ деньгахъ, два комедіянта обязались, на всѣ расходы чрезъ дву годовое время давать отъ себя потребную сумму: и такъ двухъ глупыхъ богатствомъ многіе побѣждены мудрые.

Когда въ Азіи царствовали Амазонки, то выстроили величайшій Діанѣ храмъ; и ежели исторіямъ вѣримъ, у единаго только Пантомима отнятымъ богатствомъ сей великолѣпнѣйшій храмъ устроенъ. Ежели Египетскія исторіи насъ не обманываютъ: то Кадмъ Царь, который славной городъ Ѳивы о стѣ башняхъ создалъ, на толь чудное и ужасное строеніе не столько отъ всѣхъ союзниковъ и подданныхъ, сколько отъ двухъ комедіянтовъ вспоможенія получилъ. Когда добродѣтельнѣйшій Императоръ Августъ кирпичныя городскія стѣны возобновилъ, и мраморныя сдѣлалъ; то на сіе толь богатое и великолѣпное зданіе болѣе отъ двухъ комедіянтовъ въ рѣкѣ утопленныхъ

о-

оставшаго наслѣдства, нежели отъ всего народа подати получилъ.

Во время бытности моей въ Коринѳѣ, видѣлъ я предревній гробъ, въ которомъ, сказываютъ, перьвый Коринѳскій Царь положенъ, о коемъ одни историки повѣствуютъ, что поединщикомъ, другіе, что гостинникомъ, а иные, что шутомъ и комедіянтомъ былъ. Но какъ бы то ни было, онъ подлинно отъ шуточнаго художества вправду достигъ къ пріобрѣтенію царства. Посмотри же, сколь мало пекутся о насъ боги, сколь различные бываютъ случаи щастія, и сколь должно презирать временная благая сея жизни; когда равно славными учинилися тѣ, кои глупы, и тѣ, кои разумны были. Единая только вещь въ комедіянтахъ мнѣ понравилась, что они присутствуя всѣхъ ложными словами на смѣхъ возбуждаютъ; отходя же всѣхъ печальными о потеряніи денегъ оставляютъ. По истиннѣ происходитъ сіе дѣйствіемъ правосудія боговъ, чтобъ тѣ, кои вмѣстѣ суетнымъ увеселеніемъ наслаждались, послѣ разлучась, тотчасъ утрату свою оплакивали.

Болѣе ничего писать не имѣю. Употребилъ же я въ семъ письмѣ Греческой языкъ, дабы всѣмъ островскимъ жителямъ читать было можно. Корабли наискоряе отпусти; ибо необходимая нужда требуетъ, чтобъ они къ войску отвезли провіянтъ въ Иллирію. Впрочемъ желаю тебѣ, Ламбертъ, спокойной жизни, а себѣ здравія и добраго щастія. Свидѣтельствуетъ тебѣ почтеніе Сенатъ, и

объ опредѣленномъ тебѣ на другой годъ правленіи посылаетъ грамоту. Въ новой годъ ты можешь насъ поздравить по обыкновенію. Кланяется тебѣ Фавстина, и дочери твоей посылаетъ многоцѣнной поясъ; а я съ моей стороны въ награжденіе твоихъ заслугъ посылаю тебѣ два драгоцѣнныя ожерелья, двухъ минаходцовъ, и вексель надписанной на четыре тысячи червонныхъ. Маркъ уроженецъ горы Целійской писалъ собственною рукою.

ГЛАВА 51.

Великіе Государи и Князи должны то, что они суть смертные, памятовать; ниже для многихъ роскошей и утѣхъ, коимъ въ жизни сей наслаждаются, помышленія, чемъ они по смерти будутъ, вовсе отлагать. Включаетъ же Авторъ достопамятныя мнѣнія, внушающія не бояться смерти.

Клеобъ и Битонъ сыновья славной женщины бывшей священнослужительницею Юноны, когда наступалъ оной богини праздникъ, приготовили колесницу, чтобы отвезть мать свою ко храму по обыкновенію Грековъ, которые крѣпко наблюдали жрецовъ и жрицъ къ торжественнымъ и узаконеннымъ жертвоприношеніямъ или относить въ портшезахъ, или отвозить на колесницахъ; толь свято почитая свои храмы, толь дорого поставляя свои жертвоприношенія, и въ толикомъ почтеніи содержа своихъ священниковъ, что ежели ногою

жрецъ къ землѣ прикоснулся, ни подъ какимъ видомъ въ тотъ день жертвы приносить его не допускали. Когда же оная священнослужительница купно съ сыновьями Клеобомъ и Битономъ въ намѣренной путь ѣхала спокойнымъ образомъ, то вдругъ запряженныя въ колесницу лошади пали бездушны, въ разстояніи около десяти миль отъ храма Юноны.

Сыновья видя, что за падежемъ лошадей пріостановилась колесница, и матери ногами итти пѣшей было недостойно, а другихъ въ готовности нѣтъ: какъ добрымъ дѣтямъ приличествовало, взложивъ на себя хомуты, и запрягшись въ шоры, по подобію скотовъ везть колесницу вознамѣрились. И такъ сдѣлалось, что какъ ихъ мать девять мѣсяцей въ утробѣ носила, такъ и они десять миль и ее, и колесницу на хребтахъ своихъ влекли. Когда же премногіе изъ разныхъ странъ народы къ торжественному жертвоприношенію Юноны съѣхались, и усмотрѣли, что Клеобъ и Битонъ запряженные въ колесницу, везутъ мать свою во храмъ; то отъ великаго удивленія, единогласно судили ихъ достойными быть особливыхъ награжденій; и по истиннѣ не безъ справедливости, поелику они въ самой вещи то заслуживали. Ибо въ толикую цѣну считать должно показанной ими примѣръ, чтобъ всякъ своему отцу такое отдавалъ почитаніе, какое они матери своей, везши ее хребтами своими, учинили.

По окончаніи жертвоприношенія, мать отъ великой радости не зная, чемъ наградить сыновей за толь похвальное дѣло, просила со слезами Юнону о умоленіи прочихъ союзныхъ ей боговъ, дабы они сыновьямъ ея за толикую ихъ набожность благоволили даровать то, что есть наилучшее, которое они любимымъ своимъ угодникамъ обыкновенно даруютъ. Богиня изрекла ей во отвѣтъ, что и предъ нею молитвы ея благопріятны и справедливы, и прочіе боги желанія ея исполнить согласны. Награжденіе, которое Клеобъ и Битонъ за толь отмѣнную набожность воспріяли, было такое, что, когда послѣ ужина съ матерью будучи совершенно здоровы, легли спать, найдены поутру мертвые.

Когда же мать жестоко рыдая о смерти сыновей, жаловалась и роптала на боговъ; то сказала ей Юнона: Несправедливо ты дѣлаешь, что плачешь и вопишь. Мы даровали тебѣ то, чего ты просила, и сама ты просила того, что мы тебѣ даровали. Я богиня, а ты моя священнослужительница; и для того сыновьямъ твоимъ боги даровали то, что имѣютъ наилучшее, сирѣчь смерть. Ибо тяжчайшій мщенія родъ, которой мы на враговъ своихъ изливаемъ, есть тотъ, что попускаемъ имъ долго жить; наилучшій же, которой любимцамъ нашимъ представляемъ, есть сей, что даруемъ имъ скоро умереть. Сію исторію повѣствуетъ Дицеархъ въ кн. о дѣл. гражд. и Цицеронъ въ I. Тускул. вопрос.

Въ Дельфахъ, гдѣ Аполлонъ давалъ отвѣты, былъ великолѣпнѣйшій храмъ, который чрезъ долготу времени обвѣтшавши, угрожалъ паденіемъ, приключающимся обыкновенно съ огромными зданіями, ежели ихъ часто не починиваютъ и не обновляютъ. Понеже, естьли бы высокія каменныя стѣны, башни, за́мки, и огромные домы одарены были произношеніемъ слова; то и онѣ жаловались бы о своей вѣтхости такъ, какъ старики жалуются о ненѣжномъ и суровомъ съ ними поступаніи. Впрочемъ Трофоній и Агамедъ, славнѣйшіе между Греками мудростію и богатствомъ, отправясь ко храму Аполлонову, паки оной не безъ величайшаго своего труда и иждивенія возобновили.

По совершеніи же дѣла, когда Аполлонъ изрекши, что оказанное ему служеніе весьма благопріятно, позволилъ просить за трудъ награжденія, которое онъ имъ со всякимъ благоволеніемъ дать готовъ и долженъ: поелику богамъ свойственно за малое угожденіе множайшими воздавать щедротами; то Трофоній и Агамедъ отвѣтствовали Аполлону: Мы не инаго за усердіе, трудъ и иждивеніе награжденія желаемъ, кромѣ дарованія того, что человѣку можно дать наилучшее, и что для человѣка можетъ быть наиполезнѣйшее: ибо человѣки ни ко избѣжанію зла силъ, ни ко избиранію добра мудрости не имѣютъ. А какъ обѣщалъ имъ Аполлонъ, и оказанное ему служеніе наградить, и то, чего просили, дать; то въ седьмой послѣ того день, Тро-

 фоній

фоній и Агамедъ весело пируя, незапно предъ дверьми храма оба пали бездушны. И такъ воздаяніемъ трудовъ ихъ было избавленіе отъ труда.

Сіи два примѣра начерталъ я для того, дабы усмотрѣли всѣ смертные, что нѣтъ ничего толь полезнаго въ жизни, какъ конецъ жизни, которую оставить хотя иногда непріятно, но по истиннѣ весьма полезно. Кто бы не приписалъ путешественнику величайшаго неразумія, естьли бы онъ въ пути, гдѣ изобильной проливая потъ, съ пѣніемъ пѣсней шествовалъ, а потóмъ по окончаніи онаго заплакалъ? Не безуменъ ли мореплаватель, который о достиженіи пристани крушится? Не глупъ ли тотъ, который сразясь съ непріятелемъ о полученіи побѣды воздыхаетъ? Не сумазброднѣйшій ли тотъ, который будучи на крутой стремнинѣ о подаваемой ему помощи печалится? Но гораздо несмысленнѣе, безумнѣе, глупѣе и сумазброднѣе тотъ, который путешествуя ко смерти, соболѣзнуетъ и крушится о томъ, что умираетъ. Ибо смерть есть истинное убѣжище, совершенное здравіе, спокойное и безмятежное пристанище, всецѣлая побѣда, мяса безъ костей, рыба безъ ости, пшеница безъ плевъ; словомъ, по смерти мы ни о чемъ плакать, ничего желать, не имѣемъ.

Въ вѣкѣ Адріяна, когда нѣкоторая знаменитая и добродѣтельная госпожа Императорская родственница скончалась, Секундъ Философъ говорилъ на погребеніи ея рѣчь,

вѣ которой много злаго о жизни, и премного добраго о смерти сказалѣ. А какѣ спросилѣ его Императорѣ, что есть смерть? то отвѣтствовалѣ онѣ ему такимѣ образомѣ: Смерть есть вѣчный сонѣ, разрѣшеніе тѣлѣ, страхѣ богатыхѣ, желаніе убогихѣ, неизбѣжной жребій, неизвѣстное странствованіе, разбойникѣ человѣка, мать сна, бѣгство жизни, разлученіе живыхѣ, сотоварищество мертвыхѣ, свобода всѣхѣ, конецѣ трудовѣ, и заключеніе блудныхѣ похотей; словомѣ, смерть лютая мука беззаконныхѣ, и величайшее награжденіе добродѣтельныхѣ. Справедливо сказалѣ Философѣ; и естьли бы кто вникнувѣ во глубину словѣ его, прилѣжно разсмотрѣлѣ оныя: то поистиннѣ грѣшить не отважилсябѣ. Ибо какѣ текущей сѣ храминѣ капели паденіе камень выдалбливаетѣ; такѣ статься не возможно, чтобѣ помышленіе о смерти не принесло исправленія жизни.

Сенека вѣ 30 письмѣ говоритѣ, что Бассій Авфидій вопрошающимѣ, какое зло смерть вѣ себѣ заключаетѣ, по причинѣ котораго толь жестоко человѣки ее страшатся, отвѣтствовалѣ: Ежели вѣ семѣ обстоятельствѣ какое зло, или страхѣ бываетѣ; порокѣ есть умирающаго, а не смерти. Вѣ согласіе сего и мы сказать можемѣ, что какѣ глухой о согласіи Мусикійскомѣ, и слѣпой о цвѣтахѣ разсуждать не могутѣ; такѣ и тотѣ, который никогда не вкусилѣ и не отвѣдалѣ смерти, никакого зла о смерти сказать не можетѣ. Ибо изѣ всѣхѣ умершихѣ никто на смерть не-

не жалуется; а изъ не многихъ живущихъ всѣ на жизнь жалуются и ропщутъ.

Ежели бы нѣкоторые изъ мертвыхъ воскресши, съ живущими побесѣдовали, и какое сокровенное зло обрѣтается въ смерти, зная самымъ опытомъ, изъяснили; то справедливо бы было, чтобъ смерть казалась намъ страшною. Но для чего мы ради клеветы и хулы возносимой на смерть отъ такого человѣка, который никогда смерти не видалъ, не слышалъ, не осязалъ, не чувствовалъ и не отвѣдалъ, смерти ужасаемся, и оную ненавидимъ.

Конечно какое нибудь зло учинили въ жизни тѣ, кои смерти боятся, и оную хулятъ: ибо въ томъ страшномъ опредѣлительномъ часу, на ономъ жестокомъ судѣ, и добродѣтельные познаются, и беззанные открываются. Я не вижу ни единаго изъ Государей или Вельможъ, богатыхъ или убогихъ, здоровыхъ или немощныхъ, щастливыхъ или безщастныхъ, и наконецъ изъ всѣхъ живущихъ, которой бы на свою судьбу не жаловался, кромѣ однихъ умершихъ, кои во гробахъ спокойно и безпечально обитаютъ, не будучи ужѐ болѣе скупыми, жадными, сребролюбивыми, гордыми, лѣнивыми, честолюбивыми, тщеславными, похотливыми и волокитами: по чему согласно съ справедливостью, что безопаснѣйшее и спокойнѣйшее есть состояніе мертвыхъ, поелику мы не видимъ ни единаго недовольнаго онымъ.

Естьли скудные ищутъ обогащенія, печальные утѣшенія, и больные исцѣленія; то для чего толико ужасающіеся смерти, не ищутъ никакого средства, помощію бы коего не боялися оной? Я съ моей стороны совѣтую, добродѣтельно жить тому, кто не хочетъ бояться смерти. Ибо непорочная жизнь дѣлаетъ смерть безопасною. Божественный Платонъ Сократу на вопросъ: Какимъ образомъ онъ себя велъ въ жизни, и какимъ поступитъ въ смерти? отвѣтствовалъ: Вѣдай, что я во младолѣтствѣ старался хорошо жить, а нынѣ въ старости стараюсь хорошо умереть. Чего ради поелику я и жилъ благочинно, и смерти ожидаю радостно; мнѣ ни жизнь прискорбна, ни смерть страшна не будетъ. Приличная по истиннѣ рѣчь толикому мужу.

Весьма соболѣзнуютъ мудрые мужи, видя себя, что трудилися, и никто за трудъ ихъ не награждаетъ; наблюдаютъ вѣрность, и никто вѣрности ихъ не соотвѣтствуетъ; премногія услуги оказали другамъ, о иные неблагодарны бываютъ; достойны чести, и никто почтеннаго мѣста имъ не уступаетъ. Понеже благороднымъ сердцамъ не досадно, что плодовъ своего труда лишаются; но жестоко прискорбно, что труда ихъ никто не признаваетъ и не почитаетъ. О блаженные умирающіе, которые безъ сей досады и печали каждый во своихъ гробахъ почиваютъ! На ономъ судѣ толь равномѣрное всѣмъ оказывается правосудіе, что какое мѣсто мы

заслужили въ жизни, въ такомъ и вселяемся по смерти. Не было, нѣтъ, и не будетъ никогда толь справедливаго, и правду хранящаго судіи, который бы награжденія и наказанія опредѣлялъ по мѣрѣ; но иногда неповинные наказуются, а виновные свобождаются; непорочные утѣсняются, а злодѣямъ прощается: ибо тяжущемуся лицу очень мало пользы изобиловать правдою и истинною, ежели судія совѣсти не имѣетъ. Но въ смерти нѣтъ ничего таковаго; пусть всѣ безъ сумнѣнія себя увѣрятъ, что кто имѣетъ справедливое дѣло, тотъ и о согласномъ съ правдою рѣшеніи безпокоиться не будетъ.

Во время правленія Ценсурою въ Римѣ отъ Катона Ценсорія, нѣкоторый знатный гражданинъ, величайшую изъявилъ въ смерти крѣпость духа, коего мужество и изреченныя имъ слова, прочіе граждане похваляли; то Катонъ Ценсорій и словамъ и похваламъ онымъ посмѣялся. Будучи вопрошенъ о причинѣ смѣха, вы, сказалъ, удивляетесь, для чего я смѣюся; а я смѣюся, что вы удивляетесь. Ибо уважа бѣдствія и злоключенія, съ которыми мы живемъ; и напротивъ того безопасность и спокойствіе, съ которыми умираемъ, большаго, по моему мнѣнію, мужества и крѣпости потребно жить, нежели смѣлости умереть. О семъ пишетъ Плутархъ въ Апоѳегматахъ. Я не могу противурѣчить, чтобъ не разумно сказалъ сіе Катонъ Ценсорій: ибо вседневно видимъ мы людей добродѣтельныхъ и благочинныхъ во

гла-

гладѣ, жаждѣ, стужѣ, трудѣ, нищетѣ, безчестіи, печали, ненависти и злоключеніи живущихъ; которымъ всѣмъ бѣдствіямъ лучше бы было въ нѣкотрой день конецъ видѣть, нежели повсечасно оныя претерпѣвать: ибо меньшее есть зло честная смерть, нежели бѣдственная жизнь.

Сколь безразсудны человѣки помышляющіе, что одиножды только имъ умереть должно; хотя по сущей справедливости въ самой день рожденія нашего смерть начинается, и въ послѣдній день мы умирать перестаемъ. Ежели смерть ничто иное есть, какъ конецъ жизни, и конецъ всякой вещи: то можно сказать, что наше и младенчество, и отрочество, и юношество, и мужескій возрастъ суть мертвы, и старость умираетъ, и умереть имѣетъ: отъ чего происходитъ, что мы каждой годъ, каждой мѣсяцъ, каждой день, каждой часъ и минуту умираемъ, и такъ когда думаемъ, что безопасную жизнь провождаемъ; смерть напротивъ того повсюду спутешествующую имѣемъ. Я не вѣдаю, для чего человѣки толико ужасаются смерти; когда съ самаго того дня, въ которой они первой разъ свѣтъ узрѣли, вступили на путь смерти. Ибо ни единаго и никогда не было человѣка, который бы времени ко смерти не имѣлъ, и ни единъ отъ сего пути уклониться не могъ.

Сенека въ нѣкоторомъ письмѣ повѣствуетъ, что Римлянка, оплакивавшая сына безвременною смертію умершаго, на вопросъ Фило-

лософу: для чего оплакиваетъ сына? отвѣтствовала: Для того плачу, что только двадцать пять лѣтъ жилъ на свѣтѣ, хотя я ему пятьдесятъ лѣтъ жить желала: ибо матери толь горячо сыновей любятъ, что ни зрѣніемъ ихъ не насыщаются, ни оплакиванію ихъ конца не дѣлаютъ. Напротивъ чего отвѣтствовалъ ей Философъ: Скажи пожалуй мнѣ, жена, для чего ты не винишь боговъ, что они сыну твоему не за много прежде лѣтъ родиться благоволили; и жалуешся, что не другіе двадцать пять лѣтъ жить ему попустили? Рыдаешь, что очень рано умеръ, и не плачешь, что толь поздно родился? Повѣрь мнѣ жена, ежели ты объ одномъ плакать за напрасное считаешь, то и о другомъ плакать не должно: понеже безъ воли боговъ, мы ни смерти ускорить, ни жизни продолжить не можемъ.

Согласно сему Плиній Естественной исторіи кн. 7. въ 5 главѣ говоритъ: Наилучшій законъ, которой боги человѣческой природѣ предписали, есть сей, что никто не имѣетъ вѣчной жизни: ибо по причинѣ безмѣрнаго желанія долговременной жизни, никогда бы намъ съ симъ бѣдствіемъ разлучиться не восхотѣлось.

Когда два Философа предъ великимъ Ѳеодосіемъ имѣли преніе, и одинъ изъ нихъ весьма упрямо утверждалъ, что полезно смерть себѣ опредѣлять, а другой также доказывалъ, что нужно жизнь ненавидѣть; то Ѳеодосій перервавъ ихъ рѣчь, говорилъ слѣдующимъ образомъ:

зомъ: Такъ нынѣ смертные человѣки мѣры въ ненавидѣніи и любленіи жизни не наблюдаютъ, что подъ видомъ должнаго любленія жизни горестною жизнь дѣлаютъ: ибо мы такія бѣдствія для сохраненія жизни претерпѣваемъ, что лучше бы было иногда оную утратить. Потомъ примолвилъ: До толикаго суетные человѣки дошли безумія, что еще и страхомъ смерти смерть себѣ ускорить стараются. О чемъ когда я разсуждаю, то по моему мнѣнію, кажется ни жизни излишно любить, ни съ презрѣніемъ жизни смерти искать не должно. Ибо крѣпкимъ и великодушнымъ мужамъ ни жизни, доколѣ продолжится, ненавидѣть; ни о смерти, когда прійдетъ, сокрушаться не прилично. Сіе Ѳеодосіево мнѣніе, какъ въ житіи его свидѣтельствуетъ Павелъ Діаконъ, всѣ похвалили.

Пусть и заподлинно говоритъ всякъ, что хочетъ; и совѣтуютъ Философы, что имъ угодно: я по моему скодоумію утверждаю, что тотъ только смерть безъ печали приметъ, кто къ воспріятію ея гораздо прежде себя пріуготовилъ: ибо всякая незапная смерть, не точію вкушающему горестна, но и слышащему страшна. Лактанцій въ 7 книгѣ при окончаніи говоритъ: Такъ человѣку жить должно, какъ будто бы чрезъ одинъ часъ ему умереть надлежало: ибо тѣ, кои смерть предъ глазами имѣть будутъ, статься не возможно, чтобъ и злымъ помышленіямъ мѣсто дали. Мнѣ съ Апуліемъ кажется единое безуміе, убѣгать того, чего избѣгнуть

гнуть не можно, и желать того, чего нельзя достигнуть. Говорится сіе для тѣхъ, кои смертнаго пути, когда шествіе есть необходимо нужное, возвращеніе же не возможное, отрекаются.

Долговременно шествующіе въ пути, ежели у нихъ чего нѣтъ, просятъ въ заемъ у товарищей; естьли чего позабыли, требовать онаго на станцію возвращаются, или по крайней мѣрѣ къ пріятелямъ пишутъ. Но увы! мы когда единожды умремъ, ни возвратиться намъ не позволятъ, ни говорить, ни писать тогда не возможемъ; но какими обрящемся, такими и осудимся, и всего ужаснѣе, въ одинъ и тотъ же день судъ и изречется, и ко исполненію отдастся.

Пусть Государи и Вельможи повѣрятъ мнѣ, и того, что въ жизни имъ сдѣлать можно, даже до смерти не отлагаютъ, не въ томъ, что завѣщали, но что сдѣлали, надежду полагаютъ; и не на чужія, но на собственныя дѣла уповаютъ: ибо и единый вздохъ вящшую будетъ имѣть силу, нежели всѣ въ свѣтѣ други. Того ради всѣхъ мудрыхъ мужей, и купно самаго себя увѣщаваю, прошу и молю, такъ жить, чтобы въ часъ смертный можно было намъ сказать, что мы живемъ. Не можемъ же сказать, что мы живемъ, когда живемъ худо: ибо сколько времени мы ни иждили безполезно, оное за ничто вмѣнится.

ГЛАВА

ГЛАВА 52.

О смерти М. Аврелія Императора, и сколь мало друговъ, которые правду больнымъ говорить смѣютъ; гдѣ между прочимъ изъясняетъ Авторъ, сколь достойны порицанія тѣ, кои еще будучи здоровы, ко смерти себя не пріуготовляютъ.

Когда ужѐ М. Аврелій Императоръ, какъ многими лѣтами, кои имѣлъ, такъ и величайшими военными трудами, кои понесъ, будучи истощенъ состарѣлся; осьмагонадесять царствованія, семдесять втораго житія, и пять сотъ сорокъ четвертаго года отъ созданія го́рода, производя войну въ Панноніи, именуемой нынѣ Унгаріею, и держа во осадѣ славнѣйшій городъ Виндобону, нечаянно пораженъ былъ параличемъ, чрезъ коего жестокость, и онъ жизни, и Римъ Государя, паче всѣхъ, коихъ имѣлъ, житіемъ непорочнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго лишился. Были между языческими Государями и другіе могуществомъ ему равные, богатствами превосходнѣйшіе, щастіемъ и мудростію подобные; но ни единаго непорочностію и святостію житія съ нимъ сравнить не должно. Ибо ежели наиприлѣжнѣйше разсмотрѣть и изслѣдовать жизнь его; много геройскихъ дѣлъ, подражанія достойныхъ, мало же порочныхъ, и порицаніе заслужившихъ обрѣтается.

Случай

Случай же болѣзни его былъ таковъ, что когда онъ съ Трибунами обходилъ стражи, вдругъ одно плечо поразилъ параличъ, такъ что ни платья надѣвать, ни сабли вынимать, нижѐ копья бросать не могъ. Чего ради добродѣтельнѣйшій Императоръ будучи не меньше обремененъ попеченіями, какъ и лѣтами, между тѣмъ когда день отъ дня больше свирѣпствовала зима, и великое множество водъ и снѣговъ покрывали лагери; въ новую болѣзнь, то есть летаргъ (или безпросыпной сонъ) впалъ: которая вещь варварамъ смѣлости, а его солдатамъ печали гораздо пріумножила; по тому что всѣ неиначе, какъ отца его любили.

По отвѣданіи же всего того, что только или отъ врачей вздумано быть могло, или въ лѣченіи такихъ и толикихъ Государей обыкновенно употребляется, вовсе ничто ко здравію не успѣвало; для того что и болѣзнь была собою прежестокая, и Императоръ отъ старости изнемогшій, и Климатъ тяжелой, и время неудобное, и сверьхъ всего печаль и грусть приступала: понеже безконечно тяжчайшая есть болѣзнь происходящая отъ неспокойствія и прискорбности духа, нежели которая раждающаяся отъ тридневной или четверодневной лихорадки; и для того удобнѣе вылѣчивается изобилующій испорченными соками, нежели обремененный глубокими размышленіями.

Впрочемъ когда за лютостію болѣзни лежа въ постелѣ, Императоръ принужденъ былъ

оставить все управленіе брани, и Кавалеры его для нападенія на непріятеля выступили изъ лагерей, равнымъ образомъ и Паннонцы для прогнанія ихъ вышли: то учинился между ими толь жестокой бой, что премного съ обоихъ сторонъ пролито крови, и по причинѣ толь кровавой битвы мало пользы Римляне изъ учиненнаго нападенія, а еще гораздо меньше Паннонцы изъ сраженія онаго получили.

О кровопролитіи извѣстясь Императоръ, тѣмъ наипаче, что убито пять Трибуновъ, и самъ онъ за болѣзнію на сраженіе не могъ присутствовать; вдругъ лишился чувствъ, и всѣ думали, что обморокъ прекратитъ жизнь его. Ибо три дни, и три ночи такъ лежалъ, что глаза его не видали свѣта, и уши не слышали слова. Между тѣмъ былъ жестокой жаръ, непрестанное безпокойство, безперерывныя томленія, неутолимая жажда, малояденіе и безсонница; сверьхъ всего того простыло и окрѣпло лице, и почернѣли губы. Временемъ поднималъ глаза, временемъ складывалъ руки; всегда молчалъ, непрестанно воздыхалъ. Языкъ его окостенѣлъ за сухостію, коего не могъ ничего выплевать, и наконецъ глаза его непрерывно слезами орошаемы были, такъ что жалостно было смотрѣть на его смерть; а еще печальнѣе взирать на смущеніе его дому, и полученной уронъ на брани.

Хотя же на все то премногіе въ присутствіи находившіеся храбрые полководцы, почтенные граждане, вѣрные чиновники, и старые дру-

други взирали; однако ни одинъ изъ ихъ съ Императоромъ говорить не осмѣливался, отъ части, поелику толь мудрымъ его признавали, что онъ никакого не требовалъ совѣта; а отъ части, что отъ несносной печали все время въ слезахъ провождали: ибо истинные и любимые други прежде, нежели умрутъ, оплакиванie заслуживаютъ. Весьма достойны сожалѣнія тѣ, кои умираютъ, не столько для того, что мы видимъ ихъ умирающихъ; сколько неимѣнія ради ни единаго друга, который бы посовѣтовалъ, что имъ дѣлать должно. Наипаче же умирающіе Государи и Князи въ большей, нежели кто либо изъ простолюдиковъ, опасности находятся: ибо ближайшій служитель, который господину своему о приближеніи смерти не смѣетъ сказать, гораздо меньше, какъ умереть, и что для очищенія совѣсти дѣлать должно, совѣтовать ему будетъ.

Многіе навѣщаютъ больныхъ, которые, лучше бы было, естьли бы никогда посѣщенія ради къ нимъ не приходили. Ибо они хотя у больнаго впадшіе глаза, изсохшія плоти, не имѣющія жильнаго біенія руки, распаленную желчь, непрерывную горячку, жестокое томленіе, частыя обмороки, окрѣплой языкъ, и изнуренную силу видятъ: однако, хотя толь ветхой и къ паденію склонной домъ, благонадежнымъ быть больному совѣтуютъ, по тому что еще многіе знаки жизни имѣются. Поелику всѣмъ младолѣтнымъ отъ естественнаго вдохновенія любезна жизнь,

и всѣмъ старикамъ прискорбна смерть; то хотя ужѐ дошло до конца; однако никакого лѣкарства не отрекаются, и о надеждѣ жизни, каковабъ она слаба ни была, не смущаются; отъ чего происходитъ, что сіи безщастные человѣки временемъ безъ исповѣданія грѣховъ, и безъ завѣщанія о возвращеніи причиненныхъ другимъ убытковъ, умираютъ.

Ахъ, ежели бы знали, сколько дѣлаютъ зла, кои сіе дѣлаютъ: ибо ежели кто отнимаетъ у меня имѣніе, гонитъ самаго меня, повреждаетъ мою честь, разоряетъ мой домъ, оскорбляетъ фамилію, обижаетъ родственниковъ, оговариваетъ жизнь; сіи дѣла суть досадительнаго непріятеля; но возпричинствовать пагубу души, есть дѣло адскаго демона. По истиннѣ непотребной демонъ, или непотребнѣе и самаго демона, кто обманываетъ больнаго, которому долженствуя быть помощникомъ доброй смерти, вмѣсто того покушается ласкать надеждою жизни; въ которомъ смятеніи тотъ, кто оное говоритъ, мало пріобрѣтаетъ, и кто вѣритъ, много теряетъ: ибо имѣющихъ умереть лучше по правилу совѣсти увѣщавать, нежели словами наполненными почтенія ласкать, и ложною надеждою обманывать.

Мы во всѣхъ случаяхъ мало противу друговъ учтивы и почтительны бываемъ въ жизни, и напослѣдокъ стараемся оказывать имъ почтеніе въ смерти; чего по истиннѣ дѣлать не прилично: понеже естьли бы изъ прежнихъ людей не было ни кого умершихъ,

и изъ нынѣшнихъ не видѣли мы нѣкоторыхъ повседневно умирающихъ; казалось бы тогда не только стыдно, но еще и страшно сказать больному, что одному ему умереть должно. Но когда равно, и ты и онъ знаете, что всѣхъ единая ночь, и единый путь смерти ожидаетъ; то для чего другу сказать, что онъ ужѐ къ концу пришелъ, опасаешся? Ежели бы нынѣ встали изъ гробовъ мертвые: ахъ сколь жестоко, и съ коликимъ огорченіемъ на друговъ, за единое токмо то, что не получили отъ нихъ никакихъ совѣтовъ въ смерти, жаловались бы? Ибо ежели другъ мой болѣнъ, умретъ ли, когда скажу ему, чтобъ онъ къ доброй смерти себя приготовилъ? Нѣтъ не правда. Но еще и самое искусство свидѣтельствуетъ, что, которые наилучше ко смерти приготовились, тѣ выздоравливаютъ; и тѣ, кои неготовы, умираютъ.

Приходящіе къ больнымъ посѣщенія ради какой вредъ дѣлаютъ, ежели совѣтуютъ и уговариваютъ ихъ, чтобъ они написали завѣщанія, исповѣдали грѣхи, очистили совѣсть, приняли церковныя тайны, и примирилися съ врагами? По истиннѣ все сіе ни къ жизни никакого препятствія не причиняетъ, ни къ доброй смерти вратъ не заключаетъ, и помѣхи не дѣлаетъ. Какая же слѣпота, толь слѣпая, или невѣжество толь глубокое быть можетъ, какъ ежели опасаешся и стыдишся совѣтовать, чтобъ больные дѣлали то, къ дѣланію чего и въ совершенномъ здравіи обязаны?

Впро-

Впрочемъ, какъ мы выше сказали, въ семъ случаѣ больше обманываются и живущіе и умирающіе Государи и Вельможи, коихъ други и служители не хотя опечалить, не смѣютъ изъяснять имъ наступающей великой опасности: ибо таковые други и служители, только бы въ духовномъ завѣщаніи что нибудь имъ было отказано, хорошо ли или худо Господинъ умираетъ, о томъ не радятъ нимало. Ахъ, сколь жалостно смотрѣть на умирающаго Государя, Вельможу, благороднаго, знаменитаго и богатаго мужа; ежели онъ не имѣетъ при себѣ вѣрнаго друга, который бы въ семъ наитруднѣйшемъ прехожденіи былъ помощникомъ! Да и ненапрасно говорю, что надобно имѣть вѣрнаго друга: ибо такихъ, кои бы въ жизни богатства нашего соучастниками были, много; но которые бы въ смерти пеклись о исправленіи совѣсти нашей, весьма мало обрѣтается.

Мудрые и разумные мужи, прежде нежели природа ихъ противу желанія ко смерти повлечетъ, добровольно умирать должны; то есть, прежде нежели послѣдней необходимости уставы приближатся, дѣла касающіяся до совѣсти приводить въ порядокъ: ибо ежели мы съ ума шедшимъ считаемъ того, кто море безъ корабля переплыть хочетъ; по истиннѣ за крайне несмысленнаго и безумнаго сочтемъ того, кто ко смерти, вовсе неготовъ приступаетъ. Что теряетъ разумный мужъ сдѣлавши завѣщаніе? Какой вредъ чести претерпѣваетъ тотъ, кто прежде смерти съ

 вра-

врагами, и тѣми, коимъ самъ не доброхотствовалъ примиряется? Какой ущербъ дѣлается почтенію и преимуществу того, который возвращаетъ въ жизни то, что должно по справедливости повелѣть, дабы возвратилъ въ смерти? Въ чемъ кто либо разумнѣйшимъ себя оказать можетъ, какъ ежели самъ съ себя добровольно слагаетъ и отдаетъ то, что послѣ по суду отъимутъ? Сколько Государей и Вельможъ, понеже одного дня на написаніе духовнаго завѣщанія употребить не хотѣли, сдѣлали, что дѣти и наслѣдники всю жизнь провели въ тяжбахъ и ссорахъ. И такъ думая, что они довольно дѣтямъ на содержаніе въ жизни оставятъ, на раздачу однимъ только опекунамъ и стряпчимъ оставили.

Всякой истинной и нелицемѣрной Христіянинъ ежедневно поутру такъ имѣніе свое располагать и жизнь исправлять долженъ, какъ будто не проживетъ до вечера; и въ такомъ состояніи принимать ночь, какъ будто завтрешняго дня не увидитъ: ибо, по справедливости сказать, къ сохраненію жизни безчисленные труды надобны; а къ паденію отъ смерти и единаго поткновенія довольно. Ежели слова мои достойны вѣроятія; то я никому не совѣтую, осмѣливаться жить въ томъ родѣ жизни, въ которомъ, естьли бы и цѣлой свѣтъ пріобрѣсть было можно, умереть не восхотѣлось бы. Богатые и убогіе, первые и послѣдніе, благородные и простолюдины, съ клятвою говорятъ, что

они боятся смерти; которыхъ я увѣщаваю, и заклинаю именемъ распятаго Христа, пусть вѣдаютъ, что мы одного только того истинно боящимся смерти признать можемъ, котораго какое нибудь исправленіе жизни предпринимающаго видимъ.

Того ради Государи и Вельможи должны прежде оставлять, нежели оставятъ; прежде дѣлать конецъ, нежели скончаются; прежде умирать, нежели умрутъ; и прежде погребаться, нежели погребены будутъ. Сіе ежели отъ самихъ себя истяжутъ и получатъ, такъ удобно оставятъ жизнь, какъ изъ единаго дому въ другой преселиться.

Всѣ почти тихо и медленно говорить, ходить, пить, ѣсть и спать желаютъ; а въ одной только смерти человѣкъ торопится. Не напрасно говорю, что человѣки поспѣшаютъ въ смерти, поелику видимъ мы, что они вдругъ очищаютъ совѣсть, скоропостижно пишутъ духовныя завѣщанія, исповѣдываются, и пріобщаются они такъ поздно, и такъ не благовременно требуютъ и принимаютъ святыя тайны, что скорѣе лишаются чувствъ и души, нежели оныя имъ принесутъ.

Какая надобность въ рулѣ по потопленіи пучиною корабля? Какая нужда въ оружіяхъ по окончаніи войны? Какая польза человѣкамъ въ пластыряхъ и припаркахъ по смерти? Равнымъ образомъ, что пользуетъ къ больнымъ, ужѐ лишившимся своего ума, призывать священниковъ, для исповѣданія грѣховъ? По истиннѣ худо возможетъ испо-

вѣдываться тотъ, у коего и къ покаянію нѣтъ уже разума. Какая прибыль приводить писца для замѣчанія дѣлъ, касающихся до совѣсти въ то время, когда уже больной потерялъ рѣчь?

Пусть не льстятъ себя человѣки, сказывая: въ старости очувствуемся, предъ смертію покаемся, при смерти ты исповѣдаемся, умирая возвратимъ: ибо по моему мнѣнію ни разумнымъ человѣкамъ, ни добрымъ Христіянамъ не прилично желать, чтобъ довольно времени имѣли къ согрѣшенію, и лишались онаго къ покаянію. Ахъ, когда бы человѣки того времени, которое они въ мысляхъ о злодѣяніи иждиваютъ, хотя третью часть на размышленіе о блачестной смерти употребляли! и то попеченіе, которое въ исполненіи злыхъ вожделѣній полагаютъ, въ истинномъ оплакиваніи грѣховъ полагали! Но увы! съ толикою безпечностію въ порокахъ и роскошахъ жизнь провождаютъ, какъ будто нѣтъ никакого Бога, который отъ нихъ нѣкогда востребуетъ отвѣта.

Весь свѣтъ скоропостижно во грѣхи, съ надеждою въ старости исправленія, и при смерти покаянія стремится. Но я желалъ бы знать отъ того, который съ сею надеждою согрѣшаетъ, откуда онъ получилъ свѣдѣніе, что достигнетъ старости; и кого порукою имѣетъ, что много дастся ему времени до смерти. Ибо, какъ очевидный опытъ свидѣтельствуетъ, многіе до старости не доживаютъ, и премногихъ незапная смерть похищаетъ.

Ни

Ни съ разумомъ, ни съ справедливостію несогласно, чтобъ на оплакиваніе всѣхъ цѣлой жизни нашей грѣховъ не болѣе, какъ единаго часа время намъ было потребно; когда мы въ одинъ день столько беззаконій совершаемъ, что на оплакиваніе ихъ и цѣлой жизни недовольно. По великости божественнаго милосердія, весьма довольно намъ одного часа на раскаяніе о беззаконной жизни. Однако я совѣтую, чтобъ, ежели грѣшникъ къ исправленію не болѣе, какъ одинъ часъ пріемлетъ, оной часъ не былъ послѣдній: ибо воздыханіе добровольно испущенное небеса проникаетъ, а нуждою извлеченное нижѐ кровлей не проходитъ. Истинно я хвалю и утверждаю, что посѣщающіе больныхъ увѣщаваютъ, дабы они исповѣдалися, пріобщалися, усердно молилися, Святыхъ призывали, и о грѣхахъ съ сожалѣніемъ воздыхали; словомъ, все сіе, по моему мнѣнію, весьма хорошо дѣлать; но гораздо лучше, естьли ужѐ сдѣлали: ибо искусный и осторожный мореплаватель во время величайшей въ морѣ тишины, къ понесенію бурной погоды приготовляется.

Желающій совершенно разсмотрѣть, сколь мало почитать должно богатство сея жизни, пусть идетъ въ домъ богатаго человѣка, приближившагося ко смерти, и лежащаго на постели, и увидитъ, какимъ образомъ отъ бѣднаго больнаго жена удѣлу, одна изъ дочерей третей, другая пятой части, сынъ права первородства, зять приданыхъ денегъ, лѣкарь платы, рабъ свободы, слуги жалованья,

 и

и заимодавцы долговъ просятъ; и всего же жалостнѣе, изъ тѣхъ, кои наслѣдниками богатствъ быть имѣютъ, нѣтъ никого, кто бы чашу студеной воды ему подалъ.

Тѣ, кои сіе или слышать, или читать будутъ, пусть разсуждаютъ, что, какой поступокъ въ смерти сосѣдей видѣли, такой и съ ними во время смертной болѣзни послѣдуетъ: ибо какъ только богатой человѣкъ глаза закрываетъ; тотчасъ жестокія между наслѣдниками ссоры вчинаются, не о томъ, кто изъ нихъ попеченіе о его душѣ на себя приметъ, но кто наслѣдникомъ имѣнія будетъ. Я не стану болѣе о семъ распространять изъясненія, поелику всего того какъ богатые, такъ и убогіе ежедневно опыты получаютъ; и разумнымъ людямъ извѣстныя вещи на память приводить довольно, хотя бы и ни малѣйшаго времени на совѣтованіе употреблено не было.

Впрочемъ М. Аврелій имѣлъ Секретаря, мудростію и добродѣтелію сіяющаго, коего попеченіемъ и трудомъ всѣ Государственныя дѣла отправлялися. Сей видя, что Государь его уже къ концу пришелъ, и никто изъ родственниковъ и друговъ не имѣлъ столько смѣлости, чтобъ могъ съ толь приближившимся ко смерти откровенно бесѣдовать, вознамѣрился самъ говорить рѣчь, которою и превосходство разума, и особливое къ Государю усердіе и любовь изъяснилъ. Имя же оному Секретарю было Пануцій, о коего добродѣтеляхъ и житіи Секстъ Херонейскій во описаніи житія Маркова упоминаетъ.

ГЛА-

ГЛАВА 53.

Рѣчь Секретаря Пануцїя, къ М. Аврелїю Императору ужѐ умереть имѣвшему, говоренная, которая по истиннѣ достойна запечатлѣнїя въ памяти.

Ужѐ, Пресвѣтлѣйшїй Государь, Маркъ Аврелїй, ни языкъ мой болѣе молчать, ни глаза̀ утаевать, ни сердце терпѣть, нижѐ самый разумъ того дозволить не можетъ. Ибо хладнѣетъ моя кровь, сохнутъ жилы, отворяются скважины, ослабѣваетъ духъ, и убѣгаетъ жизнь; чему причиною то, что ты здравыхъ и спасительныхъ наставленїй, которыя другимъ давалъ, или не можешь, или не хочешь употребить къ собственной твоей пользѣ. Я вижу, дражайшїй Государь, что ты умираешь, и не могучи тебѣ пособить, самъ умираю отъ печали. Но естьли бы боги жизнь твою взаимною вмѣсто оной смертїю искупить попустили, чтобъ хотя одинъ только день жизни тебѣ продолжили; то со всякимъ усердїемъ и охотою жизнь свою за тебя я положилъ бы.

Истинная ли, или притворная, которую я почувствовалъ, печаль, ненужно изображать словами: поелику наивѣрнѣйшїй свидѣтель сему есть лице мое: ибо и глаза̀ мои превратилися въ источники слезъ, и сердце премѣнилось въ море помышленїй. Я жестоко соболѣзную о твоемъ обхожденїи, котораго ли-

шиться должно; о ущербѣ, которой общество получитъ изъ твоей смерти, и сиротствѣ твоего дому; и наконецъ объ утратѣ, которую нынѣ терпитъ городъ; но паче всего духъ мой терзаетъ, что ты прежде живши какъ премудрый Философъ, нынѣ умираешь какъ простой невѣжа.

Вопрошаю тебя, Пресвѣтлѣйшій Государь, для чего человѣки обучаются говорить по Гречески? для чего стараются разумѣть по Еврейски? для чего толико трудятся въ Латинскомъ языкѣ? для чего столько времени провождаютъ въ Греціи, толикратно перемѣняютъ учителей, толь различныя прочитываютъ книги, и наконецъ столько денегъ и лѣтъ иждиваютъ на науки; кромѣ точію, чтобъ умѣли честно жить и великодушно умереть? Такой конецъ наукъ за предметъ себѣ поставлять должны человѣки, чтобъ научиться хорошо жить: ибо нѣтъ другаго толь истиннаго знанія, какъ, ежели человѣкъ жизнь свою наилучшимъ образомъ располагать умѣетъ. Какая мнѣ прибыль много знать, ежели я изъ онаго знанія никакой пользы не получаю? Что пособляетъ мнѣ всѣхъ иностранныхъ языковъ знаніе, ежели я своего языка отъ осужденія чужей жизни не воздерживаю? Какая польза, премногіе читать книги; ежели я оттуда ни чему иному, какъ только обманывать друговъ и ближнихъ, не научаюсь? Что пользуетъ мнѣ, знать силы планетъ, и движенія стихій; ежели я отъ пороковъ отвергаться не умѣю? Словомъ очень

чень мало пользы хвастать кому либо, что онъ учитель мудрыхъ; ежели тайно смѣются надъ нимъ, какъ надъ ученикомъ глупымъ. Вся сила Философіи состоитъ въ служеніи богамъ, и не дѣланіи обиды человѣкамъ.

Скажи мнѣ, Пресвѣтлѣйшій Государь, какая польза корабельщику знать науку мореплаванія, и погрязнуть въ пучинѣ отъ бури? Какая прибыль славному воителю много велерѣчить о брани, и не имѣть искусства въ сраженіи? Какая польза вождю близкіе въ пути ходы другимъ показывать; ежели самъ съ дороги сшибается? Все сіе, Государь, для тебя я говорю: ибо какая была тебѣ польза, что ты, прежде имѣя цѣлую и нерушимую жизнь, съ воздыханіями желалъ смерти; естьли нынѣ, когда ужè приближилась смерть, плачешь и сѣтуешь для продолженія жизни? Между тѣми вещми, коими человѣки мудрость свою изъявляютъ, есть и сіе, ежели умѣютъ любить и ненавидѣть: ибо малодушенъ и почти крайне легкомысленъ тотъ, который, что вчера ненавидѣлъ, то сего дня любитъ; и что сего дня едва не обожалъ, то поутру проклинать начинаетъ.

Кто или изъ знаменитѣйшихъ Государей, или изъ подлѣйшихъ простолюдиновъ былъ, и по моему мнѣнію когда либо будетъ, который бы такъ, какъ ты, охуждалъ жизнь, и такъ преславно говорилъ о смерти? Кои вещи я, будучи твоимъ Секретаремъ, въ различныя страны свѣта писалъ собственною рукою,

кою, гдѣ ты столько добра приписывалъ смерти, что иногда и меня приводилъ къ ненавидѣнію жизни. Что скажу о письмѣ, къ Римской вдовѣ Клавдинѣ писанномъ, которымъ ты ее о смерти мужа на войнѣ убитаго плачущую утѣшалъ, и которому она такъ соотвѣтствовала, что щастливымъ признавала свое бѣдствіе, которое и въ самомъ дѣлѣ заслуживало, чтобъ ты такое письмо писалъ. Сколь жалостно и пріятно ты писалъ къ Антигону о смерти любезнѣйшаго сына Вериссима, коего смерть хотя ты толь не утѣшно оплакивалъ, что вышелъ изъ предѣловъ Философа; однако напослѣдокъ излишнюю печаль мудростію своею прогналъ.

Сколь сокровенныя мнѣнія, и сколь избранныя слова ты начерталъ въ книгѣ, именуемой Утѣшеніе печальныхъ, которую ты съ Азіятской войны къ Римскимъ Сенаторамъ, для утѣшенія ихъ послѣ жесточайшаго мороваго повѣтрія прислалъ, и на которую весь Сенатъ тебѣ отвѣтствовалъ, что не столько вреда причинила язва, сколько принесло пользы твое ученіе. Сколь новой родъ утѣшенія употребилъ ты къ утѣшенію Елія Фабата Цензора, когда сынъ его въ рѣкѣ утонулъ! котораго мы, такъ помню, пришедъ въ домъ его, плачущаго застали, и выходя смѣющагося оставили.

Приходитъ мнѣ на память добродѣтельнѣйшій мужъ Кн. Рустикъ, которой находясь въ жесточайшей и опаснѣйшей болѣзни, по пришествіи твоемъ посѣщенія ради, распа-

лясь

ляясь жаромъ твоихъ словъ, изобильнѣйшія слезы пролилъ, и о причинѣ плача мнѣ на вопросъ такъ отвѣтствовалъ: Я отъ Императора, Государя моего, столько зла о томъ, чего лишаюсь; и столько добра о томъ, чего ожидаю, слышалъ, что не о прекращеніи жизни, но о продолженіи смерти плачу.

Изъ всѣхъ не былъ никто тебѣ любезнѣе Торквата, которому ты, такъ какъ отцу повиновался, и какъ учителю служилъ. Когда же сей вѣрнѣйшій другъ твой, приближась къ смерти, одержимъ былъ великимъ желаніемъ жизни: то ты послалъ во храмы для жертвоприношенія богамъ, не для того, чтобъ даровали ему жизнь, но чтобъ ускорили смерть. Чему, когда я удивлялся и почти негодовалъ, то Ваше Величество для удовлетворенія моему невѣжеству, тихонько мнѣ сказать изволили: Не удивляйся, Пануцій, видя, что я не за жизнь, но за смерть друговъ приношу жертвы: ибо вѣрный другъ ничего инаго искреннему своему другу желать не можетъ, кромѣ, чтобъ отъ толикихъ сея жизни трудовъ и печалей видѣть его свободнымъ.

Для чего, думаешь, Пресвѣтлѣйшій Государь, все сіе я тебѣ привожу на память? Истинно не на иной конецъ, какъ показанія ради, что я видѣвъ прежде толико отъ тебя похваляемую смерть, нынѣ вижу тебя толь неохотно оставляющаго жизнь. Когда такъ благоволятъ боги, требуютъ твои лѣта, причину подаетъ болѣзнь; и когда слабость естества, грѣхи нещастнаго Рима, согласіе об-

обманчивой фортуны и сила свирѣпствующей на насъ судьбины такъ опредѣляютъ, чтобъ тебѣ умереть; то для чего ты о смерти воздыхаешь и стонешь? Трудовъ, кои во свое время необходимо прійдутъ, съ мужественнымъ сердцемъ ожидать должно. Потому что слабое и зыбкое сердце прежде, нежели на него нападутъ и начнутъ испровергать, упадаетъ; а великодушное и постоянное, гдѣ величайшая настоитъ опасность, тамъ наипаче силы свои изъявляетъ.

Ты одинъ человѣкъ, а не два; и единою, а не двойною смертію богамъ долженствуешь, для чего же, будучи одинъ, за двухъ платить хочешь? Для чего за одну жизнь, хочешь воспріять двойную смерть; сирѣчь, прежде окончанія жизни, существенною печалію умираешь? Послѣ плаванія, и понесенія многихъ въ ономъ трудовъ и бѣдствій, когда уже боги тебя въ спокойное пристанище провождаютъ, ты паки въ опаснѣйшую пучину ѣхать желаешь? Побѣдителемъ выходишь изъ жизни, и хочешь умереть въ гоненіи смерти? Шестьдесятъ два года, никогда не отвращая лица отъ свѣта, воевалъ въ полѣ; и нынѣ какъ въ крѣпости заключась трепещешь? Во гробъ съ крутой, на которую было взошелъ, стремнины не низпалъ; нынѣ на гладкомъ пути потыкаешся и колеблешся? Весьма довольно знаешь, сколько отъ долгой жизни раждается зла, и нынѣ сумнѣваешся, сколько изъ доброй смерти получается пользы? За много предъ симъ лѣтъ ты смерти, и взаимно

имно смерть тебѣ поединочной бой, какъ смертельные непріятели, назначили, и нынѣ когда за оружіе приниматься должно, бѣжать и показать тылъ помышляешь? Чрезъ шестьдесятъ два года со щастіемъ вражду и борьбу продолжаешь; и нынѣ, когда должно о побѣдѣ ея торжествовать, закрываешь глаза?

Сія рѣчь принадлежитъ до показанія, то есть, поелику мы видимъ, что ты настоящую смерть принимаешь не охотно; то подозрѣваемъ, что и прешедшую жизнь провождалъ худо. Ибо кто неохотно идетъ предъ лице и судъ боговъ, великой есть знакъ, что тотъ обремененъ тягостію пороковъ. Для чегожъ ты, Пресвѣтлѣйшій Государь, на подобіе младенца плачешь, и какъ отчаянный воздыхаешь? Ежели плачешь для того, что умираешь, то отвѣтствую, что не такъ должно было смѣяться, когда жилъ. Ибо за неумѣреннымъ смѣхомъ и веселіемъ въ жизни, великой плачь и рыданіе слѣдуютъ въ смерти.

Кто государственные доходы такъ, какъ собственное наслѣдство когда либо себѣ присвоилъ? Кто наемную плату такъ, какъ вѣчное право себѣ обѣщать дерзнулъ? Когда всѣ умерли, умираютъ, и умрутъ; ты одинъ между толикимъ множествомъ умершихъ, умирающихъ, и умереть имѣющихъ, жить хочешь? Желаешь выпросить у боговъ то, чемъ боги суть, сирѣчь, чтобъ тебя такъ безсмертнымъ, какъ самихъ себя, сдѣлали? Одинъ ли

ты

ты подъ видомъ дара требуешь того, что боги отъ естества имѣютъ?

Я тебя стараго, будучи младолѣтнѣе, вопрошаю, что лучше, или справедливѣе сказать, что меньше вредно; хорошо жить, или худо умереть? Истинно я, когда разсуждаю непрестанные и различные труды, кои мы повседневно въ рукахъ своихъ имѣть обыкли, весьма сумнѣваюсь, можетъ ли кто достигнуть, чтобъ хорошо жить. Терпѣніе всегдашней алчбы, жажды, стужи, сиротства, презрѣнія, ненависти, искушенія, гоненія, нещастія, незапностей и болѣзней, не жизнью, но долговременною смертію называть должно. И мы справедливо жизнь сію смертію наречемъ, поелику тысячу кратъ ненавидѣніе жизни насъ восхищаетъ.

Ежели бы старикъ жизнь свою съ самой той минуты, когда изъ матерьняго чрева произшелъ, даже до того времени, когда въ нѣдрѣ земномъ скрывается, разсмотрѣлъ; и тѣло всѣ понесенные труды и болѣзни изчислило, а духъ всѣ печальныхъ приключеній нападенія разсказалъ; то безъ сумнѣнія, и боги удивились бы, и человѣки въ изумлѣніе пришли бы, зря тѣло, которое оныя снесло, и духъ, который стерпѣлъ. Разумнѣйшіе кажутся мнѣ Ѳракіяне, которые, когда раждаются младенцы, плачутъ, и когда умираютъ старики, смѣются и веселятся, нежели Римляне, которые, когда раждаются младецы поютъ и веселятся, и когда умираранотъ старики, сѣтуютъ и плачутъ. Весьма спра-

ведливо намъ въ смерти стариковъ смѣяться и веселиться, поелику они ко смѣху и веселію умираютъ; но гораздо справедливѣе въ рожденіи младенцевъ плакать, поелику они къ плачу и бѣдствію раждаются.

ГЛАВА 45.

Пануцій Секретарь продолжая начатую рѣчь совѣтуетъ умирающимъ ни о какой вещи, которую они въ сей жизни оставляютъ, не крушиться и не печалиться въ смерти.

По показаніи, что жизнь есть злая, не осталось болѣе ничего, кромѣ подтвержденія отъ всѣхъ насъ, что смерть есть добрая. О когда бы, какъ я часто отъ тебя пространно описываемый предметъ сей видѣлъ, такъ ты нынѣ оной употреблять могъ. Но увы! иногда и премудрѣйшій человѣкъ весьма удобно лишается разсудка. Никто не долженъ такъ полагаться на собственныя разсужденія, чтобъ не соглашался на чужее мнѣніе: ибо, кто въ одиножды воспріятомъ мнѣніи упрямствуя, свой только разсудокъ во всѣхъ дѣлахъ употребляетъ; тотъ пусть заподлинно вѣдаетъ, что во всемъ, или по крайней мѣрѣ въ наибольшей части обманутъ будетъ.

Поелику ты, Пресвѣтлѣйшій Государь, мужъ мудростію, разумомъ и искусствомъ одаренный, и лѣтами старый; то не предусматривалъ ли, что какъ ты столь многихъ погребенію предалъ, такъ и самаго тебя нѣ-

кто предастъ гробу? Что ты помышлялъ, видя конецъ дней ихъ? Не думалъ ли, что и твоихъ лѣтъ конецъ другіе увидятъ? Когда ты богатъ, другами окруженъ, почтенъ, старъ, и паче всего за цѣлость общества умираешь; то для чего во гробѣ итти страшишся? Всегда ты въ познаніи какъ прешедшихъ, такъ сокровенныхъ и тайныхъ вещей былъ прилѣженъ и тщателенъ. Естьлижъ ты ужѐ испыталъ, что есть честь и безчестіе, богатство и убожество, щастіе и бѣдствіе, веселіе и печаль, любовь и страхъ, пороки и роскоши; то ничего, кажется мнѣ, испытывать тебѣ не осталось, кромѣ единственнаго познанія, что есть смерть, въ познаніи которой больше, повѣрь мнѣ, въ одинъ часъ, нежели во сто лѣтъ жизни успѣешь.

Поелику ты и самою вещію добродѣтеленъ находишся, и добродѣтельнымъ почитаешся, и добродѣтельно жилъ; то не лучше ли тебѣ пріемля смерть преселиться къ толикому числу добродѣтельныхъ, нежели избавясь отъ смерти, жить посреди толикаго множества беззаконныхъ? Я не удивляюсь, что смерть тебѣ прискорбна, поелику ты человѣкъ; но мнѣ то удивительно, что ты будучи разумный мужъ, сего не скрываешь: ибо мудрые мужи хотя многія досады сердцемъ чувствуютъ; однако славы ради оныя наружно скрываютъ. Ежели бы, сколько ни скрывается въ печальномъ сердцѣ скипѣвшагося яду, по всей кожѣ на подобіе прыщей разлился; то ни стѣнъ, о которые свербежъ

че-

чесать, ни ногтей, чемъ оной царапать, намъ не достало бы.

Что иное есть смерть, какъ только висячіе дверцы, которыми запирается лавка, гдѣ всѣ плачевной сей жизни бѣдствія продаются? Какой вредъ или обиду дѣлаютъ намъ боги, преселяя насъ къ себѣ, кромѣ точію изъ крестьянскаго шалаша переводятъ насъ въ новой и великолѣпной чертогъ? Что иное есть гробъ, какъ только замокъ, въ которомъ мы противу незапныхъ злоключеній жизни, и нечаянныхъ набѣговъ фортуны заключаемся? По истиннѣ то, что мы въ смерти обрѣтаемъ, вящшее въ тебѣ желаніе; нежели то, что ты въ жизни оставишь, печаль воспламенить долженствуетъ.

Ежели ты для супруги Еліи Фабриціи, потому что она младолѣтня, сокрушаешся; то не для чего тебѣ о томъ тужить: ибо она нынѣ находится въ Римѣ, ни мало не печалясь о опасности твоей жизни: и понеже увѣдомясь и о самой смерти твоей сѣтовать не будетъ, то не для чего тебѣ о томъ, что она останется во вдовствѣ, себя сокрушать. Младолѣтныя жёны, какова она, будучи въ супружествѣ за стариками, каковъ ты, во время смерти мужей на то, что украсть, глаза; и на того, за кого за мужъ вытти, сердца вперяютъ; и не въ досаду, но съ должнымъ почтеніемъ говорю, когда наипаче глазами наружно печаль оказываютъ, тогда наиболѣе сердца ихъ отъ радости гобзуютъ. Не терзай себя тѣми помышленіями, что

пресвѣтлѣйшая твоя супруга, хотя младолѣтна, не сыщетъ другаго Императора, за котораго вытти за мужъ: ибо такія и подобныя женщины ветхую порфиру на космашой деревенской зипунъ промѣнять готовы; то есть, онѣ молодаго пастуха предпочитаютъ дряхлому Императору.

Что о оставленіи тобою дѣтей печалишся и тужишь, я не вѣдаю, для чего ты сіе дѣлаешь: ибо естьли ты о томъ, что должно умереть, сѣтуешь; то больше они о томъ, что ты жилъ, сѣтовали. Что между птицами Фениксъ, то между дѣтьми есть сынъ, который отцу смерти не желаетъ: ежели онъ убогъ, чтобъ не кормить; естьли же богатъ, чтобъ скорѣе наслѣдство получить. Ежелижъ сіе такъ есть въ самой вещи; то неразумнаго человѣка кажется мнѣ дѣло, что ты плачешь, когда они поютъ и смѣются.

Ежели соболѣзнуешь о томъ, что должно оставить великолѣпные чертоги, и огромныя зданія; то не для чего тебѣ объ нихъ тужить: ибо клянусь щастіемъ моимъ, когда чрезъ шестьдесять лѣтъ смерть жить твою окончила; то и прежде сорока лѣтъ время кросоту ихъ истощитъ. Ежели крушишся о томъ, что разлучаешся съ обращеніемъ друговъ и пріятелей; то и для нихъ тебѣ печалиться не должно, равнымъ образомъ какъ и они о тебѣ печалиться не будутъ. Между прочими досадами, которыя умирающимъ необходимо случаться должны, есть и сіе, что чуть только покроютъ ихъ землею, ужè забвенію преданы бываютъ. Еже-

Ежели досадуешь на то, что не по примѣру другихъ Императоровъ въ Римѣ умираешь; сію печаль я изъ сердца истребить совѣтую. Ибо не безъизвѣства тебѣ толикая неблагодарность Рима къ оказующимъ ему величайшія благодѣянія, что Сципіонъ Африканскій и костямъ своимъ въ неблагодарномъ отечествѣ быть не восхотѣлъ.

Ежели смерть прискорбна тебѣ для того, что ты толь великую и высокую власть, какова имперіи свойственна, оставляешь; не могу повѣрить, чтобы толикая пустошь взошла тебѣ на мысль. Ибо покой и тишину любящіе мужи, свобождаясь отъ такихъ званій, не думаютъ, что они лишаются достоинства, но что избавляются отъ тяжчайшаго бремени. Когда же ни единая изъ сихъ вещей не должна въ тебѣ возбуждать желанія въ жизни; то для чего ты о томъ, что смерть во врата твои входитъ, сокрушаешся? Двѣ вещи досадною человѣкамъ смерть дѣлаютъ, сирѣчь или любленіе того, что оставляемъ, или боязнь того, чего ожидаемъ. Но естьли жизнь сія ничего любезнаго, и смерть ничего вправду страшнаго не имѣетъ; то для чего кому либо ужасаться смерти?

Изъ воздыханій, слезъ твоихъ, и оказываемаго наружу мученія и безпокойства понимаю всеконечное забвеніе тобою единой вещи, сирѣчь, что придетъ время, въ которое долгу сего отъ тебя истяжутъ боги: ибо хотя всѣ помышляютъ, что придетъ нѣкогда конецъ жизни; однако никто не думаетъ, что

толь скоро и незапно смерть ихъ постигнетъ. А изъ сего самаго, что человѣки никогда о смерти своей не помышляютъ, происходитъ, что никогда исправлять погрѣшностей не начинаютъ. И такимъ образомъ жизнь и грѣхъ купно гробъ прекращаетъ.

Или не знаешь, Пресвѣтлѣйшій Государь, что послѣ долгой ночи поутру слѣдуетъ влажность, послѣ влажной зари восходитъ ясное солнце, послѣ яснаго солнца облаками покрывается небо, послѣ темныхъ облаковъ наступаетъ великій жаръ, послѣ жару слышатся страшные громы, блистаютъ незапныя молніи, мешаются опасные громовые удары, и падаетъ смертоносный градъ; напослѣдокъ же послѣ жесточайшей бури удивительная слѣдуетъ тишина, и ясность неба. А какъ по вселенной во кругъ ходятъ то бурныя, то тихія погоды, такъ въ жизни и смерти человѣческой подобнажъ симъ примѣчается перемѣна. Ибо за младенчествомъ отрочество, за отрочествомъ юношество, за юношествомъ старость, за старостію дряхлость, и за окончаніемъ дряхлости страшная смерть слѣдуетъ; напослѣдокъ же послѣ страшной смерти ожидаемъ спокойной и безмятежной жизни.

Часто я читалъ, и нерѣдко отъ тебя слышалъ, что одни токмо боги, какъ начала не имѣли, такъ и конца имѣть не будутъ. Чего ради по моему мнѣнію, не прилично, Пресвѣтлѣйшій Государь, разумнымъ людямъ желать многолѣтной жизни: ибо отъ желанія че-

человѣками долголѣтной жизни происходитъ, что они или какъ безумные никогда прешедшихъ трудовъ не чувствовали, или должайшаго времени для упражненія въ порокахъ требуютъ. Сію жалобу тебѣ приносить, или съ таковою печалію умирать крайне непристойно: по тому что ты не въ перьвомъ цвѣтѣ сорванъ, или не зрѣлой отъ дерева отторгнутъ, или въ началѣ весны отсѣченъ, или въ незрѣлости поспѣвающей ягоды пожренъ; сирѣчь, ежели бы въ то время, когда жизнь тебѣ была весьма пріятна, въ двери твои смерть толкалась; то хотя не къ жалобѣ, однако по крайней мѣрѣ къ смущенію имѣлъ ты причину: ибо младому юношѣ нѣтъ горестнѣйшей вѣсти, какъ естьли объявляютъ, что ему умереть, и свѣтъ оставить должно.

Какая сему причина, Государь, что хотя уже разрушилась и къ паденію наклонилась стѣна, увялъ цвѣтъ, сгнили ягоды, испортились и выпали зубы, изъѣдена молью одежда, засохли ножны, иступилось копье, и вызубрился мечь; однако ты такъ въ свѣтъ возвратиться желаешь, какъ будто бы никогда не зналъ свѣта? Шестьдесятъ два года невольникомъ содержишся въ темницѣ тѣла, и уже вскорѣ отъ ветхости спадутъ съ тебя кандалы и узы; а ты новые опять себѣ сковать хочешь? Кто шестьдесятъ два года въ сей смерти живучи, или въ сей жизни умираючи не насыщается, тотъ и шестьдесятью тысячами лѣтъ не насытится.

Августъ Императоръ говаривалъ, что по исполненіи пятидесяти лѣтъ человѣки или сами умирать, или противъ воли изъ жизни истребляемы быть должны: ибо въ то время они взошли на верьхъ и предѣлъ человѣческаго блаженства. Сколько человѣки ни живутъ далѣе онаго возраста, все время въ жесточайшихъ болѣзняхъ, въ умираніяхъ дѣтей, въ утратахъ имѣній, въ досажденіяхъ зятей, въ погребеніяхъ друговъ, въ произвожденіи тяжебъ, въ платежѣ долговъ, въ воздыханіи о прешедшемъ, въ слезахъ о настоящемъ, въ сношеніи обидъ, въ слушаніи непріятныхъ вѣстей, и въ терпѣніи другихъ безчисленныхъ бѣдствій проходитъ; чего лучше бы было съ закрытыми глазами ожидать во гробѣ, нежели оное съ открытыми претерпѣвать въ сей безщастной жизни. Кого въ пятидесятомъ году возраста изъ сей бѣдственной жизни веемлютъ боги, тотъ дабы не видѣлъ, что въ ней есть наибѣдственнѣйшее, убѣгаетъ; и сколько далѣе человѣкъ ни живетъ, то изъ покатой стремнины спускается, не идучи, но пошатываючись, или еще потыкаючись и падаючи.

Или не вѣдаешь, Государь, что которымъ путемъ шествуетъ жизнь, тѣмъ самимъ идетъ и смерть? Или не знаешь, что ужè шестьдесятъ два года, какъ жизнь смерти убѣгаетъ, и столько же лѣтъ, какъ смерть надъ жизнію твоею подъискиваетъ; и что смерть изъ Иллиріи, оставя тамо жестокую моровую язву, ушла, и ты выѣхавъ изъ сво-

его дому, кЪ тому здѣсь вЪ Панноніи мѣсту пришелЪ? Или неизвѣстно тебѣ, что когда ты, имѣя быть обладателемЪ земли, изЪ матерняго чрева произшелЪ, тотчасЪ вышла изЪ гроба смерть для преслѣдыванія твоей жизни? Всегда ты не токмо почтенія достойнымЪ, но и почтительнымЪ быть старался. ЕжелижЪ сіе такЪ есть, то для чего ты, какЪ присланнымЪ кЪ тебѣ отЪ Государей для собственной ихЪ пользы ОраторамЪ отдавалЪ почтеніе; для чего, говорю, не почитаешь смерти, которую боги кЪ тебѣ болѣе для твоей пользы, нежели для своей славы и чести посылаютЪ?

Памятно тебѣ безЪ сумнѣнія, что, когда ВулканЪ зять мой напоилЪ меня ядомЪ, болѣе именія моего жадничая, нежели жизни моей желая, ты вЪ мою спальную для утѣшенія меня пришедши сказалЪ: Свирѣпы суть боги, кои юношЪ умерщвляютЪ; милосердны же, кои стариковЪ отЪ жизни преселяютЪ, прибавя кЪ тому сіи слова: Не печалься, и не сокрушайся, Пануцій, что свѣтЪ оставляешь: ибо ты рожденЪ на то, чтобЪ умереть; и нынѣ умираешь для того, чтобЪ жить. Чего ради, что ты мнѣ, Пресвѣтлѣйшій Государь сказалЪ, то и я тебѣ говорю; что ты мнѣ совѣтовалЪ, то и я тебѣ совѣтую, и что ты мнѣ далЪ, то я отдаю: и наконецЪ изЪ онаго винограда прими подаваемое тебѣ гроздіе.

ГЛАВА 55.

Отвѣтъ М. Аврелія Императора къ Секретарю Пануцію, которымъ показываетъ, что не по причинѣ оставленія сего свѣта смерть ему прискорбна и тягостна; но для того, что злонравнаго сына будетъ имѣть наслѣдникомъ.

О блаженное млеко, которое ты Пануцій, въ Даціи сосалъ; хлѣбъ, которой ты въ Римѣ вкушалъ; ученіе, которое ты въ Греціи получилъ; и вѣжливость, которую ты въ домѣ моемъ пріобрѣлъ! Ибо ты и въ жизни добраго Министра, и въ смерти вѣрнаго мнѣ друга званіе исполнилъ. Я завѣщаваю и повелѣваю сыну Коммоду, чтобы за всѣ твои послушанія и услуги тебѣ заплатилъ; а боговъ безсмертныхъ прошу и молю, дабы за совѣты достойную мзду тебѣ воздали. Ниже напрасно говорю, что сіе сыну моему завѣщаваю, и сего отъ боговъ прошу: ибо за многія услуги одинъ человѣкъ заплатить можетъ; къ воздаянію же за одинъ доброй совѣтъ всѣхъ боговъ надобно. Наибольшее и превосходнѣйшее благодѣяніе, которое другъ другу оказать можетъ, есть то, ежели онъ подаваніемъ ему добраго совѣта въ трудномъ дѣлѣ щастливъ. Ниже безъ причины, что не токмо давать, но и щастливымъ въ томъ быть ему должно: ибо не рѣдко случается, что тѣ самые, кои совѣтами своими намъ пособить хотѣли, еще въ большія иногда насъ бѣдствія ввергаютъ.

Пра-

Правда, всѣ подвиги сея жизни суть трудны, но наитруднѣйшій и весьма страшный смерти: всѣ тяжелы, но сей тяжчайшій: всѣ бѣдственны, но сей наибѣдственнѣйшій: всѣ оные въ смерти конецъ имѣютъ, но подвигъ смерти, какой конецъ имѣть будетъ, намъ неизвѣстно; и объ ономъ, что я говорю, никто совершеннаго знанія достигнуть не можетъ, развѣ тотъ, который такъ, какъ я нынѣ, приближился ко смерти.

Подлинно, ты разумно, Пануцій, говорилъ; но поелику болѣзни моей не знаешь, то и въ лѣченіи ея ошибаешся: ибо не тамъ боль, гдѣ ты привязалъ пластыри; не тамъ свищъ, гдѣ ты употребилъ раскаленные щипцы; не тамъ была опухоль, гдѣ ты приложилъ припарку; не тамъ были жилы, гдѣ ты пустилъ кровь; не нашелъ ты мѣста раны, гдѣ остріе меча пронзило; сирѣчь, для познанія моей болѣзни долженствовалъ ты глубочае проникать внутренніе вздохи, кои сердце испускаетъ. Ежели, говорю, сердце оныя изъ сокровеннѣйшихъ нѣдръ своихъ испускаетъ, пусть всякъ слышащій ихъ не думаетъ, что онъ тотчасъ разумѣетъ: ибо сѣтованій и мученій духа, коихъ человѣки исцѣлить не могутъ, ниже знать намъ не благоволили боги. Многіе дерзновенно и глупо осмѣливаются утверждать, что они мысли другихъ знаютъ, большею частію въ семъ неразуміе, нежели мудрость свою изъявляя: ибо, поелику много во мнѣ обрѣтается вещей, и самому мнѣ неизвѣстныхъ; кольми паче

паче меньше оныя находящемуся внѣ меня извѣстны будутъ.

Что приписываешь ты, Пануцій, мнѣ великую боязнь смерти, я напротивъ того отвѣтствую, что не весьма боюся оной; а боюся по человѣчеству: понеже, естьли бы я сказалъ, что не боюся смерти; было не иное, какъ будто бы я отрекся, что не имѣю плоти. Мы изъ опыта познаемъ, что льва слонъ, слона медвѣдь, медвѣдя волкъ, волка ягненокъ, кошки мышь, пса кошка, и песъ человѣка боятся; словомъ, одни другихъ боятся, для того только, чтобъ отъ нихъ умерщвлены не были. Естьлижъ животныя смерти убѣгаютъ, кои хотя и умираютъ, ни съ фуріями борьбы и томленія не боятся, ни съ богами веселія не чаютъ: кольми паче мы умирая безъ всякаго и малѣйшаго свѣдѣнія, въ мученіе ли адскимъ фуріямъ отданы, или въ небесное селеніе къ богамъ приняты будемъ?

Ты думаешь, не вижу, Пануцій, что я ужѐ класы свои пожалъ? Истинно вѣдаю, что винограда моего гроздія ужѐ собраны; вѣдаю, что всѣ дому моего связи разрушаются; знаю совершенно, что ничего ужѐ, кромѣ ягодной шелухи, и тѣлесной кожи нѣтъ, и ничего изъ всей жизни моей, кромѣ единаго дыханія, не осталось. Доселѣ много ты отъ меня разнствовалъ, а нынѣ я ужѐ много отъ тебя разнствую: ибо ты съ высокой башни на сраженіе смотришь, съ берегу сѣти кидаешь, внутрь ограды быка гоняешь, подлѣ

огня

огня отъ стужи зябнешь, подъ закрытіемъ тѣни отъ солнца прѣешь; сирѣчь, для того ты такъ превозносишь смерть, что жизнь твоя невредима пребываетъ.

Увы мнѣ! чрезъ сколь краткое время изъ всѣхъ вещей, кои я имѣлъ въ сей жизни, ничего у себя, кромѣ погребальнаго савана, имѣть не буду! Увы мнѣ! нынѣ выду на площадь, гдѣ не отъ звѣрей растерзанъ, но отъ червей пожренъ буду! Увы мнѣ! нынѣ я въ толь тѣсную заключенъ темницу, откуда уйти не могу; и естьли чего ожидаю, то смерти ожидаю. Не желалъ бы я, чтобъ меня больнаго здоровый, печальнаго веселый, бѣдствующаго благополучный, и вскорѣ умереть имѣющаго, безопасно жизнь провождающій утѣшалъ; но хотѣлъ бы, чтобъ утѣшалъ меня въ убожествѣ убогій, въ печали печальный, въ бѣдности бѣдный, и наконецъ, коего жизнь такъ опасности подвержена, какъ я нынѣ приближившуюся смерть вижу. Ибо нѣтъ ни одного толь полезнаго и толь истиннаго совѣта, какъ происходящій отъ такого человѣка, который въ равномъ съ тѣмъ, кому оной подаетъ, нещастіи и бѣдствіи страждетъ.

Ежели ты прилѣжнѣе разсудишь сіе мнѣніе, то найдешь, что я сказалъ вещь совсѣмъ новую, которую однакожъ всѣми клятвами утверждаю: ибо для проливающаго слезы, кажется мнѣ, мало дѣйствительно будетъ подаваемое утѣшеніе тѣмъ, который отъ смѣху едва не умираетъ. Сіе говорю я

для

для того, дабы ты зналЪ, что я знаю, и разумѣлЪ, что я разумѣю. И дабы ты не обманывался, какЪ другу открою тебѣ тайну, откуда узнаешь, что я очень малою печалію сокрушаюся, вЪ разсужденіи великости той, которою мнѣ терзаться надлежало бы: понеже естьли бы чувствамЪ не противился разумЪ, то давно бы ужѐ воздыханія жизнь мою прекратили, и рѣки слезЪ меня потопили.

Новыя и необыкновенныя вещи, кои ты во мнѣ примѣтилЪ, такЪ то отвращеніе отЪ пищи, недремлющая безсонница, любовь кЪ уединенію, скука отЪ сотоварищества, духЪ успокоивающійся воздыханіями, и увеселяющійся слезами, суть очевидные свидѣтели, коликою бурею сердца моего море мятется, когда такія трясенія на землѣ моего тѣла являются. Но приступимЪ кЪ самой вещи, и посмотримЪ, для чего никакой отрады тѣло мое не пріемлетЪ, для чего такЪ сердце ослабѣваетЪ, и для чего вящшая есть болѣзнь и печаль послѣдняго, нежели жалоба перьваго: ибо толь нѣжное есть тѣло, что и на малую горесть досадуя, жалуется; а сердце толь мужественное и сильное, что и великимЪ ударомЪ будучи поражено, скрываетЪ.

Вѣдай же, Пануцій, что смерть мнѣ толь огорчительна и прискорбна для того, понеже я Коммода сына оставляю вЪ жизни; да еще вЪ возрастѣ какЪ для него опасномЪ, такЪ и для имперіи ужасномЪ. По цвѣтамЪ

яблоки, по пучкамъ виноградную лозу, по запаху вина, по лицу людей, съ молодыхъ лѣтъ лошадь, и даже отъ робячества юношу узнаютъ. Когда же толь негодной сынъ за жизни моей; то еще гораздо, какъ вижу, негоднѣе будетъ по смерти моей. Для чегожъ ты, зная не меньше, какъ и я, злонравіе сына, сѣтованіямъ и печалямъ отца удивляешся?

Коммодъ сынъ младъ лѣтами; а еще гораздо больше недостаточенъ разумомъ, и будучи одаренъ злымъ нравомъ, противиться ему не хочетъ; но всегда своей волѣ повинуется, и своему разсудку слѣдуетъ, такъ какъ будто бы долговременнымъ искусствомъ снабдѣнъ былъ. Онъ необходимо нужнаго къ знанію, весьма мало знаетъ; и то, что враднѣйшее есть, пренебрегаетъ. Онъ ничего прешедшаго не разсматриваетъ и только въ настоящемъ упражняется; словомъ, я изъ видѣннаго глазами, и чувствуемаго сердцемъ нынѣ же предвозвѣщаю, что скоро и сыновняя жизнь, и отцова память купно съ домомъ погибнетъ.

Ахъ! сколь немилосердо съ нами поступили боги, предписавъ, чтобъ мы честь и славу свою во власти дѣтей оставляли! Ибо довольно бы было оставлять имъ одно имѣніе, славу другимъ препоручая. Но увы! они богатство въ роскошахъ иждиваютъ, и чрезъ злонравіе и пороки честь погубляютъ. Ежели милосерды суть боги, какъ и самою вещію таковы суть, и даютъ намъ власть раздѣлять имѣніе; то для чего не даютъ воли о чести дѣлать завѣщаніе? Ком-

Коммодъ сынъ отъ пользы имя заимствуетъ. Но смотря по его качеству, великодушно бы должно лишиться той малой пользы, которую онъ не многимъ сдѣлаетъ, въ разсужденіи безчисленныхъ вредностей, которыя всѣмъ нанесетъ: ибо я совершенно знаю, что онъ будетъ мучитель человѣковъ, и бичь боговъ. Нынѣ ужѐ онъ одинъ безъ вождя шествуетъ по стезямъ юности, и поелику необходимо должно ему итти чрезъ мѣста гористыя и стремнинныя: то я опасаюсь, чтобъ онъ вовсе не погрязъ въ порокахъ, неуклонно во оныхъ пребывая. Ибо Царскія Княжескія и Вельможскія дѣти, поелику нѣжно и свободно воспитываются, къ паденію въ пороки склонны; къ разлученію же съ оными неисправыми бываютъ.

Со вниманіемъ словъ моихъ послушай, Пануцій, понеже не безъ слезъ оныя говорю. Или не видишь, что Коммодъ сынъ, свободенъ, богатъ, младолѣтенъ, и одинъ остается? Повѣрь мнѣ, что и отъ самаго малѣйшаго вѣтру, а не токмо отъ четырехъ толь жестокихъ и бурныхъ вихрей, такое молодое деревцо сломиться могло бы. Богатство, младость, одиначество и вольность, суть четыре смертоносныя язвы, кои Государя заражаютъ, общество разоряютъ, живыхъ умерщвляютъ, и мертвыхъ обезславляютъ.

Пусть повѣрятъ мнѣ старики, и затвердятъ въ памяти юноши, что, ежели кого многими дарованіями украсили боги, къ сохраненію ихъ многіе надобны добродѣтели. Об-

сѣчен-

сѣченные, калѣки, недужные, чахотные, глупые, тѣломъ дурные и боязливые, по истиннѣ не возмущаютъ общества; но мятутъ оное тѣ, коихъ природа многими дарованіями обогатила. Самые величайшіе красавцы, какъ искусство свидѣтельствуетъ, наиболше безчестные домы посѣщаютъ, самые наипригожѣйшіе любострастнѣйшими блудниками, самые мужественнѣйшіе и сильнѣйшіе пресвирѣпыми человѣкоубійцами, самые разумнѣйшіе прехитрыми ворами, и самые остроумнѣйшіе наибольшими дураками бываютъ.

Паки говорю, утверждаю и клянуся, что кои облечены одеждою природныхъ дарованій, тѣ ежели тщаніемъ пріобрѣтаемыхъ добродѣтелей какъ будто здобы и прикрасы не имѣютъ; можно сказать, держатъ въ рукѣ мечь, чтобъ онымъ себя уязвили и умертвили; несутъ на плечахъ огонь, чтобъ онымъ себя сожгли; веревку на шеѣ, чтобъ оною удавилися; кинжалы на грудяхъ, чтобъ оными пронзилися; терновые спицы, чтобъ оными покололися; камни, чтобъ на оные потнкувшись поколебалися, поколебавшись упали, и упадши въ смерти, которая имъ была страшна, жизни, которая имъ весьма любезна, лишилися.

Содержи въ памяти сіе, Пануцій: ежели кто отъ младенчества предметомъ положилъ себѣ страхъ боговъ, и почитаніе человѣковъ; ежели кто ко всякому наблюдаетъ правду, и живетъ безъ обиды другаго: того, аки дре-

ва, свирѣпая фортуна (такъ сказать) кору здравія содрать, цвѣтъ юности увядшимъ сдѣлать, вѣтьви доброжелательства изсушить, плоды трудовъ сорвать, какой нибудь сучокъ достоинствъ и заслугъ отсѣчь, и верьхъ Государской милости наклонить можетъ; но хотя бы стремленіемъ всѣхъ вѣтровъ былъ потрясаемъ и колеблемъ, однако никогда не испровергается и не падетъ.

Сколь щастливыми мечтаютъ себя отцы, по милости боговъ, получившіе дѣтей остроумныхъ, проницательныхъ, пригожихъ, способныхъ, проворныхъ и сильныхъ, не помышляя, что всѣ сіи дарованія суть только одни побужденія и средства къ порокамъ. И такъ, ежели бы отцы послушались моего совѣта; я лучше соглашаюсь, чтобъ дѣти ихъ недостаточны были членами, нежели изобиловали пороками. Правда, сынъ мой Коммодъ всѣхъ юношъ, кои родилися въ имперіи Римской, есть прекраснѣйшій; но я лучше бы желалъ, чтобъ онъ лицемъ хотя самымъ чернѣйшимъ Еѳіопамъ былъ подобенъ, а поступками и нравами самымъ превосходнѣйшимъ Греческимъ Философамъ равенъ! Ибо не въ томъ состоитъ, или состоять должна честь и слава отца, чтобъ сынъ имѣлъ бѣлѣйшее и прекраснѣйшее лице; но чтобъ провождалъ, сколько возможно, добродѣтельнѣйшую жизнь. Не милосерднымъ отцемъ, но смертельнымъ непріятелемъ достойно назвать того, который сына за красоту едва не обожаетъ; но за пороки не наказываетъ. Ежели отецъ имѣетъ

мѣетъ сына украшеннаго дарованіями, кои всѣ онъ употребляетъ на пороки; то по моему мнѣнію такому сыну, или вовсе бы никогда на свѣтъ сей родиться не надобно, или когда родился, тотчасъ погребену быть должно.

ГЛАВА 56.

М. Аврелій заключая рѣчь, приводитъ достопамятные примѣры младолѣтныхъ Государей, кои чрезъ пороки, и себя и царства погубили.

Сколь жалостно зрѣнію, что отецъ дѣтей съ воздыханіемъ у боговъ прося, какъ будто за деньги покупаетъ, мать ихъ съ болѣзнію раждаетъ; обое купно съ трудностію ихъ воспитываютъ, въ воскормленіи ихъ неусыпно бодрствуютъ, и промышляя о ихъ благополучіи, себя изнуряютъ; но напослѣдокъ дѣти толь непослушны, упрямы, неблагодарны и злонравны дѣлаются, что часто бѣдные родители не отъ множества прожитыхъ лѣтъ, но отъ горести причиненныхъ дѣтьми досадъ, умираютъ! Мнѣ вздумалось опасаться, что поелику сынъ мой младолѣтенъ, а я старъ: то хотя съ великими трудами онъ отвращаемъ былъ отъ пороковъ; однако по смерти моей возненавидитъ добродѣтели: ибо привожу я себѣ на память многихъ младолѣтныхъ Государей, которые въ томъ же, какъ онъ, возрастѣ на-

слѣдство имперіи Римской воспріяли, будучи всѣ толь беззаконнаго житія, что купно съ жизнію и чести лишеніе заслужили. Привожу на память славнаго Сицилійскаго тиранна Діонисія, который, по повѣствованію Историковъ, такъ изобрѣтателямъ сластолюбія и пороковъ награждалъ, какъ наше отечество Римъ покорителей царствъ въ награжденіе вѣнчаетъ. Не прилично же иному, кромѣ тиранну и младому юношѣ, самыхъ развратнѣйшихъ и порочнѣйшихъ сумазбродовъ, имѣть въ числѣ первѣйшихъ и ближайшихъ любимцовъ.

Привожу на память четырехъ младолѣтныхъ Государей, царство, но не храбрость по великомъ Александрѣ Македонскомъ воспріявшихъ, Кассандра, Антіоха, Селевка и Птоломея, которые юноши за глупость и легкомысліе, Азіятскими тираннами именуются, такъ какъ Александръ Греческимъ Императоромъ нарицается. Александръ былъ въ жизни прещастливый; но въ смерти крайне безщастенъ. Ибо, что онъ ни пріобрѣлъ славными побѣдами, то они потеряли гнуснѣйшими пороками, такъ что область вселенныя, которую Александръ только между четырьмя раздѣлилъ, болѣе, нежели четырехъ сотъ, была корыстію и добычею.

Воспоминаю Антигона, который презирая то, что Александру Государю его, дорого стоило, толь легкомысленно, въ принадлежавшихъ до правленія общества дѣлахъ, поступалъ, что на смѣхъ вмѣсто Царской зо-

лотой

лотой короны, надѣвалъ плющевой вѣнокъ, и вмѣсто скипетра въ рукѣ держалъ пастушій посохъ; и такимъ образомъ сидя на престолѣ подданныхъ судилъ, и иностранныхъ слушалъ. Хотя же я премного досадую на легкомысліе юноши; но гораздо больше удивляюсь, что важность Греческихъ мудрецовъ оную сносила: ибо весьма справедливо, сообщникамъ погрѣшенія быть соучастниками наказанія.

Воспоминаю Калигулу, четвертаго Императора Римскаго, который толь младолѣтенъ и безуменъ былъ, что я не знаю, вящшее ли въ томъ вѣкѣ было непослушаніе народа противу Государя, или Государева ненависть противу народа: ибо сей нещастной Императоръ толь необузданнымъ въ юношескихъ беззаконіяхъ, и толь неистовымъ въ мучительской лютости себя являлъ, что ежели бы Римляне отнять у него жизнь не постаралися, конечно бы онъ всѣхъ ее лишить потщился. Носилъ Калигула на шеѣ золотой клейнодъ, на которомъ вырѣзано было сіе мнѣніе: О когда бы весь народъ одну только имѣлъ шею, чтобъ я однимъ ударомъ всѣхъ могъ умертвить!

Приходитъ мнѣ на память Тиверій Императоръ, усыновленный наслѣдникъ добродѣтельнѣйшаго Августа Цесаря, который названіе сіе получилъ за то, что весьма широко распространилъ имперію; но не столько добродѣтельнѣйшій старикъ общества умножилъ, сколько оное Тиверій, доколѣ жизнь

его продолжилась, умалилъ. И такъ ненависть, въ которой живущаго Тиверія народъ Римскій содержалъ, напослѣдокъ въ смерти весьма ясно открылась. Ибо въ самой тотъ день, когда Тиверій умеръ, наисправедливѣе сказать, умерщвленъ былъ, премножественнымъ собраніемъ Римскій народъ шелъ молиться, и Сенаторы во храмахъ дражайшіе посвятили дары, а жрецы великолѣпнѣйшія богамъ принесли жертвы, прося сирѣчь, чтобы тиранновой души боги къ себѣ не принимали; но адскимъ фуріямъ оную предали.

Что скажу о Патроклѣ, второмъ Коринѳскомъ Царѣ? Онъ на дватцать второмъ году своего возраста получа наслѣдство, толь былъ любострастенъ, злоязыченъ, жаденъ, сребролюбивъ и гордъ, что царствомъ, которымъ отецъ сорокъ лѣтъ управлялъ, сынъ едва и тритцать мѣсицовъ владѣлъ.

Воспоминаю Тарквинія гордаго, послѣдняго изъ семи Римскихъ Королей, который, по повѣствованію Историковъ, былъ лицемъ прекраснѣйшій, въ бранномъ ополченіи мужественнѣйшій, по крови знаменитѣйшій, и въ даяніи щедролюбивѣйшій. Но нещастный сей юноша всѣ дарованія отъ боговъ для прославленія и почитанія ихъ ему данныя обратилъ къ ихъ оскорбленію, красоту въ сладострастіи, и храбрость въ мучительствѣ употребляя. И такъ за учиненное насиліе цѣломудренной Лукреціи не токмо самъ царства лишился, и будучи выгнанъ изъ отечества даже до смерти въ неизвѣстныхъ мѣстахъ

странствовалъ; но и весь Тарквинiйской родъ вѣчную ссылку пострадалъ.

Приходитъ мнѣ на память и Неронъ Императоръ, который и наслѣдство имперiи получилъ, и жилъ, и умеръ младолѣтной. Ниже напрасно я говорю, что онъ младолѣтнымъ и жилъ и умеръ: ибо въ немъ добродѣтельныхъ Цесарей родъ скончался, и древнихъ тиранновъ память обновилася. Кому, думаешь, Пануцiй, сей тираннъ, жизнь даровалъ бы, естьли собственной матери смерть учинить дерзнулъ? Чего, скажи мнѣ, тотъ, который мать родившую его, умертвилъ; сосцы, которыя сосалъ, обнажилъ; кровь, отъ которой произшелъ, пролилъ; руки, которыя его пѣстовали и кормили, связалъ; чрево, въ которомъ составился, смотрѣлъ; чего говорю, такой проклятой человѣкъ, думаешь, не отважится, который сiе сдѣлать за удовольствiе почелъ? Въ тотъ день, когда Неронъ мать убилъ, Ораторъ въ Сенатѣ бесѣдуя, сказалъ: По достоинству должно было умертвить Агриппину, которая такое Римскому народу ужасное страшилище родила.

И для того не удивляйся онымъ новостямъ, которыя ты во мнѣ усмотрѣлъ, Пануцiй; ибо въ прешедшие три дни, когда я внѣ себя и какъ будто въ безумiи былъ, все сiе мнѣ представлялося, и передъ глазами моими неотступно находилося: потому что разумнымъ и попечительнымъ людямъ помышленiя суть вмѣсто пищи. Какiя состоянiя и склонности

между Государями, о которыхъ я говорилъ, разсѣяны ни были; всѣ оныя купно въ сынѣ Коммодѣ обрѣтаются: ибо ежели они были младолѣтны, богаты, свободны, дерзновенны и свирѣпы; равнымъ образомъ и сей младолѣтенъ, богатъ, свободенъ, дерзокъ и свирѣпъ; почему, естьли они были злонравны, не думаю, чтобъ и сынъ мой былъ добронравнымъ. Ежели многихъ младолѣтныхъ Государей, кои хорошо воспитаны, изрядно обучены, и строго содержаны и наказываемы были, тотчасъ по воспріятіи наслѣдства развращенными и беззаконными видимъ: то чего лучшаго можемъ надѣяться отъ тѣхъ, кои даже съ самаго младенчества своевольны и злонравны? Изъ добраго вина, я часто видалъ, крѣпкой дѣлается уксусъ; но чтобъ уксусъ опять перемѣнялся въ вино, никогда не слышалъ.

Поставилъ меня сынъ между волнами страха, и якорями надежды: ибо я съ одной стороны надѣюся, что онъ будетъ и добронравной, поелику хорошо отъ меня обученъ: а съ другой боюся, что будетъ и злонравной, поелику худо отъ Фавстины матери воспитанъ, и всего хуже, что отъ природы ко всякому злу юноша склоненъ. Сіе говорить побуждаетъ меня то, понеже я вижу, что все естественное вѣчно пребываетъ, а художественное вскорѣ погибаетъ. Почему я опасаюсь, дабы онъ по смерти моей не возвратился къ тому, что по природѣ отъ матери, а не что по наученію отъ меня имѣетъ.

Ахъ, естьли бы я никогда не имѣлъ сына, чтобы обязанъ не былъ оставить ему имперію! тогда то бы я избралъ *одного* изъ сыновей добродѣтельнѣйшихъ родителей, не будучи ничемъ обязанъ сему, котораго мнѣ даровали боги! Скажи мнѣ, Пануцій, кого ты щастливѣйшимъ почитаешь, Веспасіяна ли, природнаго Домитіанова отца, или Нерву усыновленнаго, отца добродѣтельнѣйшаго Траяна? Были оба, Веспасіанъ и Нерва, добродѣтельные Государи; но изъ сыновей Домитіанъ, всякаго беззаконія былъ предметомъ, а Траянъ всякаго добронравія зерцаломъ: и такъ Веспасіянъ въ щастіи имѣнія сыновей нещастливъ; а Нерва въ нещастіи неимѣнія дѣтей былъ щастливъ.

Другое скажу тебѣ, Пануцій, которое прилѣжно разсудя, презришь сладость жизни, и отложишь страхъ смерти. Я прожилъ шестьдесятъ два года, чрезъ которые много читалъ, много слышалъ, много видѣлъ, много желалъ, много получилъ, многимъ владѣлъ, много терпѣлъ, многимъ наслаждался; и послѣ всего нынѣ вижу, что умираю, и утѣхамъ моимъ и мнѣ самому конецъ настоитъ. Изъ всего же, что имѣлъ, чемъ владѣлъ, что пріобрѣлъ и чемъ наслаждался, двѣ только имѣю вещи, сирѣчь, мученіе, что оскорбилъ боговъ; и печаль, что въ порокахъ иждилъ время. Гораздо вящшее есть различіе между богатымъ и убогимъ въ смерти, нежели въ жизни. Понеже убогой для того, чтобъ успокоиться; а богатой, чтобъ мучиться, умираетъ.

раетъ. И такъ одинъ того, что имѣлъ, лишается; а другой то, чего желалъ, получаетъ.

Жестокою печалію терзается духъ въ исканіи, великой должно нести трудъ въ собираніи, величайшее надобно попеченіе въ сохраненіи, и особливая потребна тщаливость въ умноженіи; но безконечно вящшая есть печаль въ раздѣленіи имѣнія. О коль нестерпимая досада разумному мужу умирая, трудъ своего дому, величество имперіи, достоинство лица, опеку друговъ, поношеніе сродниковъ, награжденіе Министровъ, и память предковъ оставить, во власти толь злонравнаго, ни заслужившаго, ниже заслужить желающаго сына.

На девятой доскѣ древнихъ законовъ нашихъ написаны были сіи слова: Отцу по мнѣнію всѣхъ добродѣтельному, сына по мнѣнію всѣхъ злонравнаго наслѣдства лишить да будетъ вольно. Послѣ чего было прибавлено: Сынъ, который непослушенъ будетъ отцу, ограбитъ храмъ, пожретъ кровь вдовы, убѣжитъ изъ сраженія, вѣроломно обманетъ иностранца; и изъ сихъ пяти преступленій въ которомъ нибудь обличится, не токмо изъ Римскаго общества, но и изъ отческаго наслѣдства изверженъ да будетъ. По истиннѣ законъ сей былъ доброй, хотя грѣховъ ради нашихъ ужѐ нынѣ забвенію преданъ.

Естьли бы не ослабѣлъ я, какъ видишь, духомъ, ибо едва дышу; то воспомянулъ бы, сколь многіе изъ Парѳянъ, Мидянъ, Египтянъ, Ассиріянъ, Халдеянъ, Индійцовъ,

Евреянъ, Грековъ и Римлянъ, сыновей своихъ, коихъ они могли богатыми оставить, за единое только злонравіе убогими оставили, и сколь многіе напротивъ того, убогихъ дѣтей, за единую добродѣтель, оставили богатыми. Клянусь безсмертными богами: ежели бы въ то время, когда изъ Парѳской войны мнѣ возвращающемуся побѣдоносное торжество учинено, сыну имперія утверждена, не возпрепятствовали мнѣ Сенаторы; то конечно бы я Коммода съ пороками убогимъ оставилъ, и на его мѣсто котораго нибудь добродѣтельнаго мужа, всѣхъ царствъ наслѣдникомъ сдѣлалъ.

Пять вещей въ глазахъ моихъ обращаются, кои лучше бы я желалъ для довершенія другимъ оставить. Первая, что за жизни моей, не можетъ успокоиться знаменитой вдовы Друзіи споръ съ Сенатомъ: ибо, поелику она скудна и безобразна, не сыщется никого, кто бы учинилъ ей правосудіе. Вторая, что не въ городѣ умираю, гдѣ бы я умереть желалъ для единственнаго обнародованія, дабы всякъ, кто ни имѣетъ на меня или фамилію мою какую жалобу, ради полученія платежа, или другаго удовольствія приходилъ въ домъ мой. Третія, что, казня четырнатцать тиранновъ, кои разоряли Азію и Италію, не потопилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ, кои дѣлали разбой по морю. Четвертая, что не докончилъ храма въ честь всѣхъ боговъ начатаго, дабы по смерти могъ сказать имъ: Поелику я всѣмъ вамъ домъ устроилъ,

илъ, не великаго стоитъ, ежели и изъ васъ который нибудь меня во свой домъ приметъ.

Одни тѣ щастливыми и благополучными назваться должны, кои съ сею жизнію, любезны богамъ, и не ненавистны человѣкамъ разлучаются: ибо ежели мы такъ умираемъ; и честь нашу человѣки сохранять, и душу боги въ милости и попеченіи соблюдать будутъ. Послѣдняя, съ которою умираю, досада, что живаго и единаго наслѣдникомъ оставляю Коммода; и сіе не столько для ужаснаго паденія моего дому, котораго я опасаюсь, сколько ради великаго вреда и ущерба, которой несетъ общество: ибо Государямъ и Вельможамъ свои изъяны чужими считать; а о общественныхъ вредностяхъ не иначе, какъ о собственныхъ, соболѣзновать должно.

И такъ пусть будетъ къ тебѣ, любезный Пануцій, сіе послѣднее мое слово: Мужу не сребролюбивому, но добродѣтельному, ничего лучшаго не даютъ боги; какъ ежели ему въ жизни преизящную славу, и наконецъ въ смерти добраго наслѣдника даруютъ.

Впрочемъ, ежели я какое либо съ богами участіе имѣю, усердно ихъ почитаю и молю, дабы, естьли сына моего злая и развратная жизнь имъ поносительна, Риму соблазнительна, чести моей укорительна, и дому моему пагубна будетъ; прежде нежели мнѣ даруютъ смерть, соблагоизволили у него отнять жизнь.

ГЛАВА

ГЛАВА 57.

Достопамятная рѣчь М. Аврелія Императора, которую онъ въ часъ смерти, призвавъ къ себѣ сына Коммода, говорилъ, заключающая въ себѣ многія наставленія и примѣры, кои дѣтямъ своимъ отцы предлагать должны.

Когда время отъ времени болѣзнь М. Аврелія умножилась, и ежечасно казался быть ужѐ при послѣднемъ издыханіи; то онъ послѣ пространнаго съ Секретаремъ Пануціемъ бесѣдованія, приказалъ разбудить сына Коммода, который по обычаю юношъ безпечально спалъ. По приведеніи коего предъ лице отцово, несказанное въ предстоящихъ сожалѣніе возбудилъ взглядъ какъ отца, коего глазà плачемъ повреждены; такъ и сына, коего очи сномъ отягощены были: ибо ни сынъ, будучи отъ всѣхъ печалей свободенъ, пробудиться; ни отецъ, безмѣрнаго ради попеченія, уснуть не могъ. Видя же предстоящіе, съ коликою горячностію отецъ добраго и благополучнаго житія желалъ сыну, и съ коликимъ презрѣніемъ сынъ пренебрегалъ смерть отцову, какъ о старикѣ величайшее соболѣзнованіе, такъ и на сына крайнее негодованіе въ сердцахъ своихъ возъимѣли.

Въ то время добродѣтельнѣйшій Императоръ поднявши глаза къ небу, и простерши рѣчь къ сыну, началъ говорить ему слѣдую-

дующее: „Когда ты былъ отрокъ, я прика-
„залъ учителямъ, какимъ образомъ они те-
„бя воспитывать; когда же ты нѣсколько
„пришелъ въ возрастъ, я показалъ способъ
„твоимъ надзирателямъ, а моимъ Мини-
„страмъ, какимъ образомъ тебѣ совѣтовать
„долженствовали. Нынѣ же самъ тебѣ объ-
„явлю, какимъ образомъ тебѣ отъ не мно-
„гихъ, и всѣмъ отъ тебя единаго управля-
„емымъ быть должно. И естьли ты, лю-
„безный сынъ, то, что я скажу, почтешь
„за велико; то я съ моей стороны сіе самое,
„что ты повѣришь, гораздо почту за вящ-
„шее: ибо мы старики гораздо удобнѣе сно-
„симъ ваши обиды, нежели вы младолѣт-
„ные пріемлете наши слова. Разума у васъ,
„чтобъ намъ вѣрили, а не продерзости,
„чтобъ насъ безчестили и ругали, недоста-
„етъ; и всего недостойнѣе, какъ прежде
„старики мудрости и благоразумія перьвен-
„ство въ Римѣ имѣли, такъ нынѣ юноши
„глупости и безумія верьхъ имѣютъ„.

Столь нынѣ развратный, и отъ древня-
го отмѣнный свѣтъ, что подавать совѣты
у всѣхъ дерзновеніе есть; но принимать оные
никто терпѣнія не имѣетъ. И такъ между
многими тысячами продавцовъ совѣтовъ
нѣтъ ни единаго покупщика оныхъ. Я по мо-
ему нещастію, и твоему злонравію, удобно
вѣрю, что очень мало тебя слова мои воспоЛь-
зуютъ: ибо ты тѣ слова, коимъ за жизни
моей вѣрить не хотѣлъ, увидя мня мертва-
го, безъ сумнѣнія, въ послѣдній имѣть бу-
дешь.

дешь. Но что я ни дѣлаю, паче для исполненія моей должности, и во удовлетвореніе обществу, нежели въ надежду нѣкотораго исправленія твоей жизни, дѣлаю: ибо человѣки о томъ вредѣ наивящше досадовать должны, которой сами себѣ возпричинствовали. Когда кто нибудь меня обожаетъ; то я, или отмщая ему руками, или понося ругательными словами, сердце свое удовлетворяю; но естьли самъ себѣ обиду дѣлаю, такъ что бываю вмѣстѣ и обидчикомъ и обиженнымъ, то поелику не имѣю на кого излить гнѣвнаго яда, внутрь самаго себя крушусь и сохну.

Ежели ты, по воспріятіи наслѣдства имперіи, будешь злонравенъ: то отечество мое Римъ пусть на боговъ, которые тебѣ толь худыя склонности даровали; на мать твою Фавстину, которая тебя толь нѣжно воспитала; и на тебя самаго, что порокамъ противиться не умѣешь; а не на сего старика отца твоего, акибы онъ тебя наилучшими совѣтами не снабдилъ, жалуется: понеже естьли бы ты тѣ, которые я тебѣ подавалъ, совѣты за благо принялъ; то и человѣки имѣя тебя Государемъ, и боги поступая съ тобою какъ съ другомъ, веселились бы.

Обманываюсь ли я, не знаю: однако тебя толь поврежденнаго разумомъ, толь непостояннаго въ словахъ, толь развратнаго нравами и поступками, толь несправедливаго и свирѣпаго въ правосудіи, толь продерзскаго въ желаніяхъ и намѣреніяхъ, и толь нерадиваго въ принадлежащихъ и приличествующихъ

тебѣ

тебѣ дѣлахъ, что ежели не перемѣнишь, и не исправишь своего состоянія, и человѣки тебя возненавидятъ, и боги оставятъ и накажутъ. Ахъ, естьли бы ты, сынъ, разумѣлъ, коль важно есть и отъ человѣковъ ненавидимымъ, и отъ боговъ оставленнымъ быть! Клянуся всею святостію, не токмо область Рима ты презрѣлъ бы; но и собственными руками себя умертвилъ бы: ибо на кого немилостивы боги и недоброхотны человѣки, тотъ вкушаетъ хлѣбъ печали, и пьетъ слезы горести. Я вѣдаю, что не толикую ты чувствуешь печаль, видя конецъ дней моея жизни, коликую почерпаешь радость и удовольствіе, усматривая, что вскорѣ Римскимъ Императоромъ будешь; и сіе мнѣ ни мало не удивительно: ибо гдѣ царствуетъ вожделѣніе чувствъ, тамъ въ заточеніи обитаетъ разумъ.

Многіе многія вещи любятъ, потому что совершенно ихъ не знаютъ; которыя ежели бы совершенно извѣстны были, безъ малѣйшаго сумнѣнія былибъ ненавистны. Но увы! мы шутя любимъ, а боги и человѣки вправду насъ ненавидятъ. Мы во всѣхъ вещахъ толь сумнительны бываемъ, и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ такъ колеблемся, что иногда разума нашего остріе отъ излишней тонкости притупляется, и иногда вовсе иступясь рубить неспособно бываетъ, сирѣчь, мы добра ни слышать, ни учиться не хотимъ; ко злу же больше, нежели должно разума имѣемъ. Краткими словами, любезный сынъ, изъяс-

ню я тебѣ то, что я наукою и искусствомъ чрезъ шестьдесятъ два года позналъ; въ чемъ по твоему младолѣтству, самая справедливость требуетъ, чтобъ ты тому, который и отецъ твой, и лѣтами старъ, повѣрилъ: ибо мы Государи, поелику на открытомъ мѣстѣ обращаемся, какъ сами всѣхъ видимъ, такъ и насъ всѣ видятъ.

Поелику ты вскорѣ наслѣдникомъ имперіи Римской быть имѣешь; то думаешь, что по воспріятіи наслѣдства Монархомъ неба и земли будешь. Но ежели бы ты разумѣлъ, колико печалей и бѣдствій влечетъ съ собою власть и правительство; истинно лучше бы ты желалъ всѣмъ повиноваться, нежели одному повелѣвать. Поелику я тебя Императоромъ оставляю; то ты думаешь, что я оставляю тебѣ великое начальство, но обманываешся: ибо всѣ въ тебѣ одномъ, а ты напротивъ одинъ во всѣхъ нужду имѣешь. Ты думаешь, что я тебѣ премногія сокровища оставляю, поелику оставляю тебѣ величайшіе государственные доходы; но ты и въ семъ обманываешся: ибо ежели Государь сокровищами изобилуетъ, то не имѣетъ друговъ; естьли же изобилуетъ другами, то сокровищъ не имѣетъ. Ты думаешь, что я тебя и отъ законовъ свободнымъ оставляю, и что никто не дерзнетъ воспротивиться власти и повелѣніямъ твоимъ, но вездѣ и всегда повиноваться должно будетъ; но никакъ сего быть не можетъ: ибо Государь сохранить жизнь, и умножить честь свою желающій,

щій, гораздо безопаснѣе, ежели послѣдуетъ нравамъ, и угождаетъ хотѣніямъ всѣхъ, нежели когда хощетъ, чтобъ всѣ его нраву слѣдовали, и его хотѣнію угождали.

Поелику ты не знаешь, что есть правда, то не досадна будетъ тебѣ ложь; поелику не вѣдаешь, что есть миръ, то непротивна будетъ тебѣ война; поелику не извѣстно тебѣ, что есть покой, то не скучны будутъ тебѣ мятежи и бунты; поелику не знаешь, что есть имѣть друговъ, то недосадно будетъ тебѣ пріобрѣтать враговъ; понеже естьли бы ты былъ миролюбивъ, кротокъ, правдивъ и добронравенъ: то не токмо отъ имперіи Римской отрекся бы, но и отца, оставившаго тебѣ такое наслѣдство, проклялъ бы.

Вѣдай же, естьли не знаешь, что когда я оставляю тебѣ имперію; то не богатство, но убожество; не покой, но мятежъ; не миръ, но войну; не друговъ, но враговъ; не утѣхи, но печали тебѣ оставляю. Словомъ, оставляю тебѣ то, дабы ты всегда имѣлъ причину плакать, и никогда не могъ, хотя бы и желалъ, смѣяться. Объявляю, свидѣтельствую и клянусь, сынъ, что я тебѣ ни оставляю, есть суета, тщетность, легкомысліе, глупость, и явнѣйшій обманъ; и ежели ты обманомъ быть не вѣришь, то я нынѣ же обманутымъ тебя считаю. Долѣе, нежели ты, я жилъ; болѣе, нежели ты, видалъ, испыталъ, читалъ; и съ вящшимъ попеченіемъ, нежели ты, жизнь провождалъ. Когда

же

же я посреди всѣхъ сихъ наставленій обманутымъ себя признаю, то ты ли чаешь, что безпечально жить, и необманутымъ умереть возможешь?

Когда будешь думать, что повсюду въ глубочайшемъ спокойствіи и тишинѣ народы пребываютъ; то противъ чаянія твоего въ Африкѣ или въ Азіи какая нибудь провинція возмутясь отложится, которую ежели потерять, великой есть стыдъ и безславіе; а чтобъ возвратить, многаго стоитъ. Когда будешь думать, что пріобрящешь новыхъ друговъ, то посторонніе враги возстанутъ: ибо мы друговъ ниже ласкательствами къ себѣ привлекая удержать; а отъ враговъ, ниже убѣгая, спастися не можемъ Когда будешь думать, что ты совершеннѣйшимъ веселіемъ наслаждаешся, то какой нибудь нечаянной случай найдетъ: ибо въ домахъ Государей, кои много имѣютъ, и многимъ владѣютъ, весьма рѣдко пріятныя вѣсти бываютъ; а непріятныя безперерывно каждой день приходятъ.

Когда станешь думать, что ты все по желанію своему дѣлать величайшую вольность имѣешь; то въ самое то время наиболше связанъ и весьма мало свободенъ будешь: ибо добродѣтелькымъ и благоразумнымъ Государямъ не туда, куда юношескія ихъ влекутъ желанія, слѣдовать и стремиться; но на то, что достоинству званія ихъ приличествуетъ, вниманіе простирать должно. Когда будешь думать, что никто тебя обвинять не отважится, поелику ты Императоръ; то въ тѣ

поры наипаче остерегаться тебѣ должно: ибо злонравныхъ Государей хотя подданные угрозами стращать не смѣютъ; но смѣютъ измѣнять и предать: хотя не смѣютъ наказывать; но смѣютъ ругать; и кои другами ихъ быть не могутъ, тѣ врагами бываютъ; на послѣдокъ хотя рукою тѣла не вредятъ, но честь языкомъ поносятъ. Когда будешь думать, что удовольствованы твои служители и Министры; то они за новыя или прежнія службы награжденія отъ тебя востребуютъ: ибо издревле ведется сіе обыкновеніе, что кои ближайшими любимцами и въ наивящшей милости у Государей находятся, тѣ повседневно слабѣе въ служеніи, и повсечасно безстыднѣее въ прошеніи дѣлаются.

Ежелижъ въ самой вещи столько и толикихъ печалей имѣетъ Римская имперія; то я не знаю, кто бы столь былъ глупъ, чтобы съ толикимъ бременемъ наслѣдства ея желалъ: понеже хотя бы и наипаче кто имперію получилъ; однако гораздо дороже спокойствіе, которое она у насъ отнимаетъ, нежели утѣхи и роскоши, которыя намъ подаетъ. Ежели бы имперія Римская такъ, какъ въ древнія времена, была благоустроенная и почтенная, то хотя управлять ею и трудно; однако имѣть ее было бы честно. Нынѣ же когда она такъ пороками развращена, и толь многіе тиранны ею овладѣли; то я почтеннѣйшими признаю тѣхъ, кои бы безчестію ея посмѣялися, нежели кои бы честь ея возлюбили.

Еже-

Ежели бы ты разумѣлъ, какую власть, какое богатство, и какую силу имѣетъ, и что значитъ Римъ; то во истинну никогда бы о владѣніи его не старался: ибо хотя Римъ башнями и стѣнами высокъ; но недостаткомъ добродѣтельныхъ людей весьма низокъ; и хотя много въ немъ гражданъ, но напротивъ того безчисленное множество пороковъ. Словомъ, камни, изъ которыхъ устроены зданія, въ одинъ мѣсяцъ можно перечесть; а злодѣйствъ и беззаконій его ни за тысячу лѣтъ не льзя изчислить. Истинно я съ начала моего правительства, повѣрь клятвѣ моей, чрезъ три года, сколько ни было въ Римѣ развалившихся стѣнъ, возобновилъ; но къ добродѣтельному житію и чрезъ пятнатцать лѣтъ ни единой улицы исправить не могъ. Разумно Платонъ сказалъ, что великіе города больше отмѣнныя добродѣтели гражданами, нежели огромными и великолѣпными зданіями хвалиться должны.

Наиприлѣжнѣйше остерегайся, сынъ, дабы необузданность лѣтъ, и вольность власти, не обратили тебя къ упражненію въ какомъ нибудь порокѣ: ибо не щого свободнымъ назвать должно, который въ свободѣ раждается; но который въ свободѣ умираетъ. Сколь многихъ я читалъ, слышалъ и видалъ, кои родясь рабами, умерли свободными, для того что были добродѣтельны; и напротивъ того сколь многихъ видѣлъ, кои хотя и родилися свободными, но умерли робами, по той единственно причинѣ, что были пороч-

 ны.

ны. Такъ то даже дотолѣ тамъ пребываетъ вольность, гдѣ обитаетъ благородство.

Въ пространнѣйшихъ царствахъ Государей статься не возможно, чтобъ не дѣлалося премного неправдъ и беззаконій, къ наказыванію и исправленію коихъ надобно имъ отмѣннѣйшее имѣть великодушіе. Сего же, повѣрь мнѣ, сынъ, великодушія не достигнутъ Государи, по тому что весьма сильны и многовластны; но что добродѣтельми обогащены: ибо къ наказанію отважнѣйшими ихъ похвально провождаемая ими жизнь, нежели преимущество Царской, какую имѣютъ, власти сдѣлаетъ. Государь отмѣнныя добродѣтели ничего, ежели восхощетъ, безъ наказанія не оставитъ: ибо чрезъ подражаніе добродѣтельными его жизни, и чрезъ удержаніе беззаконныхъ страхомъ наказанія, не токмо никакого зла, но и ни единаго злаго человѣка въ обществѣ не остается. Живущій непорочно, въ наказаніи отваженъ; живущій же срамно, нижѐ устъ отворить не смѣетъ: ибо, кто другаго дерзаетъ наказывать за то, за что самаго наказать было должно; тотъ и предъ богами мерзокъ, и предъ человѣками проклятъ будетъ.

Пусть увѣрены будутъ Государи, что любовь гражданъ, вольность общества, твердость дому ихъ, доброжелательство друговъ, покорность враговъ, и повиновеніе подданныхъ, не множествомъ разсѣянныхъ по области оружій, но преимуществомъ единыхъ въ нихъ добродѣтелей сохраняются. Государю

отмѣнныя добродѣтели цѣлой свѣтъ самъ себя подъ власть и державу предаетъ; а противу беззаконнаго и собственная его земля возстаетъ.

Естьли добродѣтельнымъ быть желаешь, то послушай со вниманіемъ, что есть добродѣтель. Добродѣтель есть непреодолимая крѣпость, непроходимая рѣка, непреплаваемое море, неугасимый огнь, неистощимое сокровище, непобѣдимое воинство, неутомляющее бремя, всегда возвращающійся испытатель, необманывающійся стражъ, нечувствительный путь, всегда помогающій другъ, весьма скоро исцѣляющее лѣкарство, и никогда непогибающая слава. Ахъ, естьли бы ты зналъ, сынъ, что значитъ быть добродѣтельнымъ! сколь бы ты былъ добродѣтеленъ! Ибо чѣмъ кто порочнѣе, тѣмъ больше скукою пороковъ изнуряется; и по колику кто тщательнѣе къ дорбодѣтели, по толику меньше добродѣтельми утомляется. Ежели добродѣтели исполнять станешь; то благоугодишь богамъ, распространишь славу предковъ, пріобрящешь себѣ преизящную память, будешь своимъ радостенъ, и чужимъ любезенъ. Наконецъ добродѣтельные тебя любить, и беззаконные со страхомъ тебѣ служить будутъ.

Въ лѣтописяхъ о Тарентской войнѣ повѣствуется, что Пирръ, славнѣйшій Епирскій Царь, сіи слова вырѣзанныя на кольцѣ носилъ: Порочному и беззаконному человѣку легкое есть наказаніе, жизни лишеніе; а добродѣтельному мужу малое есть награжденіе,

всего свѣта данное господствованіе. Приличное по истиннѣ толикому мужу мнѣніе! Что можетъ быть предпріято отъ добродѣтельнаго мужа, чему бы мы щастливаго и благополучнаго конца не уповали? Да изчезнетъ сію минуту жизнь моя, ежели я въ разныхъ странахъ моей имперіи не видалъ многихъ незнатныхъ славою, неискусныхъ ученіемъ, неимѣвшихъ никакихъ общественныхъ чиновъ и должностей, скудныхъ имѣніемъ, и подлыхъ природою; чемъ всѣмъ оные не будучи возпрепятствованы, предпріяли толь великія дѣла, что и приниматься за оныя весьма глупо и безразсудно казалось; которыя однакожъ единымъ посредствомъ добродѣтели съ желаемымъ успѣхомъ привели къ намѣренному концу.

Клянуся милостію боговъ, клянуся преселеніемъ меня отъ Юпитера въ его жилище, и утвержденіемъ тебя въ моемъ домѣ! естьли я не зналъ въ Римѣ садовника и горшешника, кои по причинѣ добродѣтельнаго житія сдѣлали, что отъ Сената отрѣшено пять пребогатыхъ Сенаторовъ. Причина же къ возвышенію сихъ, и къ низверженію тѣхъ, была сія, что одному за глиняную посуду, а другому за садовые плоды денегъ не заплатила: ибо въ древности жесточае наказывали того, кто у убогаго яблоко отнялъ, нежели кто у богатаго домъ разорилъ. Сіе говорю я для того, что порокъ смѣлаго Государя малодушнымъ, а добродѣтель и малодушнаго смѣлымъ дѣлаетъ. Я всегда двухъ пороковъ осте-

стерегался, и съ крайнимъ стараніемъ тщился въ оные не впасть; сирѣчь, не спорить противъ явной правды, и не имѣть распри съ человѣкомъ отмѣнныя добродѣтели.

ГЛАВА 58.

М. Аврелій продолжая начатую рѣчь, совѣтуетъ сыну, для трудныхъ и важныхъ дѣлъ имѣть при себѣ мудрыхъ мужей, дабы могъ получать отъ нихъ здравые и полезные совѣты; при томъ увѣщаваетъ, что ему для увеселенія дѣлать, и какъ въ тайномъ совѣтѣ поступать должно.

Доселѣ я говорилъ тебѣ вообще; а нынѣ буду говорить подробну, заклиная тебя безсмертными богами, со вниманіемъ словъ моихъ послушать. Ибо когда я какъ престарѣлый отецъ тебѣ говорю; справедливость требуетъ, чтобъ ты какъ хорошо наставленный сынъ послушалъ. Ежели пріятно жизнію своею наслаждаться желаешь, то за велико почитай мои наставленія: ибо никогда здравымъ твоимъ желаніямъ и намѣреніямъ боги не дадутъ мѣста, ежели ты здравыхъ моихъ совѣтовъ за благо не пріимешь. Непослушаніе и недовѣренность дѣтей къ родителямъ, во вредъ самимъ же имъ обращаются: ибо часто боги учиненныя имъ досады прощаютъ, а за непочтеніе дѣтей къ родителямъ никогда прощенія не даруютъ.

Я не требую, чтобъ ты мнѣ деньги давалъ, понеже ты убогъ; не требую, чтобъ трудился, поелику ты нѣженъ; не требую, чтобъ врагамъ отмщалъ, понеже я никакихъ не имѣю; не требую, чтобъ ты мнѣ служилъ, поелику я умираю; не требую отъ тебя имперіи, поелику я оную тебѣ самъ оставляю; но сего единаго прошу и требую, чтобъ благочинно и благоразумно противъ общества поступалъ, дабы слава дому моего въ тебѣ не погибла. Ежели ты дорого цѣнишь, что столько царствъ тебѣ оставляется; то дороже почитай, что оставляются тебѣ столь полезные совѣты, которыми ты оныя сохранить можешь: ибо ежели ты надувшись спѣсью, совѣта моего употреблять не восхощешь, и положишся на собственной свой разсудокъ; прежде нежели плоть мою пожрутъ черви, ты отъ враговъ побѣжденъ и попранъ будешь.

Я былъ младолѣтенъ, легкомысленъ, неразборчивъ, скоропостиженъ, безразсуденъ, глупъ, несмысленъ, гордъ, спесивъ, злобенъ, завистливъ, жаденъ, гнѣвливъ, сребролюбивъ, скупъ, прожорливъ, нерадивъ, лѣнивъ и тщеславенъ; и понеже въ толикіе и толь тяжкіе пороки впалъ, для того въ предосторожность тебѣ столько и толь здравыхъ и полезныхъ совѣтовъ подалъ: ибо отъ того, который во всѣ свѣту въ юности порабощенъ былъ, зрѣлой совѣтъ въ старости происходитъ. Что доселѣ я тебѣ совѣтовалъ, и доколѣ умру, буду совѣтовать, въ томъ ты

оди-

одинождыI сдѣлай опытъ; и естьли оное тебѣ будетъ во вредъ, то оставь; естьли же въ пользу, то продолжай: ибо нѣтъ толь противнаго лѣкарства, которое бы больной принять усумнился, подумавъ, что оно къ возстановленiю здравiя способствовать будетъ.

Прошу тебя и увѣщаваю, любезный сынъ, пусть твоя младость моей старости, невѣжество мудрости, сонъ бодрости, темнота очей ясному зрѣнiю, мысль добродѣтели, и сумнѣнiе искусству повѣритъ; въ противномъ же случаѣ дойдешь нѣкогда до такой крайности, что мало къ раскаянiю, а къ отвращенiю и поправленiю вовсе времени имѣть не будешь. Естьли же скажешь, что, поелику я былъ младолѣтнымъ юношею, должно мнѣ допустить, чтобъ и ты такимъ же юношею былъ, поелику и ты со временемъ старикомъ будешь; то ежели ты непремѣнно восхощешь жить какъ юноша, прошу тебя, по крайней мѣрѣ повелѣвай какъ старикъ: понеже благочинно обществомъ управляющаго Государя многiя погрѣшности и домашнiя неустройства молчанiемъ отъ народа покрываются.

А какъ къ отправленiю важныхъ и трудныхъ дѣлъ надобны зрѣлые совѣты: такъ и къ удобнѣйшему понесенiю тягостей жизни нужно человѣку нѣкоторое увеселенiе: ибо и тетива въ лукѣ всегда натянутомъ или перывается, или ослабѣваетъ. Государямъ время въ правленiи подданныхъ провождающимъ, младолѣтныель или старые суть, нѣтъ ничего справедливѣе, какъ искать себѣ

чест-

честныхъ увеселеній: говорю я сіе не безъ причины; ибо иногда они толь срамныхъ и великлѣпныхъ ищутъ, что расточаютъ богатство, теряютъ достоинство, и больше утомляются, нежели когда бы въ общественныхъ дѣлахъ трудилися.

Я оставляю твоей юности знатныхъ Вельможъ сыновей, съ которымибъ ты могъ провождать время; и для того я ненапрасно старался ихъ изъ отрочества воспитать вмѣстѣ съ тобою, дабы ты по возрастѣ сдѣлавшись наслѣдникомъ имперіи, ежели бы паче чаянія потребовалъ товарищества младолѣтныхъ юношь, нашелъ хорошо изъученныхъ. Оставляю храбрѣйшихъ полководцовъ, для отправленія браней, хотя, правду сказать, военныхъ дѣйствій, ежели и съ разумомъ оныя предпріемлются, напослѣдокъ, щастіе конецъ управляетъ. Оставляю тебѣ вѣрныхъ мужей, для смотренія твоихъ сокровищь, коихъ не напрасно вѣрными называю: ибо часто сборщики и казначеи больше у Государей похищаютъ, нежели сколько въ Царскихъ домахъ иждивается. Оставляю тебѣ мужей искусныхъ и лѣтами старыхъ, для употребленія ихъ въ соучастники трудовъ и совѣтовъ, вѣдая, что нѣтъ ничего честнѣе и приличнѣе Государю, какъ быть окружаему и провождаему собраніемъ старыхъ мужей: ибо таковые и достоинство Государя, и преимущество дому его украшаютъ.

Позорища изобрѣтать, на театры ходить, рыбу въ рѣкахъ, звѣрей и птицъ въ

лѣсахъ ловить, рысталіемъ въ поляхъ перевѣдываться, и ружьемъ забавляться; сего тебѣ какъ младому юношѣ запретить не могу, дабы ты по обычаю юношескому съ другими юношами тѣмъ не веселился; но совѣтую, дабы при томъ купно и сіе разсуждалъ, что въ расположеніи войскъ, отправленіи браней, продолженіи побѣды, заключеніи перемирія, утвержденія мира, налаганіи даней, установленіи законовъ, произвожденіи одныхъ, отрѣшеніи другихъ, наказаніи беззаконныхъ, и награжденіи добродѣтельныхъ; въ сихъ, говорю, дѣлахъ отъ прозорливыхъ умовъ, изнуренныхъ тѣлъ, и совсѣмъ сѣдыхъ головъ надлежитъ требовать совѣтовъ. Ниже почитай за невозможность, или несносную досаду, время для увеселенія съ юношами провождать, и напротивъ того съ стариками совѣтоваться: ибо скромные и неразвратные Государи, на все время имѣютъ, ежели время размѣрять умѣютъ.

Прилѣжно остерегайся, сынъ, дабы не почли тебя неумѣреннымъ; говорю я сіе для того, дабы ты, ежели не знаешь, разумѣлъ, что равный стыдъ и срамъ Государю, подъ предлогомъ важности вовсе дать старикамъ надъ собою власть и управленіе, какъ и подъ видомъ увеселенія всегда съ юношами имѣть сообщеніе. Не главное есть сіе правило, чтобъ всѣ юноши легкомысленны, и всѣ старики разумны были. И такъ въ семъ случаѣ я тебѣ совѣтую, ежели усмотришь выходящаго уже изъ лѣтъ старика, то давай ему

увол-

увольненіе; и ежели найдешь разумнаго юношу, то не презирай его совѣта: ибо пчелы больше меду изъ молодыхъ и сочныхъ цвѣтовъ, нежели изъ вялыхъ и окрѣплыхъ листьевъ собираютъ. Я ни старыхъ не охуждаю, ни молодыхъ не хвалю; но какъ изъ сихъ, такъ и изъ тѣхъ наилучше выбирать всегда добродѣтельнѣйшихъ: ибо нѣтъ ни одного толь искренняго, откровеннаго, чистосердечнаго и непорочнаго въ свѣтѣ товарищества, чтобы съ онымъ можно было обращаться безъ подозрѣнія; поелику мы видимъ, что ежели юноши съ глупостію раждаются, то и старики съ жадностію и сребролюбіемъ живутъ. И для того паки тебя, любезный сынъ, увѣщаваю, дабы ты ни въ чемъ не выступалъ изъ предѣловъ умѣренности; ибо ежели ты на однихъ только юношъ увѣришся, то нравы твои испортятъ своими легкомысліями; естьли же на однихъ токмо стариковъ положишся, то правосудіе повредятъ своими прихотѣніями.

Что безобразнѣе, какъ Государю, который всѣми повелѣваетъ, допускать, чтобъ одинъ имъ самимъ повелѣвалъ? Повѣрь мнѣ въ семъ обстоятельствѣ, едва ли статься можетъ, чтобъ къ порядочному правленію многихъ довольно было разума единаго токмо Министра. Государю, который многими управлять долженъ, надлежитъ многихъ совѣты и разсужденія слушать. Нѣтъ ничего непристойнѣе, какъ ежели ты, будучи многихъ царствъ Государь, единую только отворишь

дверь,

дверь, для входу всѣмъ имѣющимъ къ тебѣ дѣло: понеже хотя мой ближайшій совѣтникъ добронравенъ, и мнѣ не врагъ; однако я его боюсь для того, что онъ врагамъ моимъ другъ. И такъ хотя по ненависти ко мнѣ зла мнѣ не сдѣлаетъ; однако я опасаюся, чтобы по дружбѣ къ другимъ добра мнѣ не пересталъ дѣлать.

Въ лѣтописяхъ Помпеянскихъ, помню, я нашелъ маленькую записную книжку, которую великій Помпей обыкновенно съ собою нашивалъ. Въ оной многія мнѣнія, самимъ имъ въ книгахъ читанныя, и изрядныя правила, изъ разныхъ странъ свѣта къ нему присланныя, были замѣчены. Кромѣ прочихъ же написано было сіе: Правитель общества, который цѣлое правленіе старикамъ поручаетъ, презрѣнія достойный; который юношамъ оное ввѣряетъ, легкомысленный; который самъ чрезъ себя оное управляетъ, безразсудный; а который чрезъ себя и чрезъ другихъ, тотъ Государь разумный. Сіи мнѣнія самаго ли Помпея, или изъ какой нибудь книги выбраны, или отъ какого Философа сказаны, или самому на прошеніе совѣта отъ друга сообщены, хотя я заподлинно доказать не могу; однако сіе утверждаю, что я собственною его рукою написанныя читалъ; и по истиннѣ золотыми буквами ихъ написать было достойно.

Ежели будетъ весьма трудное и важное дѣло, то по большой части старайся оное всегда рѣшить совѣтомъ: ибо ежели послѣдуетъ неудача; то поелику многихъ былъ совѣтъ, общая будетъ всѣхъ и вина. Самою

вещію

вещію испытаешь, любезный сынъ, совѣтуясь со многими, что иной будетъ толковать неспособности, иной опасности, иной страхъ, иной вредности, иной пользы, иной спасительныя средства; словомъ, трудности столько надѣлаютъ разбирательства, что помощію онаго явственно, что худо, и что хорошо, узнаешь. Прилѣжно увѣщаваю тебя, любезный сынъ, въ совѣтованіи какъ къ предлагаемымъ вредностямъ, такъ и къ представляемому спасительному способу равное вниманіе простирать: ибо истинный совѣтъ не въ сказываніи, что дѣлать должно; но въ изъясненіи, что оттуда воспослѣдуеть, состоитъ.

Когда предпріимешъ трудныя дѣла; то такъ уважай малые изъяны, чтобы тотчасъ ихъ отвратить; какъ и самыя величайшія вредности, кои со временемъ можешь поправить: ибо часто за нерадѣніемъ хозяина, кровлинъ и жолобовъ непочинивающаго, весь домъ портится. Когда же я совѣтоваться приказываю, то оное повелѣніе мое не въ семъ разумѣ пріемли, будто тебѣ столь заботливымъ быть должно, чтобъ для малыхъ дѣлъ тотчасъ соборъ созывалъ: ибо многія дѣла суть такія, что немедлѣнно исполненія требуютъ, и чрезъ ожиданіе совѣта хуже становятся. Что собственною силою и безъ вреда обществу сдѣлать возможешь, того другому не препоручай.

Какъ отъ подданныхъ твоихъ тебѣ только одному служеніе приносимо быть должно; то ты и въ семъ справедливо и съ правдою

сход-

сходственно поступишь, ежели отъ тебя одного и должное награжденіе имъ давано будетъ. Приходитъ мнѣ на память, что Марій Консулъ возвращаясь изъ Нумидійской войны, всю добычу, которую оттуда везъ съ собою, раздѣлилъ на войско, не внеся въ казну ниже единаго камышка, и будучи жестоко обвиняемъ, что не требовалъ на то ни позволенія, ни согласія Сенатскаго, такъ отвѣтствовалъ: Которые о томъ, чтобъ мнѣ служить, не требовали у другихъ совѣта; о тѣхъ награжденіяхъ и подаркахъ вовсе неприлично и мнѣ другихъ совѣтоваться.

Найдешь, сынъ, нѣкоторой родъ человѣковъ, кои будучи на деньги скупы, а на совѣты щедры, толь усердными себя оказываютъ, что и безъ прошенія къ подаванію совѣта сами себя представляютъ: о которыхъ сіе помни увѣщаніе, что никогда не должно втораго совѣта ожидать отъ того, отъ котораго первой поданъ во вредъ другому. Ибо такой человѣкъ хотя словами усердное желаніе служить тебѣ являетъ; но самою вещію все дѣло обращаетъ къ своей пользѣ.

Истинно, я получа отъ боговъ долголѣтную жизнь, довольное во всѣхъ сихъ дѣлахъ пріобрѣлъ искусство. Вѣдай, что я пятнатцать лѣтъ былъ Консуломъ, Сенаторомъ, Ценсоромъ, Преторомъ, Квесторомъ, Едиліемъ, Трибуномъ, и послѣ всѣхъ сихъ долж-

ностей двадцать два года Императором Римскимъ; чрезъ всѣ же тѣ лѣта премногіе то, что говорили, къ собственной пользѣ, и вреду ближняго наклоняли, и на подобіе чудовища было, ежели кто простосердечно къ моей услугѣ и пользѣ, и другаго выгодѣ говорилъ.

Главный предметъ тѣхъ, кои гоняются за службою Царскихъ домовъ, есть сей, чтобы имѣли способъ распространить свои домы; къ достиженію чего ежели нѣтъ средства, то они стараются уменьшить чужіе, не въ надеждѣ полученія какой либо корысти, или въ отмщеніе сдѣланной имъ отъ другихъ въ чемъ нибудь обиды; но поелику злоба человѣческая есть такого свойства, что пользу другаго своимъ вредомъ почитаетъ. И такъ величайшаго сожалѣнія достоинъ Государь, которому премногіе не по любви къ нему, но по надеждѣ ожидаемыхъ отъ него щедротъ, усердствуютъ. Сіе явственно есть изъ того, что лишъ только онъ давать перестаетъ, тотчасъ презирать его начинаютъ, такъ что мы таковыхъ Министровъ не доброжелателями его лица, но прожорливыми птицами его богатствъ справедливо назвать можемъ.

Правда, въ твоей волѣ состоитъ, любить одного больше, нежели прочихъ; однако по моему мнѣнію, ни тебѣ, ни ему не полезно, любовь оную явно оказывать, чтобы всѣмъ о томъ учинилось извѣстно: ибо ежели

ты сего остерегаться не станешь; и на тебя роптать, и на его гонительствовать будутЪ. Ниже вЪ малой бѣдѣ и опасности обращается тотЪ, кого Государь паче всѣхЪ отмѣнно любитЪ, и при себѣ держитЪ, для того что онЪ тотчасЪ ненависти и гоненію всѣхЪ подверженЪ бываетЪ; почему таковый любимецЪ больше вреда изЪ недоброхотства всѣхЪ, нежели изЪ любви единаго Государя получаетЪ: ибо иногда попущеніемЪ боговЪ, и дѣйствіемЪ противной судьбины, хотя Государь его любить перестаетЪ; но они не перестаютЪ ненавидѣть. Истинно я сЪ самаго того времени, какЪ узналЪ правленіе общества, всегда углубленное вЪ сердцѣ моемЪ содержалЪ правило, никогда не имѣть вЪ домѣ своемЪ такого человѣка, которой по усмотренію моему, былЪ ненавистенЪ городу.

ВЪ лѣто отЪ созданія города шесть сотЪ семьдесятЪ девятое, *Л. Лициній Лукулл*Ъ производя войну противЪ Митридата, по случаю нашелЪ мѣдную доску Тиграноцертову, на воротахЪ Царскаго дому поставленную, на которой вырѣзаны были Халдейскими буквами слѣдующія мнѣнія.

Доска Лукулланская, содержащая на себѣ касающіеся до Государей совѣты и увѣщанія.

Не разуменЪ Государь, обязанный единому другу, и привлекающій чрезЪ то неми-

 ну-

нуемыя царству своему бѣдства: ибо тщаніе единаго друга никогда не сдѣлаетъ того, что любовь народа вѣрнымъ и искреннимъ сердцемъ совершаетъ.

Не разуменъ Государь, который единому даетъ много, не радя о томъ, что всѣ ничего не имѣютъ; ибо нѣтъ ничего печальнѣе земледѣльцу, какъ ежели плоды, которые онъ посѣялъ, чужая рука пожинаетъ.

Срамно дѣлаетъ Государь, ежели единаго сребролюбивое сердце, паче нежели всѣхъ услуги удовлетворяетъ: ибо достойную мзду можно воздать заслугамъ добродѣтельныхъ, но злаго человѣка жадная душа насытиться не можетъ.

Не разуменъ Государь, который всѣхъ совѣты презираетъ, повинуясь разсудку единаго друга: ибо единая слабая рука правитъ рулемъ галеры, которая однакожъ не единаго гребца трудомъ путь продолжаетъ.

Воспротиворѣчишь, что здраваго ума не имѣетъ Государь, который единаго любовь всѣхъ ненависти предпочитаетъ? Понеже благородному мужу всегда въ любви жизнь умѣренную и ненависти непричастную провождать приличествуетъ.

Сіи

Сіи слова на оной доскѣ были, по истиннѣ безсмертной памяти достойныя. Я объ ней могу сверьхъ того подтвердить и сіе, что Лукуллъ съ одной стороны поставилъ доску, на которой вырѣзаны были тѣ слова, а съ другой сундуки, въ которыхъ привезъ Царскія сокровища, дабы Сенаторы одно изъ нихъ избрали, или оставили; но Сенатъ всѣ сокровища уничтожилъ, и вмѣсто ихъ удержалъ себѣ доску совѣтовъ.

ГЛАВА 59.

М. Аврелій продолжая начатую рѣчь, въ особливое наблюденіе поручаетъ сыну нѣкоторыя вещи, говоря къ нему толь полезныя слова, что всякому оныя на сердцѣ своемъ написать, кажется, должно.

Говорилъ я доселѣ, какъ отецъ сыну, токмо принадлежащее къ твоей пользѣ. Теперь остается показать, чего я желаю, дабы ты по смерти моей для меня сдѣлалъ; и естьли желаешь быть роднымъ сыномъ отцу, то что я въ жизни ни любилъ, ты по смерти моей за любезнѣйшее почитай. Не подражай премногимъ дѣтямъ, кои родителей своихъ, какъ только закрыли глаза, болѣе уже не воспоминаютъ: ибо хотя родите-

ли суть мертвые и погребенные; однако, чтобъ жаловаться предъ богами на дѣтей, всегда суть живые. Хотя же не столь кажется безчинное, однако гораздо опаснѣйшее дѣло, съ мертвыми спорить, нежели живыхъ оскорбить, для того что поелику живые и обиду отмстить, и за себя отвѣтствовать могутъ; изъ которыхъ вещей ни въ одной мертвые не имѣютъ власти; то въ защищеніе ихъ боги вступаются, и иногда толь жестоко живыхъ наказуютъ, что оные лучше бы мертвыми, нежели живыми быть желали.

Должно тебѣ помышлять и разсуждать, сынъ, что я тебя родилъ, воспиталъ, обучилъ, любилъ, нѣжилъ, наказывалъ и возвысилъ; и сіе помышляя, хотя я чрезъ смерть ухожу отъ твоего присутствія, не есть справедливо тебѣ истребить меня изъ своей памяти: ибо родной и не неблагодарной сынъ, въ тотъ самой день, когда отца положилъ въ твердомъ гробѣ, долженъ погребсти его въ нѣжномъ сердцѣ. Между божественными наказаніями, кои глазами нашими видимы бываютъ, есть и сіе, что дѣти еще живымъ родителямъ не повинуются; понеже и сами родители своихъ родителей, по смерти ихъ забвенію предали.

Младолѣтные Государи, получа наслѣдство, и по смерти отца не имѣя ужѐ нико-

ко-

кого надзирателя, думаютъ, что все по желанію ихъ дѣлаться будетъ; но обманываются: ибо ежели они имѣютъ прогнѣванныхъ боговъ, и присовокупится къ тому клятва родителей; жить будутъ съ горестію, и умрутъ съ бѣдствіемъ. Я ничего инаго отъ тебя не требую, кромѣ чтобъ каковъ я тебѣ отецъ былъ въ жизни, таковъ ты мнѣ сынъ былъ по смерти.

Препоручаю тебѣ честь и почитаніе боговъ, и прошу прилагать вящшее о сихъ, нежели о прочихъ вещахъ, попеченіе: ибо Государю любящему боговъ, и пекущемуся о нихъ, не для чего страшиться каковойлибо бури противнаго щастія. Люби боговъ, и любимъ будешь; почитай боговъ, и почитаемъ будешь; бойся боговъ, и страшенъ будешь; отдавай честь богамъ, и тебѣ честь отдавать будутъ; пекися о ихъ дѣлахъ, и они о твоихъ попекутся; совершай ихъ дѣла, и они твои совершатъ; и наипаче, когда толь милостивы и благоутробны суть боги, что не токмо дѣла наши, но и желанія, что дѣлать намѣреваемъ, въ книгу вносятъ.

Препоручаю тебѣ попеченіе святыхъ храмовъ, дабы пренебрегаемы не были; но дабы во всякой чистотѣ и благолѣпіи содержаны, и обыкновенныя въ нихъ служенія отправляемы были; которую честь мы не камнямъ или де-

деревамъ, изъ коихъ храмы устроены, но богамъ, коимъ посвящены, отдаемъ.

Препоручаю тебѣ почитаніе священнослужителей, и прошу, дабы ты, для того что безпокойны, жадны, сребролюбивы, развратны, невоздержны, нерадивы, лѣнивы и порочны, ихъ не презиралъ: ибо не до насъ касается судить жизнь, которую они какъ человѣки провождаютъ; но должно взирать на то, что они между нами и богами званіе ходатайства отправляютъ. Разсуждай, сынъ, что служить богамъ, почитать храмы, и отдавать честь священнослужителямъ, суть дѣла непроизвольныя, но необходимо нужныя Государю: ибо дотолѣ процвѣтала слава Римлянъ, доколѣ они почитали своихъ боговъ, и усердными были рачителями ихъ храмовъ. Нещастное же царство Пинцовъ хотя было не глупѣе, ни лѣнивѣе, ни убоже Римскаго: однако отъ Римлянъ побѣждены, для того, что они величайшіе любители сокровищъ, и нерадивые почитатели храмовъ были.

Препоручаю тебѣ Елію мачиху, которая хотя не мать твоя; однако помышляй, что она была моя жена. Чѣмъ ты Фавстинѣ долженъ, что тебя родила: тѣмъ долженъ и Еліи, что съ тобою такъ пріятно поступала; ибо ежечасно, когда я на тебя распалялся гнѣвомъ, она за тебя вступалася, и меня къ тебѣ умилостивляла, благоразумными

ми сирѣчь словами исцѣляя то, что ты дѣлами уязвилъ. Да исполнятся надъ тобою отческія клятвы, ежели ты съ нею худо поступать будешь; и да возгорится на тебя гнѣвъ боговъ, ежели не допустишь, чтобъ другіе съ нею хорошо поступали: ибо какія онѣ ни претерпитъ досады, все въ безславіе моея смерти, и во вредъ твоея жизни обратится. Осійскихъ доходовъ на пропитаніе, и Вулканскихъ садовъ, кои самъ я посѣялъ, для увеселенія ей отписанныхъ, у нее не отнимай: ибо ежели отъимешь, то злобу; естьли же оставишь, то повиновеніе; а ежели еще и болѣе дашь, то добродушіе и щедролюбіе окажешь. Помни сынъ, что она Римская гражданка, вдова, младолѣтняя, и изъ дому Государя моего Траяна взятая, есть твоя посторонная мать и моя законная жена, паче же всего, прилѣжно тебѣ отъ меня препорученная.

Препоручаю тебѣ зятей моихъ, съ которыми поступай такъ какъ съ сродниками и другами, и остерегайся быть въ числѣ тѣхъ, кои словами братья, а дѣлами сосѣди. Буди увѣренъ, что я сердечно желалъ дочерямъ моимъ мужей, какихъ въ сей землѣ сыскать было возможно, избрать наилучшихъ; и по истиннѣ оные толь добродѣтельны оказалися, что хотя мнѣ только по причинѣ брачнаго союза зятья, однако я не иначе, какъ сыновей ихъ любилъ.

Препоручаю тебѣ сестеръ твоихъ, дочерей моихъ, коихъ всѣхъ оставляю выданныхъ въ замужство не за иностранныхъ Королей, но за Римскихъ Сенаторовъ и гражданъ, дабы вы такимъ образомъ всѣ въ городѣ жили, и гдѣ и онѣ тебѣ услуги и послушаніе, и ты имъ благодѣянія взаимно оказывать можете. Сестры твои великую часть красоты Фавстины матери своей, какъ будто по наслѣдству получили, и весьма малую долю отческаго наставленія удержали: однако, повѣрь мнѣ, такихъ имъ мужей сыскалъ, и самымъ мужьямъ такія и толь полезныя наставленія далъ, что они скорѣе потеряютъ жизнь, нежели допустятъ имъ потерять свою честь. Такъ поступай съ сестрами своими, чтобъ онѣ ни для смерти престарѣлаго отца, защиты и покровительства лишалися; ни для Императорской власти брата глупыми и гордыми не сдѣлалися: ибо женщины толь нѣжной нравъ имѣютъ, что и изъ самой малѣйшей причины жалуются, и еще изъ гораздо меньшей спесивятся. И для того ты по смерти моей такимъ образомъ ихъ содержи, какимъ я въ жизни моей ихъ содержалъ; а инако обхожденіе ихъ и городу соблазнительно, и тебѣ тягостно будетъ.

Препоручаю тебѣ Липуллу меньшую твою сестру, у Весталькихъ дѣвъ заключенную. И ты помни, что она и сестра твоя, и дочь Фавстины моей супруги, которую я и въ жизни премного любилъ, и по смерти даже до

по-

послѣдняго издыханія моего оплакивалъ. Я сестрѣ твоей опредѣлилъ на нужные разходы ежегоднаго жалованья по шести тысячь червонныхъ, и любя ее крайне горячо, яко послѣднюю изъ всѣхъ дочерей, выдалъ бы равно, какъ и прочихъ ея сестеръ, въ замужство, ежели бы она лицемъ на горящее уголье не упала. Подлинно всѣмъ паденіе оное въ огонь великимъ нещастіемъ показалось, а мнѣ оное нещастіе кажется щастіемъ: ибо не такъ жаромъ сожжено было ея лице, чтобы честь ея между злословными языками вредъ претерпѣть могла. Она, повѣрь мнѣ, что до божественнаго служенія, и человѣческой славы касается, не токмо гораздо спокойнѣе и безопаснѣе живетъ въ храмѣ съ Весталъскими дѣвами, нежели ты въ Сенатѣ съ Сенаторами. Но я еще нынѣ же пророчествую, что со временемъ полезнѣе ей будетъ заключеніе, нежели тебѣ свобода. Въ Луканіи я опредѣлилъ давать ей ежегодно по шести тысячь червонныхъ, которыя ты паче умножить, нежели отнять старайся.

Препоручаю тебѣ Друзію, вдову Римскую, имѣющую споръ съ Сенатомъ, за ссылку мужа ея по причинѣ минувшихъ бунтовъ; о которой знатнѣйшей и добродѣтельнѣйшей вдовѣ я весьма сожалѣю, что поданной мнѣ отъ нее за три мѣсяца прежде сего челобитной, будучи воспрепятствованъ военными дѣлами, разсмотрѣть не могъ. Справедливо подтвердить мо-

могу, что чрезъ тритцать пять лѣтъ, въ которые я правительствовалъ, никогда не допустилъ ни единой вдовѣ болѣе осми дней имѣть у меня жалобу. Наиприлѣжнѣйше наблюдай, любезный сынъ, чтобы производство сиротскихъ и вдовыхъ дѣлъ скорое теченіе, и справедливое рѣшеніе имѣло: ибо нещастныя жены, гдѣ ни обращаются внѣ своего дому, въ величайшей опасности и бѣдствіи находятся. Не напрасно я тебѣ совѣтую, дабы ты скоро ихъ въ домъ свой отпускать, и правосудіе имъ дѣлать старался: ибо женщины, коихъ чести нѣтъ ничего нѣжнѣе, естьли тяжбы продолжаются, премного славы своей погубляютъ; и ежели далѣе дѣла ихъ отложатся, то не столько именія пріобрящутъ, сколько чести своей потеряютъ.

Препоручаю тебѣ страхъ моихъ Министровъ, коихъ многія лѣта, жестокія брани, различныя нужды, и наконецъ ослабѣвшее мое тѣло и долговременная моя болѣзнь, равно какъ и самаго меня, досадами изнурили; и поелику они какъ вѣрные Министры, ежечасно для спасенія моей жизни, самихъ себя смерти подвергали: то весьма справедливо, чтобъ за воспріятіе мною (такъ сказать) ихъ смерти, были наслѣдниками моея жизни. Безъ всякаго и малѣйшаго сумнѣнія будь увѣренъ, сынъ, что хотя тѣло мое во гробѣ между червями обитать будетъ, память одна-

такожЪ ихЪ я у боговЪ вѣчно сохранить имѣю. И такЪ окажешь себя добрымЪ сыномЪ, ежели тѣхЪ, кои отцу твоему служили, наградить не оставишь.

Государь наблюдающїй правосудїе, исполняя оное, всегда прїобрѣтаетЪ себѣ враговЪ, исполненїе коего поелику чрезЪ находящихся при немЪ МинистровЪ отправляется, то сколько оные Государю любезнѣе, столько народу ненавистнѣе бываютЪ: ибо хотя всѣ вообще правду любятЪ; однако никто храненїя оной вЪ собственномЪ своемЪ домѣ не желаетЪ. Чего ради по смерти Государя народЪ кЪ отмщенїю МинистрамЪ правосудїя склоненЪ бываетЪ. И такЪ когда ты чрезЪ осмнатцать лѣтЪ у МинистровЪ моихЪ находилЪ откровенныя сердца; величайшаго безславїя имперїи, прогнѣвленїя боговЪ, и моей обиды была бы причиною твоя неблагодарность, ежели бы они вЪ одинЪ тотЪ день у тебя нашли заключенныя двери. И для того крѣпко содержи сїе вЪ памяти; я же сЪ моей стороны помню ихЪ поимянно вЪ смерти, буду вѣчно помышлять, что оные мнѣ любезны были вЪ жизни.

ГЛАВА

ГЛАВА 60.

Какимъ образомъ М. Аврелій рѣчь и жизнь окончилъ, и какія были его послѣдния слова; такожъ о доскѣ съ надписаніемъ совѣтовъ, сыну Коммоду данной.

Когда же повелѣнія и завѣты къ сыну Коммоду окончилъ Императоръ, и ужѐ разсвѣтало; то впадшія его глаза̀, косноре̂чащій языкъ, и дрожащія руки приближившуюся смерть возвѣщали. Чего ради добродѣтельнѣйшій Императоръ, усмотря пришествіе онаго неизбѣжнаго часа, приказалъ Секретарю Пануцію итти въ книжную полату, и принести большой ящикъ, по принесеніи коего вынулъ оттуда малую доску шириною трехъ, и длиною двухъ футовъ, сдѣланную изъ слоновой кости, и вкругъ обложенную единорожцевымъ рогомъ. Оная запиралася двумя весьма субтильными дверцами изъ краснаго Аравитскаго дерева, на которомъ, сказываютъ, фениксъ гнѣздо свиваетъ, и какъ одинъ имѣется фениксъ, которой раждается въ благополучной Аравіи, такъ ни единаго кромѣ онаго въ цѣломъ свѣтѣ такого дерева не обрѣтается. Съ наружи на одной сторонѣ доски образы Юпитера, а на другой Венеры

вы-

вырѣзаны; внутри же Марсъ и Діана живописью изображены были. На верьхней части доски былъ хитрымъ мастерствомъ вырѣзанъ быкъ, а на нижней написанъ нѣкоторый Царь, искусствомъ славнѣйшаго живописца Апеллеса.

Когда же взялъ въ руки доску Императоръ; то углубя на сына очи, и обратя къ нему рѣчь, говорилъ слѣдующее: Ужѐ видишь, любезный сынъ, меня выходящаго изъ бурныхъ вихрей непостояннаго щастія, и вступающаго на печальныя поля смерти, гдѣ самымъ опытомъ узнаю, что остается послѣ жизни. Не есть нынѣ время клеветы, но сожалѣнія о клеветахъ, а инако спросилъ бы я: для чего боги насъ создали, естьли мы толикія бѣдствія и досады въ жизни, и толикой трудъ въ смерти претерпѣваемъ? Ибо я не постигаю разума и намѣренія боговъ, когда усматриваю, коликаго они противу тварей свирѣпства употребили. Какъ то и мнѣ, по среди опасностей и бѣдствій въ пучинѣ сея жизни чрезъ шестьдесятъ два года волнующемуся и обуреваемому, нынѣ сойти съ корабля, и въ пристанище погребенія итти повелѣваютъ.

Ужѐ наступаетъ часъ, въ которой преломляется челнокъ, разсѣкается основа, прерывается нить, закрѣпляется клиномъ сводъ, пробужается сонъ, кончается жизнь, и я узнаю, что скоро отъ сего жесточайшаго мученія

нія избавлюся. Когда то, что я вЪ жизни претерпѣлЪ, воспоминаю; то никакого болѣе желанія кЪ жизни не имѣю. Но не зная, куда насЪ смерть уноситЪ, боюся и ужасаюся смерти.

Увы мнѣ! что стану дѣлать, когда боги того, что дѣлать должно, не обЪявляютЪ? Какой воспріиму совѣтЪ, когда ни единаго друга вЪ семЪ пути товарищемЪ не имѣю? Какой можетЪ быть большій обманЪ, или явнѣйшая слѣпота, какЪ любить вЪ жизни какую либо вещь, когда смерть насЪ ничего сЪ собою взять не допускаетЪ? Для чего я хочу богатымЪ быть, когда принужденЪ буду убогимЪ умереть? Для чего желаю со множествомЪ окружающихЪ слугЪ жить; когда принужденЪ буду одинЪ умереть? На сію толь малую краткость жизни, кто бы пожелалЪ дому, когда истиннымЪ домомЪ нашимЪ есть тѣсной гробЪ?

Хотя же я о многихЪ прешедшихЪ вещахЪ соболѣзную; однако ни о единой, повѣрь мнѣ, болѣе не сокрушаюсь, какЪ о томЪ, что толь поздно получилЪ свѣденіе сея жизни. Понеже естьли бы я вправду могЪ вѣрить тому, что нынѣ познаю; никогда бы столько причинЪ или людямЪ меня поносить и осуждать не подалЪ, или самЪ рыдать и сѣтовать не имѣлЪ. Подлинно, человѣки когда почувствуютЪ предписаніе послѣдней необходи-

ходимости; то ежели по милости боговъ избѣгнуть онаго удастся, добродѣтельную и непорочную жизнь провождать намѣреваютъ. Сей есть предметъ попеченій, сей предметъ обѣщаній. Но увы, мы видимъ, что они живыми выходя, никакого старанія о исправленіи жизни не прилагаютъ. Однако тѣ, кои получа желаемое отъ боговъ, обѣщаній своихъ не исполняютъ, пусть безъ всякаго сумнѣнія вѣдаютъ, что въ самое то время, когда жизнь имъ наипаче пріятна, умереть принуждены будутъ: ибо неблагодарнымъ наказаніе хотя отлагается, однако вина не прощается.

Вѣдай, любезный сынъ, что я зрѣніемъ, слышаніемъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ, желаніемъ, владѣніемъ, ядѣніемъ, сномъ, словопроизношеніемъ, и наконецъ самою жизнію насытился: ибо толь великую брезгливость и отвращеніе пороки въ тѣхъ, кои охотно за ними производятъ, какъ и желаніе въ тѣхъ, кои никогда ихъ не отвѣдали, возбуждаютъ. Клянуся безсмертными богами, что я не желаю жить; но однакожъ не хочу и умереть: ибо толь тягостна жизнь, что несносною; и толь подозрительна и сумнительна смерть, что страшною кажется.

Хотя же бы и наипаче должайшую жизнь мнѣ даровали боги; я не извѣстенъ, послѣдовалось ли бы какое исправленіе. Естьли же

нѣтъ никакой надежды исправленія, я ни богамъ непорочнѣе служить, ни обществу больше пользы приносить не имѣю; и коликократно въ болѣзни страдать стану, смерть горестна будетъ: то я охотно смерть пріемлю, и безъ досады жизнь оставляю. Жизни толь бѣдственной, поползновенной, подозрительной, сумнительной, жестокой, досадной, и наконецъ жизни толь безжизненной, крайне глупъ, кто желаетъ. И такъ что со мной потомъ ни послѣдуетъ, я все сказанное презря, отдаю себя во власть боговъ, да еще и самопроизвольно: ибо инако быть не можетъ; понеже разума требуется сдѣлать, чтобъ вмѣнено было за услугу то, что по неволи и противъ желанія кто дѣлаетъ.

Я не желаю препоручать себя священникамъ, ни приказываю итти къ прошенію божественныхъ отвѣтовъ, ни хочу обѣщать храмамъ какихъ либо даровъ, ни повелѣваю приносить богамъ жертвъ для того, чтобы избавя отъ смерти, жизнь мнѣ возвратили; но съ прилѣжаніемъ и благоговѣніемъ молить, дабы, ежели они къ какому благу меня создали, я злою жизнію того не утратилъ.

Толь постоянны, премудры и разумны въ словахъ, и толь справедливы и истинны въ обѣщаніяхъ боги, что ежели меньше даютъ, нежели мы получить желаемъ; не для того сіе бываетъ, что дать не хотятъ, но

что

что мы того не заслуживаемъ. Не безъ причины я сказалъ, что мы погубляемое нами чрезъ грѣхи погубляемъ: ибо мы толь ничтожны, немощны и малосильны, что многія добрыя дѣла къ заслугѣ никакой силы не имѣютъ, и напротивъ того единаго злаго дѣла къ прослугѣ и потерянію милости довольно. Когда я ужѐ препоручилъ себя во власть боговъ; то пускай они дѣлаютъ то, что имъ угодно: понеже, какъ бы худо они со мной ни поступили; однако лучше, нежели свѣтъ поступалъ, со мною поступятъ. Ибо все, что ни давалъ мнѣ свѣтъ, былъ одинъ обманъ и посмѣяніе; но что ни даруютъ мнѣ боги, я тѣмъ безъ страха и подозрѣнія владѣть буду.

Бисеръ тебѣ, любезный сынъ, для сего послѣдняго часа я сохранилъ, всѣхъ, кои имѣлъ въ жизни, наилучшій, прекраснѣйшій и дражайшій, и клянуся безсмертными богами, что ежели бы, какъ умереть мнѣ повелѣваютъ, такъ читать оной позволеніе и возможность даровали; приказалъ бы я его съ собой положить въ гробъ. Я чаю, знаешь, сынъ, что въ десятое лѣто моего царствованія предпріята была война противъ неукротимыхъ Паровъ, въ которое время по необходимости я самъ принужденъ былъ присутствовать на сраженіи. Когда же я получа побѣду, умиралъ, и успокоилъ всю оную провинцію; то поѣхалъ въ древній Египетскій городъ Ѳивы съ тѣмъ намѣреніемъ, не найду ли тамо како-

го нибудь прешедшихъ временъ древняго гроба. И такъ по случаю въ храминахъ Египетскаго жреца нашелъ малую доску, которую, къ воротамъ Царскаго дому въ день посвященія пригвождали; и жрецъ мнѣ сказывалъ, что обрѣтающіяся на оной доскѣ слова отъ Египетскаго Царя Птоломея Арсациды написаны были.

Молю безсмертныхъ боговъ, любезный сынъ, да даруютъ, чтобъ такія были твои дѣла, какія на ней обрящешь слова. Какъ Императоръ оставляю тебя наслѣдникомъ толь многихъ царствъ, и какъ отецъ вручаю тебѣ сію доску толь полезныхъ совѣтовъ. Слова, которые родители дѣтямъ въ послѣдній часъ говорятъ, дѣти вѣчно въ памяти и мысли своей содержать должны. Пусть же будетъ сіе послѣднее мое слово: Власть страшнымъ, а совѣты сея доски любезнымъ тебя всѣмъ сдѣлаютъ. Сказавъ сіе, и отдавъ доску, отвратилъ Императоръ очи, и лишился чувства, и при ощущеніи въ немъ около четверти часа жару, по малу скончался. На оной же доскѣ находилися Греческимъ языкомъ написаны стихи слѣдующаго содержанія:

Не возвелъ я на высоту богатаго тиранна, ни возгнушался убогаго правдолюбителя.

Не возбранялъ правосудія убогому, яко убогому; ниже даровалъ прощеніе богатому, яко богатому.

Не

Не давалъ никому награжденія побѣждаемъ любовію, ни возлагалъ наказанія распалясь гнѣвомъ; не пропускалъ никакого злодѣйства безъ наказанія, и не оставлялъ ни единой добродѣтели безъ награжденія.

Не препоручалъ явныхъ и откровенныхъ дѣлъ другому, нижѐ самъ былъ сомнительнымъ судіею.

Не отказывалъ въ справедливомъ требованіи просящему, нижѐ заключалъ милосердія заслуживающему.

Не дѣлалъ никому вреда въ раздраженіи сердца, нижѐ обѣщалъ даровъ посреди веселія.

Не видалъ никто меня нерадивымъ въ щастіи, нижѐ узрѣлъ кто либо малодушнымъ въ злоключеніи.

Не сдѣлалъ ничего худо злобнымъ духомъ, нижѐ сотворилъ что либо сребролюбивымъ сердцемъ.

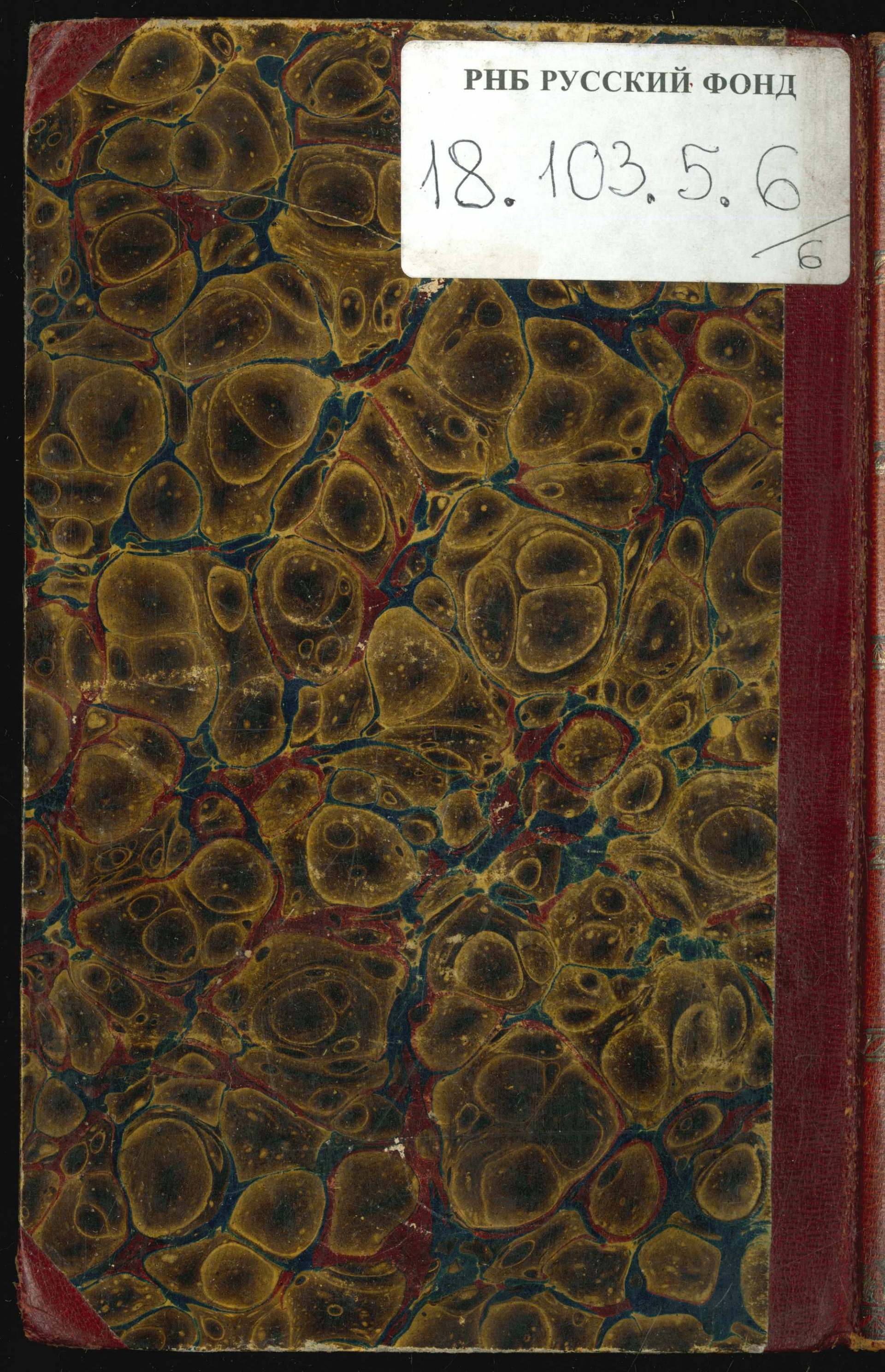
Не отворялъ никогда дверей ласкателямъ, нижѐ открывалъ ушей поносителямъ.

Всегда старался быть любезенъ добродѣтельнымъ, нижѐ отрекался ненавистенъ быть злочиннымъ.

И понеже я былъ защитникомъ убогихъ и безсильныхъ, за то и мнѣ былъ богъ помощникомъ и покровителемъ противъ сильныхъ.

Маркъ Аврелій всѣхъ, прежде царствовавшихъ Императоровъ добродѣтельнѣйшій, скончался 17 дня Апрѣля не отъ болѣзни; но, какъ я заподлинно освѣдомился, умерщвленъ отъ врачей, пріятствовавшихъ и угождавшихъ Коммоду. О семъ повѣствуетъ Ксифилинъ въ сокращеніи Діоновомъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТЫЯ ЧАСТИ
И ВСЕЯ КНИГИ.


РНБ РУССКИЙ ФОНД
18.103.5.6
/6